М.И. Дайбо

УРАЛЬСКИЙ КРОНШТАДТ

М. И. Дайбо

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1983

ББК 63.3(2)712.8
Д14

Рецензент —
кандидат исторических наук
С. Гусаревич.

Д $\frac{10601-011}{М158(03)-83}$ 0505030102

ОТ АВТОРА

В различных литературных источниках и архивных документах о революционной борьбе и гражданской войне на Урале часто упоминаются моряки. Этот факт привлек мое внимание. Но захотелось узнать больше. В поисках материалов в архивах, музеях, в изучении и сопоставлении фактов, в розысках ветеранов и беседах с ними прошло несколько лет. Оказалось, что военные моряки активно участвовали во всех важнейших событиях. Например, полком Красных орлов в боях за Нижний Тагил и Кушву командовал флотский прапорщик-балтиец И. А. Ослоповский, а комиссаром был черноморец А. А. Юдин. Почетное Красное знамя ВЦИК, привезенное из Москвы особоуполномоченным, Ослоповский вручил лучшему бойцу полка знаменосцу-матросу Я. Е. Овсянникову. В этом прославленном полку сражалось более 40 бывших моряков.

Центральным штабом Красной гвардии в Екатеринбурге руководил моряк с броненосца «Заря Свободы» П. Д. Хохряков, направленный на Урал Я. М. Свердловым, он же возглавил эвакуацию Николая II и его семьи из Тобольска в Екатеринбург, а потом командовал речной флотилией на Туре, Иртыше, батальоном Красной Армии и геройски погиб под Крутихой.

Свердловск очень далеко от всех морей и океанов, но я не знаю другого города, где бы прямо на фасаде здания исполкома городского Совета народных депутатов имелось изображение военного моряка, а у нас есть такое — барельеф Павла Даниловича Хохрякова.

В жестоких боях за Урал участвовали 1-й Северный летучий отряд мичмана Павлова на дутовском фронте, несколько бронепоездов, кронштадтская полевая артиллерийская батарея, многочисленные матросские продовольственные отряды, приехавшие сюда из Петрограда.

Немало уральцев находилось в действующем Балтийском флоте в годы первой мировой войны, многие активно участвовали в революционной борьбе против самодержавия и Временного буржуазного правительства — свергали императора, штурмовали Зим-

ний дворец. На легендарном крейсере «Аврора» в момент его исторического выстрела, возвестившего начало новой эпохи, служило 18 уральцев, а один из них, Петр Дмитриев, был связным между «Авророй» и штабом революции. Два коренных уральца — котельщик из Надеждинского завода Иван Сапожников и слесарь из Лысьвы Григорий Силин — были членами Центробалта. Там же, в аппарате Центробалта, работал шахтер из Кизела Аркадий Архипов.

Авторитет Кронштадта и всего Балтийского флота был на Урале огромен. Пример столичного пролетариата и моряков вдохновлял рабочих и крестьян. В Надеждинске имелся свой «Смольный» — так называли одноэтажный деревянный дом на улице Загородка, где в 1918 году размещался комитет большевиков. А Лысьву за ее высокую революционность тогда именовали Уральским Кронштадтом. Правомерно так назвать и весь Урал.

Предлагаемые вниманию читателей документальные очерки дают представление о той роли, которую сыграли моряки в борьбе за Советский Урал. Своей преданностью социалистической революции, мужеством и отвагой они заслужили уважение и безграничное доверие к себе в красногвардейских отрядах, в молодых красноармейских полках, в штабе Третьей армии огромного Восточного фронта.

Приношу искреннюю благодарность всем, кто оказал мне посильную помощь в подборе материалов: работникам Свердловского областного партийного и государственного архивов, Свердловского объединенного историко-революционного музея, библиотеки имени В. Г. Белинского, окружного Дома офицеров, Кировского областного краеведческого музея, городских музеев Нижнего Тагила, Серова, Ирбита, Лысьвы, Камышлова, ветеранам революции и гражданской войны Н. С. Ошивалову, А. С. Егоршину, И. М. Широкову, краеведу города Касли В. П. Петухову, родственникам героев Б. И. Сапожникову, Е. П. Марусевой, А. П. Рякиной и другим товарищам.

Буду глубоко признателен всем, кто выскажет свои замечания и пожелания по поводу данной книги, а также тем, кто сообщит новые сведения о революционной и боевой деятельности моряков на Урале.

ЧЛЕН ЦЕНТРОБАЛТА ИВАН САПОЖНИКОВ

Три революции за одно десятилетие — таков был накал классовых битв, выведших Россию на социалистический путь развития.

Во всех трех революциях матросам Балтийского флота принадлежала выдающаяся роль.

Борьба большевиков за флот была длительной и трудной, она потребовала больших усилий, немалых жертв. Об этом, в частности, рассказывается и в данном очерке, посвященном балтийскому матросу с Урала — Ивану Петровичу Сапожникову.

Судьба этого человека характерна для судеб целого поколения революционеров.

В «черном списке»

Детство было горьким. После смерти матери остался Иван годовалым, восьмым по счету, ребенком. «Отец женился, новая наша мать еще принесла отцу пять ребенков, один из них умер, а шесть братьев и шесть сестер они поставили на ноги. Было мне шесть или семь лет, когда отец оставил свой дом и поехал искать счастья. Приехал в Надеждинский завод, где и бросил якорь до конца своей жизни. В Надеждинском заводе я пошел учиться в школу, но, не закончив трех классов, тринадцати лет пошел пилить дрова для узкоколейной дороги, а потом поступил в механический цех Надеждинского завода, в прессово-штамповочное отделение».

Это Иван Петрович писал, когда был уже стариком, и морское слово «якорь» в рассказе о сухопутном отце употребил не случайно: флотскую терминологию познал не из книг — сам был моряком. И «на ноги» ставили его не только обремененные большой семьей родители, но главным образом тяжелая трудовая жизнь, начатая в детском возрасте на заводах, и революционная Балтика, ставшая для него настоящим университетом.

В механическом цехе щуплый темнолицый паренек нагревал железо, получая по 35 копеек за 12-часовой рабочий день. Чтобы не сжечь руки, обматывал их тряпками и смачивал водой. Искры обжигали лицо, горела одежда, о спецовке даже понятия не имели...

Когда на завод приехали подрядчики из бельгийской фирмы «Ноэль», спецы по железным конструкциям, Ванюшка перешел к ним. Работал не меньше, чем прежде,— нагревал заклепки, получал здесь на гривенник больше. А когда перевели учеником на разметку, где потребовалось орудовать не только руками, но и «шевелить мозгой», прибавили еще пятак.

Закончив подряд в Надеждинске, фирма «Ноэль» взялась реконструировать каустический цех содового завода на Каме. Туда же вместе с группой рабочих и своим старшим братом Петром поехал и Ваня Сапожников. Там присмотрелись к нему рабочие Александр Ганюсев, Василий Игошев, Иван Косяков. Парень понравился им по всем статьям. Его стали приглашать на тайные массовки, а потом позвали и на подпольное собрание.

На одном из таких собраний в доме Игошева рабочие выбрали Александра Ганюсева делегатом на партийную конференцию в Пермь. Вернувшись, он сообщил, что конференция постановила проводить забастовки в знак протеста против массовых арестов и казней. Тут же избрали забастовочный комитет, поручив ему потребовать от фирмы «Ноэль» сокращения рабочего дня до

8 часов, увеличения жалованья, увольнения трех человек, шпионивших за рабочими.

Хозяева отказались удовлетворить эти требования. Тогда комитет объявил забастовку. Хозяева заработки немного повысили, на полчаса удлинили обеденный перерыв, но уволить своих доносчиков отказались.

Забастовка продолжалась. Рабочих начали вызывать к приставу. Когда работу возобновили, хозяева уволили сразу девять человек — весь забастовочный комитет. Так оказался безработным и самый молодой член этого комитета — двадцатилетний Иван Сапожников.

«Кто не испытал безработицы, тот не может себе представить, как это ужасно,— вспоминает он о прошлом.— Безработный, не имея куска хлеба, в лучшем случае пускается в воровство, в худшем случае кончает самоубийством»[1].

Пришлось вернуться в Надеждинск, но поступить на работу не мог: завод стоял. Завод остановили сами хозяева, чтобы «проучить» всех, кто захотел лучшей доли. Ведь это они, металлурги, первыми вышли на улицы в знак солидарности с пролетариями столицы, сражавшимися на баррикадах после Кровавого воскресенья. Тогда же был создан в Надеждинске первый Совет рабочих депутатов, руководили им большевики. В Государственную думу от Пермской губернии был избран слесарь этого завода большевик Василий Чащин. Царской охранке удалось разгромить организацию на заводе, однако начались террористические акты: эсеры стреляли в мастера механического цеха Калинина и в мастера рельсопрокатного цеха Карандашова, убили директора Прахова.

В поисках работы Сапожников поехал в Екатеринбург, но и здесь получил отказ: он оказался в «черном списке», составленном жандармами. Из Екатеринбурга

[1] Автобиография И. П. Сапожникова.—Архив автора.

отправился в Пермь, в столицу губернии. После долгих скитаний устроился грузчиком на пристань. Но здесь ему объявили неписаный «закон» грузчиков: что заработал — пропей, не то плохо будет. Не приняв такого «порядка», снова вернулся в Надеждинск, где, чтобы не быть нахлебником у отца, стал временно работать по два-три дня в неделю. По утреннему гудку являлся к проходной будке, делал в поте лица все, что прикажут, а вечером получал от мастера драгоценный полтинник.

Так было до осени 1909 года, когда взяли на военную службу.

Палуба, омытая кровью

Второй Балтийский экипаж. Плавание на учебном судне «Европа», затем школа минеров в Кронштадте, учебный крейсер «Двина» — бывший «Память Азова»... Совсем недавно этот корабль состоял в числе крейсеров 1-го ранга, носил почетное имя гвардейского и вдруг «разжалован» до разряда вспомогательных судов. За что такая немилость? Дотошный молодой матрос вскоре узнал обо всем, что здесь произошло.

Началось в июле 1906 года, когда вспыхнуло восстание в крепости Свеаборг, возле главной базы флота — Гельсингфорса. Матросы этого корабля арестовали офицеров и тоже подняли алый революционный флаг. «Морское начальство,— сообщала тогда газета «Казарма»,— так испугалось, что снарядило против крейсера целую эскадру: броненосец «Слава», линейный корабль «Цесаревич» и крейсер «Богатырь». Судам этим был дан приказ расстрелять и потопить восставший крейсер. Такой же приказ дан фортам крепости Кронштадт».

В Ревельском порту крейсер «Память Азова» был окружен миноносцами, и прямо на него высадился крупный отряд жандармов. Завязался бой на всех палубах: с обеих сторон было убито 30 человек. У цар-

ских сатрапов сил и опыта оказалось больше. Жестоко подавив восстание, они одну треть экипажа предали суду: 17 человек приговорили к смертной казни, 5 человек к 20 годам каторги каждого, остальных — к ссылке на разные сроки в отдаленные места. Никто из осужденных прощения не просил, ибо каждый боролся за свободу и виновным себя не считал. Все приговоренные к смерти отвергли услуги духовного пастыря.

С этого, собственно, и началась главная учеба Ивана Сапожникова на переименованном крейсере. Матросы, уцелевшие в ходе расправы над экипажем, рассказали ему о причинах своего поражения: комитет для руководства восстанием на корабле создали, а ответственного лица, способного принять в нужный момент самостоятельное решение, назначить не догадались; офицеров арестовали, а контрреволюционно настроенных кондукторов и унтеров оставили на свободе; переоценили свои способности по управлению кораблем без офицеров, поэтому, подняв алый флаг, продолжали стоять на месте[1].

Поразило общее сходство недавних событий на Урале и здесь, на Балтике. Там и тут — решимость и воля в борьбе за свободу, но там и тут — поражение. Почему? Это стало понятно позже.

...На корабле, стоявшем в Кронштадтской гавани, уральский парень в 1911 году стал членом Российской социал-демократической рабочей партии большевиков. Таким образом, он сдал сразу два экзамена: на должность штатного судового электрика и на политическую зрелость. Вскоре его перевели на крейсер «Рюрик».

Каторжанин

На «Рюрике» подпольная революционная организация в 1911 году уже имелась. Годом раньше, когда «Рю-

[1] См.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. АН СССР, 1948, с. 325—333.

рик» вместе с «Авророй» были в заграничном плавании и посетили германские, английские, французские порты, матросы встречались там с русскими политическими эмигрантами и с их помощью даже знакомились с марксистской литературой. Именно тогда на этих крейсерах образовались революционные кружки «нижних чинов»[1].

После массового расстрела безоружных рабочих на Лене в апреле 1912 года, всколыхнувшего всю Россию, революционные организации создаются на многих кораблях. На линкорах «Цесаревич», «Император Павел I», крейсере «Рюрик» они были наиболее крупными и активными.

Молодой электрик «Рюрика» не сразу нашел здесь единомышленников: они вели работу по правилам глубокой конспирации. Лишь позднее, когда был принят ими, узнал, что все подпольщики состоят в своих засекреченных «десятках», каждый имеет свой номер. Это для того, чтобы в случае провала кого-либо сохранить от разгрома всю революционную организацию на корабле. Тайные собрания проводились лишь в необходимых случаях: зимой на катке поблизости от своего крейсера, летом — на берегу в часы кратковременных увольнений. Через машиниста А. Карпова установили связь с рабочими завода «Леснер» в Петербурге, а в Гельсингфорсе — с большевиками русского отделения финской социал-демократической партии. Так партийная организация на «Рюрике» стала своеобразным центром социал-демократических организаций на Балтийском флоте[2].

Получив свой номер, электрик Сапожников стал активнейшим членом этой организации[3].

---

[1] См.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте, с. 430.

[2] См.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте, с. 436.

[3] См.: Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Лениздат, 1969, с. 55—57.

Начал действовать революционный комитет флота, избранный большевиками в пригороде Гельсингфорса — Сосновке. Этот центральный орган держит связь с Петербургским комитетом РСДРП(б), получает от него литературу, листовки, большевистскую газету «Звезду», позднее —«Правду»[1].

Революционные события в стране нарастают, обостряются. Не остаются в стороне и моряки. 22 апреля за Петербургским мостом в пригороде Гельсингфорса состоялось собрание представителей революционных организаций двух броненосцев, четырех миноносцев, двух пехотных частей. Под впечатлением происходящих по всей стране событий вносится предложение немедленно поднять весь флот на восстание против царя. Вопреки здравым доводам членов комитета о преждевременности такого восстания большинство присутствующих высказалось за немедленное выступление. Общефлотское восстание решили приурочить к выходу эскадры в море. Первыми должны выступить линкоры и крейсеры, они вместе с командами миноносцев и других кораблей овладевают Свеаборгской крепостью, после чего одни корабли идут в Ревель, другие — в Кронштадт и Петербург, где вместе с рабочими должны свергнуть ненавистный народу царский строй. Восстание назначается на 24 апреля, принимается воззвание «К солдатам».

Излишняя поспешность в таких делах гибельна. Одного энтузиазма недостаточно — нужна всесторонняя и тщательная подготовка в строжайшей тайне, но этим обязательным условием моряки пренебрегли и обрекли себя на поражение. Командование отменило выход эскадры в море и в ночь на 24 апреля произвело аресты: на «Цесаревиче» взято 8 человек, на «Рюрике» — 13... Их выдал охранке бывший член Государственной думы провокатор Шурканов.

---

[1] См.: Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы, с. 67—68.

Ивана Сапожникова, как и всех арестованных, заточили в одиночную камеру столичной тюрьмы «Кресты», а в ходе следствия перевели в один из каменных мешков Петропавловской крепости, куда жандармы помещали самых опасных для царизма «преступников».

Четырнадцать месяцев длилось следствие по «делу 52-х», девять дней продолжался суд при закрытых дверях в июне 1913 года, но не удалось старательным царским слугам поколебать железную волю схваченных ими людей. Подсудимые держались мужественно и стойко, разоблачая шпионов и провокаторов, предателей и лжесвидетелей.

Ивана Сапожникова и еще 20 человек суд приговорил к смертной казни. Но царские прислужники не смогли осуществить кровавую расправу над осужденными, так как уже в ходе процесса над моряками начались массовые забастовки в Питере и ряде других городов «в знак протеста против суда над матросами и в виде протеста против смертной казни»,— сообщала тогда «Правда». Чтобы не вызвать дальнейшего обострения обстановки в стране, власти смертную казнь «милостиво» заменили каторжными работами. Сапожникова осудили на три года в арестантские роты «с лишением прав».

Все ожидали, что будут отправлены в далекую Сибирь, а оказались очень близко — на острове Нарген, в сорока верстах от Ревеля (Таллина). Царское правительство нашло это место подходящим для ссылки матросов, осужденных по политическим делам: глухой, заросший лесом небольшой клочок земли весь год окружен водой, убежать с него нельзя, а тяжелых работ предостаточно — строятся артиллерийские укрепления.

Привезли зимой. Под конвоем по узкой тропе привели в бараки без окон и дверей:

— Утепляйтесь сами, если не хотите от холода околеть!

Четыре года Сапожников сооружал укрепления на

унылом Наргене. Видел, как за день до войны с Германией, 31 июля 1914 года, минные заградители «Ладога», «Амур», «Нарва», «Енисей» под прикрытием других кораблей флота ставили центральное минное заграждение на линии Нарген — Порккала-Удд, а месяцем позже отряд крейсеров под флагом командующего флотом адмирала Эссена, поднятом на «Рюрике», вышел в море для боевых действий против кайзеровского флота. Штатному корабельному электрику надо бы там, на «Рюрике», быть, а он в такой момент землю копает на берегу. Даже во время войны не выпускают его отсюда!

Флаг Центробалта

Весть о свержении царя пришла на остров Нарген неожиданно. Обитатели каменистого клочка земли, окруженного сторожевыми постами, мало что знали о бурных событиях в России. Не так давно здесь жили эстонские рыбаки, но их выселили и вместо них привезли осужденных на каторгу матросов. До ближайшего города — Ревеля — сорок верст. Открытая почта не ходит, а так хочется знать, что происходит в Кронштадте и Питере, на всем флоте, на далеком родном Урале. Свежи в памяти забастовка на Камском содовом заводе, арест отца и брата Василия за участие в маевке 1907 года, «черный список» и мытарства в поисках работы, массовое увольнение «за непокорность» с Надеждинского завода. Считали неблагонадежным, а на военную службу призвали: на пушечное мясо, стало быть, годен их благородиям.

На митинге избрали Наргенский Совет, председателем — матроса Пантелея Коваленко, осужденного также по «делу 52-х», а матроса Сапожникова избрали от острова Нарген в Ревельский Совет рабочих и солдатских депутатов.

Строительство укреплений для тяжелых батарей за-

канчивали уже без царя: Временное правительство, «спасая» революцию от немцев, продолжало империалистическую войну.

Главная база флота недалеко, в Гельсингфорсе. Там на всех судах и в береговых частях созданы матросские и солдатские комитеты; командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал Непенин, пытавшийся противостоять перевороту, убит.

Как и по всей стране, на флоте — двоевластие. Командование присягнуло Временному правительству и стремится подавить революцию, а матросские и солдатские комитеты, руководимые большевиками, преодолевая яростное сопротивление соглашателей, вводят и укрепляют демократические порядки, решительно взяв курс на полную победу социалистической революции.

27 апреля Гельсингфорсский Совет постановил создать Центральный комитет Балтийского флота. Личный состав 1-го Отдельного батальона Приморского фронта избирает в комитет вчерашнего каторжанина Сапожникова.

Собрались на маленьком пассажирском пароходе «Виола». Председателем избрали украинского хлебороба, грузчика Рижского порта, члена партии большевиков с 1912 года, дальномерщика с линейного корабля «Император Павел I» матроса Павла Дыбенко.

С первых же дней своего рождения комитету пришлось решать массу таких сложнейших вопросов, которые, казалось бы, не должны его касаться. 16 мая, например, на заседании возник вопрос: надо ли сохранять многочисленные штабы, имеющиеся на крупных и мелких соединениях флота? Они размещаются на судах и транспортах, необходимых сейчас для других целей.

Ввиду сложности вопроса постановили создать комиссию из пяти человек, в нее вошел и Сапожников[1].

---

[1] См.: Протоколы и постановления ЦКБФ 1917—1918. АН СССР, 1963, с. 55.

А как быть с квартирными деньгами офицерам, столовыми деньгами, с жалованьем и прочим? При царе офицеры всеми видами довольствия обеспечивались весьма щедро, а при новой власти так довольствовать их недопустимо: ведь они теперь, согласно приказу № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от первого марта, не господа и не благородия. Но ведь идет война — как бы не наломать дров... Решили создать особую комиссию из шести человек, в нее тоже ввели Сапожникова[1].

Два века военные корабли флота Российского носили на мачтах белые флаги с синим андреевским крестом, но вот на «Виоле» взвился новый, не виданный доселе военно-морской флаг: красное полотнище с перекрестием якорей в центре и с четырьмя большими буквами ЦКБФ по углам. Он гордо и дерзко развернулся на ветру как символ неукротимой воли и решимости в борьбе за свободу, землю и мир.

На плечи матросского Центробалта легло множество задач и обязанностей, среди них одна из главных: охрана морских границ от вторжения германского флота в прибрежные воды. Временное правительство ненадежно, оно неспособно сделать это, а кайзер теперь действительно угрожает не только территориальной целости России, но и революционным завоеваниям народа. Центробалт необходимо узаконить официальным документом, чтобы все, а не только судовые комитеты, признали его руководящим органом на флоте. Эсеры, меньшевики и разные другие сторонники Временного правительства встретили это предложение в штыки. Но Устав все же разработали и утвердили на общефлотском съезде балтийцев. Кардинальное положение Устава: «Ни один приказ, касающийся жизни флота, исключая чисто оперативную и связанную с ней техническую

[1] См.: Протоколы и постановления ЦКБФ. 1917—1918, с. 58.

деятельность, не имеет силы без одобрения ЦКБФ». Иными словами, любое распоряжение начальства, не одобренное этим матросским комитетом, исполнению не подлежит. Руководствуясь Уставом о своих правах, Центробалт может теперь запрещать исполнение приказов самого министра.

Керенский отказался утвердить такой Устав, но не смог и отменить его.

В июне Керенский подписал приказ о формировании ударных батальонов для сухопутного фронта, решив таким способом избавиться от наиболее революционных матросов на кораблях, а Центробалт заявил: ни один матрос, верный революции, не может покинуть свой корабль! И никто корабли не покинул.

Керенский готовит свое знаменитое по трагическим последствиям летнее наступление на германском фронте, а Центробалт дал указание судовым комитетам все приказы о передвижении флота и перемещении команд, откуда бы они ни исходили, без его согласия не выполнять.

Керенский не утвердил и флаг, поднятый над «Виолой», а он, ярко-красный, гордо реет наперекор всему!

«Народный министр» делает попытку «примирить» непокорный Центробалт с правительством. Явившись в Гельсингфорс, он вызвал к себе «для беседы» весь состав комитета. Ответ получил такой: Центробалт — массовая общественная организация, мы считаем неудобным являться на вызов одного человека, просим господина министра самого прибыть к нам...

Условились, как вести себя, если «высокий гость» соизволит посетить «Виолу». Тот явился вместе с командующим флотом. По такому случаю народу собралось столько, что министр едва втиснулся в помещение. Расширенное заседание открыл матрос Дыбенко, он просит господина министра извинить Центробалт за то, что вынуждены принять его в таком тесном и неуютном

помещении, и сразу же обращается к нему с просьбой разрешить Центробалту разместиться на более просторной и лучше оборудованной яхте «Полярная Звезда»: она вряд ли понадобится своим прежним хозяевам. Керенский не возражает. Матрос Ховрин ставит перед ним вопрос о... назначении жалованья членам Центробалта. Керенский согласен. Новая просьба: по старому закону матросы, уходя в запас после службы, обмундирование первого срока носки сдавали интенданту, а теперь, при новой власти, пусть все обмундирование остается у них на руках. Керенский на все готов, лишь бы приручить Центробалт, но он видит, что разговор идет не о том, о чем бы ему хотелось, и не так, как ему надо, да и председательствует не он, и, стало быть, линия не его. Взглянув на часы, он сообщил, что весьма ограничен временем, и отбыл.

А члены Центробалта, не мешкая, перебрались на «Полярную Звезду» — яхту, недавно принадлежавшую матери Николая II. Сюда же перенесли и флаг. Здесь по-хозяйски разместились Иван Сапожников и Николай Ховрин с линкора «Император Павел I», переименованного в «Республику», поселились в каюте, принадлежавшей какому-то великому князю.

...Полную победу революции надо еще завоевать, сметая на пути к ней все препятствия, разоблачая уловки врагов, проявляя бдительность, бесстрашие, революционную дисциплину.

В середине лета обстановка накалилась до крайности.

В ночь на 4 июля радиостанция «Полярной Звезды» приняла экстренное сообщение, переданное открытым текстом: Бюро ВЦИК просит всех следовать только призывам Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. А на «Кречете», где размещается штаб командующего флотом, получено по прямому проводу сообщение о беспорядках на улицах Петрограда. Что же такое происходит в Питере?

— Я от адмирала Вердеревского,— представился офицер председателю Центробалта.— Командующий флотом считает совершенно недопустимым открытое телеграфирование.

— Это вы о чем? — спросил Дыбенко.

— Радиостанция «Республики» отправила радиограмму Кронштадтскому Совету. Позвольте зачитать текст: «Экстренно сообщите о последних событиях. Нужна ли помощь?» Вердеревский считает...

— То, что считает Вердеревский, мы уже слышали,— прервал его Дыбенко.— Передайте адмиралу, что вопрос этот мы выясним [1].

В Питере была манифестация с требованием прекратить войну, она была обстреляна из пулеметов. Нет ничего удивительного в том, что «Республика», желая выяснить обстановку, обратилась к Кронштадту через голову командования.

Решили назначить трех комиссаров, обязав их присутствовать на линиях прямой связи во время переговоров штаба с Петроградом.

Ни начальник штаба капитан 1-го ранга Зеленый, ни флаг-капитан оперативной части князь Черкасский, ни сам адмирал Вердеревский не осмелились запретить матросу Ховрину войти в телеграфную рубку на штабном «Кречете». И вот у него в руках первая расшифрованная телеграмма от помощника военно-морского министра Дудорова: «Немедленно прислать «Победителя», «Забияку», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им войти в Неву. Идти полным ходом. Посылку их туда держать в секрете. Если кто из этих миноносцев не может быстро выйти, не задерживать других. Начальнику дивизиона по приходе явиться ко мне... Если по вашим соображениям указанные миноносцы прислать невоз-

[1] См.: Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм. Воениздат, 1966, с. 119.

можно совершенно, замените их другим дивизионом, более надежным...»

Матросский комиссар читает вторую телеграмму: «Временное правительство по соглашению с исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов приказало принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего на то приказания не мог идти в Кронштадт, предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подводной лодкой» [1].

— Пушки и торпеды наших кораблей хотят против наших же кораблей направить! — доложил Ховрин на заседании Центробалта.

Поступило предложение всем флотом пойти в столицу и разогнать Временное правительство, но после длительных и горячих споров решили потребовать срочной замены Временного правительства, арестовать и предать суду Дудорова.

Утром 5 июля, с первыми лучами восходящего солнца, эсминец «Орфей» с развевающимся красным стягом взял курс на Петроград, имея на борту большую делегацию из представителей судовых комитетов и Центробалта. Вчера этот корабль помощником морского министра Дудоровым был назначен для противодействия кронштадтцам, а теперь он идет им на помощь и доставит в столицу людей, призванных арестовать самого Дудорова. Но всю делегацию балтийцев в Петрограде задержали и отправили в тюрьму.

6 июля от «Полярной Звезды» отошел эскадренный миноносец «Громящий» с членами второй делегации во главе с председателем Центробалта Дыбенко. Сойдя в Петрограде на берег, эта делегация также оказалась в окружении юнкеров: моряков избили прикладами и увезли в «Кресты»...

---

[1] Цит. по кн.: Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм, с. 121—122.

Всем арестованным предъявлено одно обвинение: измена родине, шпионаж в пользу Германии, самочинный привод кораблей с фронта в тыл. Согласно статьям 105, 109, 271 Военно-Морского Устава о наказаниях, все подлежат в военное время лишению прав, смертной казни или ссылке на каторжные работы.

В составе двух арестованных делегаций почти все наиболее активные работники Центробалта. Керенский объявил их изменниками революции и приказал распустить Центробалт, назначив новые выборы.

Новый состав Центробалта, избранный под эгидой комиссара Временного правительства Онипко, 25 июля приступил к работе. Он почти весь предан и послушен правительству, чем весьма довольны Керенский и новый командующий флотом адмирал Развозов. Но пятая часть нового состава — большевики, среди них — Иван Сапожников, избранный повторно. Пуще прежнего закипели жаркие схватки в Центробалте: одна пятая против четырех пятых состава, большевистское меньшинство против меньшевистского большинства.

В жарких дебатах, необходимых и важных, быстро принять правильное решение трудно, а время не ждет. Члены ЦКБФ Ховрин, Сапожников и еще 10 человек подали коллективное заявление, в котором говорилось, что так продолжать работу далее невозможно, выход из создавшегося положения они видят в одном из двух — или надо принять к руководству Устав ЦКБФ, утвержденный 1-м съездом представителей в мае, или немедленно созвать новый съезд Балтийского флота.

Заявление большевиков обсуждается 18 августа на заседании комитета и становится известно всему флоту [1].

Так постепенно все становилось на свои места: команды многих кораблей и частей, разобравшись с помощью большевиков в обстановке, снова начали принимать ре-

[1] См.: Протоколы и постановления ЦКБФ. 1917—1918, с. 121.

золюции о недоверии правительству. Корабли Первой бригады линкоров потребовали вновь поднять флаг Центробалта, спущенный по приказу Керенского. Революционному флагу место не в кладовке, а над «Полярной Звездой».

Верховный главнокомандующий генерал Корнилов сдал немцам Ригу и приказал генералу Крымову двинуть его конный корпус в столицу. В ответ на это Кронштадт послал пять тысяч бойцов и полдюжины эскадренных миноносцев, усилил форт Красная Горка. На всем флоте создаются ревкомы, избираются комиссары, которые обязаны контролировать оперативные действия командующего и всего командного состава на кораблях. Над «Полярной Звездой» вновь поднят кумачовый флаг Центробалта. Набатом звучит большевистский призыв по флоту: «Матрос революции, докажи, что ты не спустишь красных знамен, что ты не сдашь своих позиций, что ты отстоишь подступы к революционному Петрограду!».

Корниловский мятеж был подавлен объединенными силами Красной гвардии и моряков. Стремясь подавить революцию любым способом, Керенский задумал сдать Петроград... немцам. Кайзеровские войска уже ведут большое наступление на прибалтийских равнинах, а его морские силы получили приказ уничтожить Красный Балтийский флот.

«Товарищи, докажем всему миру, что революционный Балтийский флот, защищая революционную Россию, погибнет, но не отступит перед флотом германского императора!» — обратились ко всем кораблям и фортам делегаты 2-го съезда моряков. Съезд не только призывает, но фактически руководит боевыми действиями флота в Моонзундском сражении. Кайзеровский флот, имея большое численное превосходство, не смог добиться решительного успеха и оставил свои попытки прорваться в Финский залив. В конце съезда моряки избира-

ют своих делегатов на II Всероссийский съезд Советов, среди них два друга — Ховрин и Сапожников.

Очередная уловка врагов революции: 1 сентября Временное правительство Российскую империю переименовало в Российскую республику, а для управления страной образовало Директорию во главе с Керенским. Все буржуазные газеты ликуют, взахлеб кричат о наступлении новой эры и великих перемен, а большевики сразу обратили внимание на «маленькую» деталь: перед словом «республика» авторы декрета «забыли» написать слово «демократическая»... Что это за «республика», если она не демократическая?

Бурные митинги протеста на всех кораблях. В Гельсингфорсе собрались судовые комитеты 19 боевых кораблей. Объединенное заседание постановило: «В знак протеста против недоговоренности и откладывания введения республиканских учреждений на неопределенное время в 8 часов утра 8 сентября поднять на стеньгах всех судов Балтийского флота, а также в береговых частях красные флаги и не опускать таковые до окончательного учреждения федеративной демократической республики» [1].

Эти флаги заалели по всему флоту точно в тот день и час, которые указаны Центробалтом. Весной красными флагами заменили андреевские на кормовых флагштоках и гафелях, а теперь подняли еще выше — на стеньгах под клотиками.

В середине сентября рабочие, матросы и солдаты Кронштадтской крепости, собравшись на многотысячный митинг, потребовали немедленного созыва II Всероссийского съезда Советов, а несколькими днями позднее Центробалт объявил: Балтийский флот больше не признает власти Временного правительства и никаких его

---

[1] Цит. по кн.: Измайлов Н. Ф. Балтийский флот в Октябрьские дни.— Знание, 1957, с. 25.

распоряжений исполнять не будет. Изгоняются с флота все комиссары Временного правительства, повсеместно назначаются комиссары Центробалта. Власть Временного правительства на Балтийском флоте свергнута за пять недель до штурма Зимнего.

Весь период от февраля к октябрю революционный Балтийский флот — надежная и важная опора ЦК РСДРП(б), его боевой ударный отряд.

С первых дней октября на всех кораблях и в береговых частях формируются специальные боевые взводы, они поступают в распоряжение Центробалта для непосредственного участия в свержении Временного правительства в Петрограде. Создается Исполнительное бюро в количестве 15 членов ЦКБФ, в их числе — Сапожников [1].

...Делегаты Красной Балтики, прибывшие на II Всероссийский съезд Советов, прямо с Финляндского вокзала отправились в Смольный, имея наказ от флота: буржуазное правительство немедленно свергнуть, всю власть передать Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Крейсер «Аврора», четыре эсминца, минный заградитель «Амур» уже стоят на Неве у Зимнего.

У входа в Смольный, прямо на ступеньках подъезда и возле них, виднелись пулеметы, полевые орудия, броневики, в дверях — часовые. Из разных частей города сюда то и дело прибывают колоннами вооруженные отряды рабочей Красной гвардии, моряки, солдаты, они тотчас получают указания Петроградского военно-революционного комитета и отправляются на вокзалы, к мостам, на телеграфную и телефонную станции, к почтамту, к государственному банку, но более всего — в самый центр города, к Зимнему дворцу, где находится Керенский со своими министрами. Часы «временщиков» сочтены: сегодня ночью их власти придет конец.

Около полуночи над Питером прогремел выстрел

[1] См.: Протоколы и постановления ЦКБФ. 1917—1918, с. 293.

шестидюймового носового орудия «Авроры» — сигнал к штурму.

Утром 26 октября всех министров отправили под конвоем в Петропавловскую крепость, в их числе не оказалось лишь «министра-председателя» — он успел бежать.

...Актовый зал Смольного. Ховрин и Сапожников сидят в девятом ряду, им хорошо виден президиум, слышно каждое слово ораторов.

— Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки,— громко и торжественно звучат волнующие, написанные рукою Ленина слова Воззвания, обращенные к трудовому народу всей страны. Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок [1].

А затем с двумя докладами выступил Владимир Ильич, по ним принимаются Декреты о мире и о земле. Делегаты избирают правительство рабоче-крестьянского социалистического государства во главе с В. И. Лениным.

Возвращаться в Гельсингфорс не пришлось: взять власть сумели, теперь должны суметь отстоять ее, укрепить. А удержать ее оказалось нелегко. Это показали первые же дни. Керенский с генералом Красновым, захватив Гатчину и Царское Село, повели наступление на Петроград, а генерал Духонин в Могилеве, объявив себя верховным главнокомандующим, отказался выполнять Декрет о мире...

Все силы на борьбу против врагов Советской власти!

В штормовые октябрьские дни создается новый боевой орган — Военно-морской революционный комитет

[1] Цит. по кн.: История КПСС. Госполитиздат, 1960, с. 236.

(ВМРК) Всероссийского военного флота. Отряд моряков под командой Ховрина разогнал изменнический эсеро-меньшевистский Центрофлот. Назначаются большевистские комиссары: в Адмиралтейство — матрос Ховрин, в Главное морское хозяйственное управление — матрос Марусев, в Морской Генеральный штаб — мичман Раскольников, в бывшее Министерство иностранных дел — матрос Николай Маркин. Комендантом Смольного назначается матрос с крейсера «Диана» Мальков, председатель Центробалта матрос Дыбенко вместе с Антоновым-Овсеенко спешит на Пулковские высоты, чтобы организовать там оборону и остановить полки Керенского и Краснова.

Матросский отряд мичмана Сергея Павлова по заданию В. И. Ленина экстренно отправляется в Могилев для ликвидации ставки Духонина, туда же, с другим отрядом, срочно выехал Иван Сапожников.

После Октябрьской революции уралец все время находился в распоряжении Военно-морского революционного комитета. «Выполнял его поручения»,— пишет он об этом периоде своей работы в столице.

Сказано более чем скромно. Вернувшись в Петроград из Могилева, он активно участвует в ожесточенной борьбе с врагами Советов. Специальные отряды моряков разоружают школу прапорщиков в Старом Петергофе, Константиновское артиллерийское и Николаевское кавалерийское училища, производят обыски и реквизицию оружия на вокзалах и в домах богачей, охраняют Смольный. Матросским отрядам поручается охрана больших винных складов в Зимнем дворце и крупных магазинов, чем пресекаются пьяные погромы и бесчинства анархистов. Моряки подавили несколько антисоветских вспышек в разных частях города, ликвидировали штаб контрреволюции — Петроградскую городскую думу...

Мы не можем сказать, какие именно боевые поруче-

ния ВМРК выполнял Сапожников (документы успели зафиксировать далеко не все), но он был в самом горниле борьбы. Именно в этот момент вооруженной борьбы за революционный порядок в столице наш земляк заболел и по этой причине в январе 1918 года выехал на Урал. Делу революции и упрочения Советской власти он отдал все свои силы.

30 января 1918 года решением СНК РСФСР был создан Народный комиссариат по морским делам. Матрос Павел Дыбенко стал народным комиссаром и председателем Коллегии по морским делам.

3 марта СНК решил упразднить Центробалт, а вместо него образовал Совет комиссаров Балтийского флота.

Опустела многолюдная и шумная «Полярная Звезда». Центробалт сделал свое революционное дело. Флаг спущен [1].

Везде нужен

Был март. Наступила первая после революции весна 1918-го... На Северном Урале приближение весны узнается лишь по календарю, а на дворе в это время еще вовсю властвует зима. Однако у рабочего люда светло и радостно на душе: для него весна наступила еще в октябре прошлого года — весна революционного преобразования России, обновления всей земли, весна свободного, раскрепощенного труда.

Двадцать два года существует этот завод. Построен руками рабочих для производства рельсов на Великую Сибирскую магистраль, а принадлежал буржуям, и даже свое название — Надеждинский — получил в честь владелицы округа графини Надежды Михайловны Половцевой, жены действительного тайного советника и

[1] См.: Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. Воениздат, 1963, с. 221—222.

статс-секретаря А. Половцева, дочери придворного банкира А. Штиглица...

Семь доменных, девять мартеновских печей, одиннадцать клетей в листопрокатном цехе — это новый и самый крупный металлургический завод на Урале. Теперь он принадлежит тем, кто его возводил, кто плавит на нем чугун и сталь, делает рельсы и кровельное железо.

Сапожников был еще в Питере, когда туда приехали председатель центрального совета фабзавкомов Богословского округа каменщик Алексей Курлынин и член исполнительного комитета Надеждинского Совета слесарь Михаил Андреев с докладом о положении дел на заводе. Их принял и выслушал сам Владимир Ильич, а через два дня был уже опубликован Декрет за его подписью: «Ввиду отказа заводоуправления акционерного общества Богословского горного округа подчиниться Декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество акционерного общества Богословского горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики» [1]. Коротко и ясно! По-революционному решительно и справедливо!

Надеждинский завод, Туринские рудники, Богословский и Сосьвинский заводы, Сосьвинская железная дорога и лесничество — все, чем владели бывшие хозяева округа, стало достоянием тех, кто, трудясь в поте лица и создавая огромные ценности для владельцев, сам жил впроголодь.

Девять лет не был здесь Иван Сапожников и, наверное, не скоро бы еще вернулся, если бы не болезнь. Все сказалось: и непосильный труд с раннего детства, и скитания по Уралу в поисках заработка на кусок ржаного

---

[1] Текст Декрета полностью опубликован в газете «Известия» ВЦИК 7 декабря 1917 г.

хлеба, заботы и тревоги революционера-подпольщика, «Кресты» и Петропавловка, смертный приговор, каторга, штормовые месяцы в Центробалте... Вставая на партийный учет в Надеждинском заводе, не распространялся о своих недугах, привезенных с Балтики, и уже в начале апреля, преодолевая оставшуюся боль, с группой красногвардейцев отправился на Обь со специальным заданием: в Тобольске находится бывший царь Николай Второй; по поступившим сведениям, заговорщики хотят вывезти его оттуда в Обскую губу и на английском крейсере переправить в Лондон. Этого допустить нельзя! Вокруг свергнутого, но освобожденного из-под ареста императора соберутся все монархисты — тогда опять война! Из Екатеринбурга в Тобольск уже выехали начальник центрального штаба Красной гвардии Павел Хохряков и Семен Заславский.

О Заславском с уважением говорит весь завод: большевик с 1904 года, трижды подвергался арестам за подпольную революционную деятельность, пять с половиной годов отсидел в тюрьме — освобожден Февральской революцией. На судостроительный завод в Николаев не вернулся: ЦК РСДРП(б) послал его на Урал, летом 1917 года он приехал сюда. Поступил работать слесарем-лекальщиком и вскоре стал признанным большевистским вожаком: металлурги Надеждинска избрали его председателем Совета рабочих депутатов своего завода. А сейчас Уралоблсовет поручил ему дело особой государственной важности — вместе с Хохряковым экстренно выехать в Тобольск и посмотреть, надежно ли там содержится вчерашний «самодержец всея Руси», и если необходимо, то эвакуировать его в более надежное место. Вот и ему, матросу Сапожникову, довелось участвовать в этом деле: он должен создать уральскую заставу на Севере, чтобы в случае побега Николая Романова из Тобольска перекрыть ему дорогу в низовьях Оби.

В дальний, трудный путь по заснеженной глухой полутундре выехали на лошадях вчетвером. До Березово добрались втроем — один заболел в дороге, пришлось оставить в юрте манси. Председатель Совета и начальник милиции не были предупреждены из Екатеринбурга об откомандировании сюда этих людей с особым заданием. Местная власть заподозрила в них участников монархического заговора и всех арестовала...

Освободила через неделю, получив «подтверждение личностей» и сообщение о том, что Хохряков и Заславский в Тобольске задание выполнили. Теперь на Оби делать нечего, надо возвращаться на Урал. Как? Пароходом через Тюмень нельзя — там выступили белочехи. Ехать обратным путем тоже нельзя: все болота оттаяли. Можно только пешком, да и то не везде... Но выбора нет!

Воспользовались заморозком и первые 250 верст успели преодолеть на верховых лошадях. Потом полторы сотни верст на оленях, затем сотню верст на собаках... А дальше так застряли, что пришлось ожидать вскрытия Северной Сосьвы. По ней на лодках плыли до верховьев, потом по тайге пешком до Лозьвы, по Лозьве на плоту, с шестами в руках. Дальше опять на лодках до Ивделя, потом снова на лошадях до Надеждинска... Вернулись только в июне [1].

Отдыхать опять не довелось: после трехмесячных странствий по тайге и болотам избрали депутатом в Совет Надеждинского завода, так как многие из прежних депутатов вместе с председателем выехали на фронт. Белочехи с белоказаками захватили Челябинск, угрожают Екатеринбургу и всему Уралу. Туда и отправились 300 красногвардейцев во главе с Заславским, только что вернувшимся из Тобольска.

25 июля Екатеринбург захвачен врагом, он рвется на север — к Нижнему Тагилу и Алапаевску, Верхотурью

[1] Воспоминания И. П. Сапожникова.— Архив автора.

и Надеждинску. Срочно формируется еще один отряд из рабочих, он спешит к Невьянску.

В Богословском округе регулярных частей Красной Армии еще нет, а белые наступают сюда крупными силами, причем не вдоль железной дороги с юга, где их остановила Третья армия, а с юго-востока, по рекам Тавде и Туре, стремясь захватить Надеждинский завод, чтобы отсюда нанести удар с севера по дивизии красных, сражавшейся за Нижний Тагил и Кушву.

Для обороны северного уральского края создается Военная коллегия Богословского горного округа. Военный совет Верхотурского уезда, куда входит и Надеждинский завод, политическим и военным комиссаром округа назначает И. П. Сапожникова, «который, обладая всей полнотой власти в данном районе, является ответственным в своих действиях перед Военным советом». В Надеждинском заводе создается военно-революционный комитет из пяти человек во главе с матросом Сапожниковым. Завод объявляется на военном положении, начинается мобилизация всех имеющихся сил.

Сапожников по тревоге собирает бывших матросов — их здесь много. Председательствует матрос Петр Симонов (служил на линкоре «Император Александр II», на «Гангуте», командовал ротой на Гатчинском фронте против Керенского). Принимается резолюция — краткая, выразительная, горячая, как и ее авторы:

«Ввиду угрожающей опасности русской Октябрьской революции со стороны объединившегося капитализма, мы, матросы Надеждинского завода, собравшись и обсудив текущий момент, постановили:

1. Встать на защиту завоеваний Октябрьской революции рабочих и беднейших крестьян и на защиту рабочей и крестьянской власти.

2. Всех тех, кто подымет голову из контрреволюционеров, требуем от военно-революционного комитета немедленного расстрела тех элементов.

3. Всех тех, которые агитируют против мобилизации, разъединяют ряды рабочих и крестьян, считаем врагами революции и изменниками к тем товарищам, которые ушли на фронт.

4. Призываем всех товарищей, стоящих на защите завоеваний Октябрьской революции, пресекать в корне все контрреволюционные агитации и выступления, чтобы этим не воспользовались враги русской революции и не нанесли удар в спину ушедшим на фронт товарищам.

5. Призываем всех товарищей матросов, солдат и сочувствующих встать в ряды нашей организации на защиту завоеваний рабочих и крестьян, дабы этим избавиться от гнета капитала.

Все к оружию, кому дорога русская революция! Записывайтесь в ряды матросско-солдатской организации!

Да здравствует власть рабочих и крестьян!

Да здравствует диктатура пролетариата!

Да здравствует мир хижинам!»[1]

В отряд записалось 50 матросов и 70 солдат бывшей царской армии. Командиром избрали В. М. Горбунова, его заместителем — П. Н. Симонова. Матросско-солдатский отряд немедленно отправляется на фронт.

Белогвардейские полчища, хорошо вооруженные и обученные, руководимые вышколенными офицерами и генералами, имея большое численное превосходство, теснят почти безоружные и неопытные части молодой Красной Армии. Матросско-солдатский отряд надеждинцев вместе с отрядом сосьвинцев с боями отходит сначала по Тавде и Сосьве, а от села Романово — по лесам и болотам — к Верхотурью. Но не удалось удержать и Верхотурье.

В Надеждинский завод вернулся бывший управитель округа барон Таубе. Он тут же издал циркуляр, которым утверждал себя управляющим округом.

---

[1] Серовский гос. архив, Р-97, оп. 1, д. 2, л. 263.

Вместе с бароном прибыл карательный отряд князя Вяземского — того самого князя, предки которого прославились зверствами еще во времена Екатерины II, когда усмиряли пугачевцев и приписных крестьян на Верх-Исетском заводе, поднимавшихся на борьбу за свои права. Потомок палачей превзошел своих предков: от его кровавых оргий содрогнулась округа.

Но не смогли колчаковцы заставить наших людей выплавлять для них чугун и сталь: крупнейший на Урале металлургический завод стоял — из семи доменных печей еле дымила одна...

Рабочие отряды, ушедшие на фронт, домой не вернулись — они влились там в регулярные полки формируемой в огне боев Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Отряд Семена Заславского, смело прорвавшийся в тыл колчаковцев, почти весь геройски погиб в ночном штыковом бою у села Богандинского на реке Пышме. В живых осталось только шестеро, они вместе с матросом Заславским в Алапаевске добровольцами вступили в Третью армию. Матросско-солдатский отряд стал ротой Волынского полка под Верхотурьем.

Ивана Сапожникова после эвакуации Надеждинска назначили комиссаром 1-го Горного полка, а затем перевели в политотдел 29-й дивизии. Агитатора в матросском бушлате часто видят в частях дивизии. Вместе с этой дивизией он в ходе тяжелых боев отступает до Глазова, откуда его командируют в Петроград на курсы лекторов. Но учиться не довелось — там выступили белофинны, и он опять пошел на фронт, рядовым пулеметчиком 3-го Коммунистического батальона. Бойцы этого батальона избирают его в Петроградский городской Совет — так он стал председателем военной секции Выборгского района. А когда начались наступательные операции по освобождению Урала, он настойчиво просится на Восточный фронт и возвращается в свою 29-ю дивизию.

На Уральском фронте матрос заболел сыпным тифом. Положили в госпиталь. Из госпиталя отпустили на поправку к родным. И опять, как всегда, еще не оправившись после тяжелой болезни, не дождавшись окончания своего отпуска, выехал с партийным заданием в район — там избирают его в состав Верхотурского уездного комитета партии...

Но едва Сапожников приступил к работе по восстановлению Надеждинского завода, как началась новая мобилизация всех военных моряков, находящихся в запасе, и его направляют на восстановление водного транспорта...

Сапожников отправился в Москву. Главное политическое управление водного транспорта направило его в Нижний Новгород, в распоряжение областного, там получил назначение в районное управление и выехал в Пермь, но Уральское бюро ЦК РКП(б) направило его в Надеждинск.

Шел уже 1920 год. Председатель коллегии управления заводом инженер Николай Федорович Преображенский, присланный сюда с правами уполномоченного ВЦИК, назначил Сапожникова членом коллегии по административно-хозяйственным делам, а через год, когда стали вводить единоначалие, поздравил его с назначением на должность директора.

— Давай, Сапожников, разворачивайся, восстанавливай завод. Стране нужен металл для подъема разрушенного хозяйства. Сам видишь: страну душит голод, а в деревне даже деревянную соху починить нечем...

Директор в матросском бушлате

Первый красный директор вынул из ящика постановление совета съездов горнопромышленного Урала, принятое в ответ на решение Совнаркома в ноябре 1917 года о рабочем контроле над производством. Матерые

хищники, много лет бесконтрольно грабившие богатства этого края, заявили: «Рабочий контроль над производством противоречит основным экономическим законам, нарушает понятие о правах собственности и владения имуществом и неизбежно должен привести к гибели промышленных предприятий...» [1]

«Знатоки» экономических законов, не согласившись с рабоче-крестьянским правительством, перешли тогда к открытому саботажу — повели дело к развалу всех предприятий округа. Об этом и рассказали Владимиру Ильичу Курынин с Андреевым, ездившие в Петроград в декабре семнадцатого. Тогда же они вручили ему «Обязательства представителей рабочих организаций Богословского горного округа перед Советом Народных Комиссаров». Вот эти обязательства — они тоже сейчас на директорском столе. Директор читал их уже не раз, помнит каждое слово, но сегодня опять взял их в руки, как заповедную рабочую клятву перед вождем: «Поднять производительность всех предприятий... Представлять отчет Народному комиссариату торговли и промышленности не реже двух раз в месяц... Устанавливать заработную плату согласно действующим в данной местности тарифам... Установить в предприятии полный порядок и трудовую дисциплину... Организовать вооруженную охрану как вверенного имущества, так и свободы рабочих и крестьян...» [2]

Главное уже сделано: управляя заводом, рабочие доказали, что вполне могут обходиться без капиталистов. И если бы колчаковцы не разорили завод, он бы работал полным ходом. А пока действуют лишь одна доменная и одна мартеновская печи. Стоят листопрокатный, сортопрокатный, едва дышит рельсопрокатный цех. На

---

[1] Цит. по ст.: Гагаринов К. Славная история.— Газ. Сталь, 1962, 22 дек.

[2] Цит. по газ.: Сталь, 1962, 22 дек.

весь большой завод — единственный техник Анатолий Кожевников. Образование директора — два класса церковноприходской школы... Острая нехватка продуктов: на работающего завод выдает по фунту ржаного хлеба, независимо от количества едоков в семье,— весь дневной паек умещается на ладони. И несут люди последние свои пожитки в деревню для обмена на картошку и прошлогоднюю дряблую редьку.

Как быть? За что взяться?

Начал с подбора людей. Мобилизовал весь свой опыт агитатора и организатора, накопленный за долгие годы революционной и военной работы. Партком завода помог ему сколотить крепкое партийное ядро. Это прежде всего большевик с 1905 года Алексеев, которому жандармы перебили сухожилия на обеих руках. Руки у него не действуют, но он везде успевает и агитатор отменный — избрали председателем профсоюзного комитета. Это и Михаил Андреев, ездивший в Москву и получивший от самого Ленина инструктаж, как надо самим управлять заводом.

Во главе каждого цеха поставили передовых рабочих. Они, правда, пока не знают науки по руководству производством, но теперь в каждом цехе есть все же руководитель. И директор есть, и начальники в цехах — это уже администрация.

Хуже со спецами — их нет: одни бежали в момент революции, другие — с Колчаком. На пост технорука завода даже вездесущего Алексеева нельзя назначить: при всех своих способностях он не может готового чертежа прочесть, как и сам директор...

Посоветовались в парткоме и решили пригласить на должность технического руководителя завода Анатолия Кожевникова. Он, правда, не металлург, а листопрокатчик, но все же техник.

Созвали общезаводское «техническое совещание». Доклады о положении в цехах были безрадостными.

— Вместо древесного угля получаем головешки, руда поступает наполовину с пустой породой,— сообщил начальник доменного цеха Петр Сычев.— Часто выходит из строя канатная дорога, на разгрузочном дворе не хватает рабочих, железнодорожные вагоны простаивают.

— Огнеупорный кирпич получаем плохой, поэтому свод печи быстро подгорает,— сетует начальник мартеновского цеха Михаил Замятин.— Паровое хозяйство подает пар с перерывами, того и гляди, плавку заморозим. Цех захламлен, а убирать некому.

— Претензии к нам справедливы,— отвечает мастер парового хозяйства Телегин,— но в плохой подаче газа виноваты не мы, а шахтеры Богословских копей, они отгружают каменный уголь наполовину с землей. Кочегары трудятся в поте лица, но впустую... [1]

Мало утешительного и в других цехах, на участках. Но главное все-таки в том, что рабочие голодают. Везде жалобы, все просят прибавки хлеба. Но хлеба нет и взять негде! Одежонку и обувку, какая была, многие уже проели, стали изготовлять зажигалки и ходят с ними по деревням для обмена на хлеб, а то и вовсе уезжают с завода, потому и мало людей в цехах.

Начальник железнодорожной станции получил от директора указание не продавать билеты лицам, не имеющим на руках командировочных удостоверений или документов об увольнении с завода,— крайняя, но необходимая мера.

Туринские рудокопы, богословские угольщики, лесорубы, услышав упреки в свой адрес, подтянулись и улучшили свою работу.

Объявление по всем цехам: кто хочет, после работы приходи в разгрузочный двор, за каждый разгруженный

---

[1] См.: Воспоминания И. П. Сапожникова.— Архив автора.

вагон угля или руды будет выдаваться дополнительно по фунту хлеба, за вагон дров — полфунта.

Понятное дело: простои вагонов — бич для завода, да и хлебная добавка не лишняя для семьи, и люди после смены повалили в разгрузочный.

Очистку цехов от завалов решили производить субботниками. Объяснили, разъяснили, призвали — и рабочие по нескольку раз выходили на субботники. В цехах навели порядок.

Ночью телефонный звонок на квартиру:

— Иван Петрович, срочно прошу в мартеновский!

— Что случилось?

— Приходите, по телефону говорить неудобно.

Встретили возле конторки у входа в цех:

— У печи сталевар Талалаев скончался. От истощения, видать...

Директор подошел, поздоровался со всеми, снял шапку. Сильного своего волнения показывать нельзя — оно еще больше накалит и без того разгоряченные чувства собравшихся.

— Отодвиньте его от печи, жарко здесь,— сказал тихо и как можно спокойнее, невольно шевельнув плечами под бушлатом.

Умершего приподняли на руках и понесли. У него из кармана выпал кусок хлеба, бережно завернутый в тряпочку. Дневной паек. Сам не стал есть — для детей приберег.

— Кто вместо него работать будет? — выкрикнул кто-то.

— Это начальник цеха скажет.

Начальник цеха назвал фамилию молодого сталевара.

— А если и он умрет? — последовал второй, более резкий вопрос.

— Тогда встанете вы.

— А если и я?..

Возникшую тишину оборвал громкий голос директора. Он расстегнул пуговицы на флотском бушлате, шагнул вперед:

— Товарищи, положение с продовольствием улучшится только тогда, когда мы снабдим деревню металлическими изделиями, ведь там сейчас на сошники железа нет! Своих капиталистов мы прогнали, иностранные нам экономическую блокаду объявили — ничего не продают. На кого же нам надеяться, если не на самих себя? Не только нам — всем рабочим и крестьянам, взявшим власть в свои руки, очень тяжело сейчас! Жертвы есть и еще будут, без жертв в такое время не обойтись, но мы, товарищи, несмотря ни на что, построим новую жизнь, за которую боролись и боремся! Нам надо уверенно и смело идти вперед, а не хныкать!

Ответил ясно и правильно. Все быстро разошлись по своим местам, чтобы варить сталь и для сошников.

...В обеденный перерыв к директору пришел канавный с заявлением об увольнении. Человек в цехе нужный, а уходит без особых на то причин. Получив отказ, рассердился, стал угрожать.

— Я живу на Седьмой линии, домой возвращаюсь в час-два ночи,— спокойно сказал директор.— Теперь вы знаете все, что надо знать по такому случаю. Можете действовать.

Канавный, растерявшись от такого ответа, стал просить извинения.

— Так-то лучше. Можете идти.

С молотобойцем Николаем Лихачевым вместе на содовом заводе в Березниках робили, вместе по вечеркам ходили. Сегодня он пришел к своему старому другу:

— Ваня, дай мне работенку полегче и хлебушка подбрось, ты ведь директор, тебе это ничего не стоит.

— Дружба дружбой, Коля, но хлебушко нужно заработать. Да и как я могу выделить тебя от остальных рабочих? Что они скажут?

Обиделся Лихачев. Что ж, не сейчас, так позже поймет, что директор был прав.

Ничем не выделяет Сапожников и себя. В директорском кабинете рабочий стол, шкаф, несколько табуреток. На квартире — обеденный стол, кровать и пара таких же стареньких табуреток. Он и хлеба получает столько же, как все, и в общей очереди стоит за ним, как все, и вместе со всеми ежечасно голоден...

Михаил Иванович Калинин, в то время приехавший в Надеждинск, упрекнул Ивана Петровича за то, что тот еле держался на ногах от истощения, и своей властью назначил ему персональный, несколько увеличенный паек.

Большая радость: на завод приехали сразу два инженера — Гудовщиков и Тетельбаум. Один — металлург, другой — электрик, оба — коммунисты.

Первый стал начальником мартеновского цеха, второй — газоэлектрического. Всеми остальными цехами попрежнему руководят простые рабочие.

А вот вернулась и первая «ласточка», улетевшая с Колчаком,— бывший член Государственной думы инженер Иван Иванович Субботин. Решили назначить его техническим руководителем завода. Вскоре после этого, как и ожидалось, на завод начали возвращаться и другие инженеры: Николай Николаевич Шадрин, Василий Васильевич Воробьев.

— Иван Петрович, как вы думаете использовать бывшего начальника мартеновского цеха Воробьева? — спросил Субботин.

— Начальником мартеновского цеха, конечно.

— Но там же Гудовщиков у нас. Его что, сместим?

Озабоченность Субботина понятна: ведь Гудовщиков — большевик, а Воробьев — беспартийный, да еще отступал с белыми.

— Гудовщиков — молодой инженер, пусть поучится у старого, ему это не повредит.

Замена коммуниста беспартийным старым специалистом вызвала кривотолки на заводе, но вскоре все убедились в правильности такого решения. Возвращение опытного руководителя сразу положительно сказалось на работе мартеновского цеха, и, кроме того, усилился приток «возвращенцев», увидевших на этом примере, что и к ним здесь отнесутся справедливо — по их деловым качествам. Не остался в обиде и Гудовщиков — он основательно поднаторел возле Воробьева и впоследствии стал крупным специалистом сталеварения.

Конечно, с «бывшими» не все шло гладко, с некоторыми из них пришлось повозиться, но этого требовали интересы дела, политика партии — и завод пошел в гору.

— Здравствуйте, гражданин директор,— сказал вошедший в кабинет пожилой человек громадного роста.

— Здравствуйте, Михаил Михайлович.

— Значит, вы меня помните?

— Очень хорошо помню.

— Я поработать к вам приехал.

— Очень хорошо поступили, правильно, давайте будем работать.

— А как мы с вами будем работать, ведь я вас когда-то уволил из механического цеха?

— Не когда-то, а в тысяча девятьсот восьмом году. И не уволили, а выгнали, как «неблагонадежного». Не так ли? Но давайте не будем вспоминать старое и, конечно, постараемся сработаться. На такое условие согласны?

— Какую работу мне дадите?

— Будете, как прежде, начальником механического цеха.

— А рабочие меня примут?

— Почему не примут? За ваши деловые качества рабочие вас уважали, а не любили они вас потому, что вы обращались с ними по-хамски. Теперь вы отношение к ним измените — и дело пойдет.

— Спасибо, Иван Петрович, за откровенный разговор. Постараюсь оправдать ваше доверие.

И механический цех преобразился буквально через две недели![1]

Теперь во главе всех основных цехов и технического отдела стоят квалифицированные, опытные инженеры. До этого времени стремились удерживать завод на уровне, который достался в «наследство» от колчаковцев, а сейчас можно поднимать его и выводить на полную производственную мощность. Но по-прежнему очень трудно с продовольствием — люди голодают. А тут еще Каква, питающая завод водой, обмелела — почти обнажились всасывающие трубы, в них набивается всякий мусор, хоть останавливай работу.

Выход из критического положения с водой подсказал главный механик завода инженер Шляпников: надо вскрыть котлован, устроить бетонированную камеру и закрыть ее предохранительной сеткой. Но кто в холодную воду полезет? Объявили запись добровольцев, разъяснили создавшееся положение, пообещали каждому дополнительно по полфунта хлеба. Бригада из десяти человек невероятно тяжелую работу выполнила вручную за две недели.

Новая беда: появилась трещина на рубашке цилиндра паровой машины в газоэлектрическом цехе, она уже распространилась и на корпус цилиндра. Машина заграничная, запасных частей нет. Самим отлить? Собрали на совет лучших литейщиков, токарей. Но ведь формовочные пески не обновлялись давно, марки чугуна перемешаны, токарные станки разбиты...

— Попробуем. Только ты шибко не вини нас, если придется десяток отлить ради одной годной.

Попробовали, повозились и отлили не десяток, а только две — обе оказались добротными. А токарь Иван Че-

[1] См.: Воспоминания И. П. Сапожникова.— Архив автора.

канов изловчился эти сложные детали обточить с большой точностью.

Прежде чем новый кожух вставить на место, надо нагреть корпус, а он с трещиной... Не разорвет ли его при нагреве? Поручиться никто не может.

— Если разорвет, вредительство мне не пришьют? — полушутя спросил директора главмех Шляпников. И взялся выполнить эту ответственную работу сам.

Трое суток корпели над машиной. Вывезли в машиностроительный цех, установили приспособление и приборы, контролирующие расширение корпуса и температуру масла. Нагревали, охлаждали и вот — победа: кожух на месте!

Пора восстанавливать мартен № 1, но в нем — давний «козел». После удаления «козла» выяснилось: нужно менять под печи, а специалиста-каменщика нет. Стали искать по городу среди стариков, нашли одного.

— Помогу, стало быть, только ты, директор, хлебушком поддержи меня,— поставил тот условие.

— Поддержим, дедушка, поддержим!

Когда этот мартен выдал первую плавку, случилась авария на другом — вся плавка ушла... Причина: в лом каким-то путем попал кусок свинца и разрушил под. На складе военного лома, привезенного для переплавки в мартенах, обнаружили свинцовую головку артснаряда. Видимо, такая же головка и принесла заводу беду. Но вскоре вступила в строй и эта печь.

Медленно, со скрипом, завод все же набирал темпы. Вступают в строй новые и новые мощности, выпуск металла увеличивается, но возрос и расход шихты, лома, присадок. Между тем в мартеновском цехе кончается марганец, без которого нужную сталь получить нельзя. Решили единственную пока домну перевести на производство марганца. Так делалось и раньше, но сейчас очень важно выиграть время — дорог каждый час. «А что, если увеличить размер плавки и повысить тем-

пературный режим?» — задумались инженеры Субботин и Сычев. Сами и взялись за новое в металлургической промышленности дело.

Смелый эксперимент удался. О Надеждинском заводе заговорила вся страна, сюда вскоре приехал известный специалист — профессор Владимир Ефимович Грум-Гржимайло. Он от души порадовался достигнутому здесь успеху и тому, что есть в нашей стране люди, которые даже в столь трудное время двигают вперед не только производство, но и науку [1].

Затем пустили вторую домну, сортопрокатный цех, третью мартеновскую печь. И хлеба стали теперь получать по два фунта, появилась крупа. Прав был Иван Петрович, когда говорил о сошниках: их в деревне стало больше — результат налицо.

* * *

В конце 1923 года И. П. Сапожникова назначили председателем правления Белорецких заводов, куда входил и Надеждинский металлургический. Рабочие предприятия с глубоким уважением относились к нему, ценили его чуткость, честность и знание дела.

Он всегда был требователен к людям и к себе, скромным, бескорыстным, справедливым к каждому. Таким знали его в Надеждинском заводе, таким он был на посту управляющего округом, в аппарате областной контрольной комиссии ВКП(б), секретарем Мотовилихинского райкома партии в Перми, секретарем Кунгурского окружного комитета, на партийной работе в Ленинграде, Пскове, начальником политотдела машинно-тракторной станции в Курьях на Урале, директором Ярковского леспромхоза на Тоболе.

Иван Петрович очень любил детей. Не имея своих,

---

[1] См.: Воспоминания И. П. Сапожникова, записанные Ю. Трифоновым.— Архив автора.

взял на воспитание годовалого племянника, Борю, осиротевшего после гибели отца на Курской дуге, усыновил его и вырастил.

Боря Сапожников, успешно окончив среднюю школу в Свердловске, сразу пошел работать учеником электрослесаря на турбомоторный завод. Без отрыва от производства заочно учился в Уральском политехническом институте, стал инженером-электриком по автоматике и телемеханике в координационно-вычислительном центре на том же заводе.

Сейчас заведует отделом экспериментальных работ в Свердловском проектно-конструкторском бюро автоматизированных систем управления.

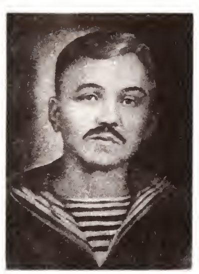
Жизненный критерий для сына — отец большевик.

...Оба начинали с учеников. Отец был в первой когорте отважных бойцов социалистической революции, сын стал активным участником революции научно-технической. Отец самоотверженно боролся за социализм, сын уверенно идет дальше. Связь поколений неразрывна.

УРАЛ И «АВРОРА»

Когда в бедной крестьянской семье, что жила в деревне Чупаево Казанской губернии, родился третий сын — ему не обрадовались: и без него уже пятеро едоков, а кормить нечем. Главою семьи был дряхлый старик Демьян Кузьмич, недавний крепостной. После отмены крепостного права он, получив «свободу», оказался вовсе без куска хлеба: клочок никудышной земли не давал урожаев, поэтому родители по-прежнему гнули спину у того же помещика, оставив деда сторожить избушку в два окна, крытую ржаной соломой.

Умерла мать, а следом за нею дед. Петьке в ту пору

И.П. Сапожников, член Центробалта трех созывов, первый красный директор Надеждинского завода (фото 1918 г.)

Матрос И. Деменев, командир бронепоезда № 2

Машнннный старшина С. А. Романчук, председатель судового комитета на „Самсоне“

исполнилось пять лет. Убитый нуждой и горем, отец начал пить запоем и, продав последнее барахло вместе с избушкой, уехал неизвестно куда. Трое братишек Дмитриевых — Тимка, Ромка, Петька — взяли сумки и пошли по соседним, таким же убогим, деревушкам милостыню просить. Босые, вихрастые, голодные, мотаясь по пыльным дорогам, однажды вдали от родной деревни случайно наткнулись на своего отца — он работал на Кокшанском химическом заводе Ушкова и К° на Каме. Двух старших братьев отец отдал в батраки кулакам, а младшего пристроил поваренком в заводскую столовую, где питался и сам.

Рабочий день Петьки начинался в шесть утра, заканчивался в десять вечера. На кухне таскал со столов и мыл посуду, подкидывал дрова в печку, подметал мусор и, хотя не платили ему ни копейки, был доволен: он теперь не голодал... Унижения, оскорбления, даже побои — все переносил, главное — сыт.

Многие считали поваренка круглым сиротой, жалели, заступались, а ночной сторож Арсений Павлович, одинокий старик, полюбил парнишку и стал его первым наставником: внушал уважение к старшим, порицал воровство, вино и табак, учил молиться богу и читать книжки. А когда Петька, обварившись кипятком, попал в больницу, дед Арсений и там навещал его.

Но пришлось и с добрым дедом расстаться. Рабочие потребовали от хозяев повысить заработки за тяжелый труд на вредном для здоровья химзаводе, объявили забастовку, а управляющий в ответ на это закрыл столовую. И остался поваренок не у дел.

Его старшие братья в это время работали на Пышминском медеплавильном заводе, сюда же стал пробираться вместе с отцом и малолеток Петька.

В 1910 году на Пышминском заводе стояло четыре печи. Руду от шахты возили на лошадях: завод имел собственный конный двор. Затем эту руду опять грузи-

ли в таратайки и везли на второй этаж медеплавильного цеха, сваливали в кучу, а потом кидали в печи лопатами. Загрузка кокса, отвозка шлака и черновой меди — все делалось вручную. Нестерпимая жара, духота от газов, шум и грохот — это напоминало Петьке рассказы деда Арсения об аде для грешников... Кухня на берегу Камы вчерашнему поваренку показалась раем. Но деться было некуда, и Петька поступил на работу каталем у этих же страшных печей, где заболел туберкулезом его брат Тимка.

Впервые увидел Петька, как люди камни плавят в печах, а оттуда течет по желобу пылающий жаром, огненно-кипящий, тяжелый ручей. Ручей стекает в тележку на четырех колесах, и взрослые рабочие, обливаясь потом, выкатывают тележки по рельсам из цеха. А подростки,— их трое у каждой печи — отвозят расплавленный шлак в чугунных котлах на двух маленьких колесиках прямо по плитам. За воротами цеха выливают шлак на свалку, не давая ему остыть, и сразу же спешат обратно в цех со своим «котелком», чтобы поспеть к другому такому же... Если не успеешь, шлак польется через край — тогда не миновать взбучки от мастера, он и прогнать может.

...Тимка вышел из больницы инвалидом, вскоре умер. Задумался Петька: надо уходить с этого завода, пока тоже не захворал. Но куда идти? Ромка катает колчедан в шахте — там, может, лучше?

По мокрой скользкой лесенке Петька спустился на 350 аршин под землю. Кругом бежала вода, и мало что видно — шахты освещались только «блендами». Так назывались свечки в железных коробочках, прицепленных к брезентовой куртке. «Бленды» мерцали бледным светом, а часто и вовсе гасли, и тогда наступала кромешная тьма. Под землей оказалось еще хуже, хотя и не жарко. Первый и последний раз спустился туда Петька.

Снова вспомнились наказы деда Арсения, особенно

его уроки по азбуке. К закону божию душа и сейчас не лежала, но к чтению и арифметике интерес уже тогда обнаружился, и стал Петька самоуком постигать премудрости разные. Сперва учебниками Малинина-Буренина обзавелся и только с их помощью, совершенно самостоятельно «шагнул» в алгебру. Так же, по одним учебникам, начал изучать физику, химию, географию. Труднее всего давался русский язык, но старательный паренек и по этому предмету достиг немалого — писать научился, хотя и с ошибками, но красиво и очень четко, чему могли позавидовать конторские писари.

В поселке были церковь, казенная винная лавка и шинок, а клуба и читальни не имелось. После работы, в будни или по воскресеньям, отмывшись от заводской грязи и копоти, юноша частенько пешком ходил в Екатеринбург за 12 верст, возвращаясь оттуда каждый раз со стопками книг, аккуратно увязанных шнурочком. И уже тогда на его полочке в частной квартире, где он жил вместе с отцом и братом, появилась своя библиотечка.

Летом 1914 года парень почувствовал себя способным зарабатывать на кусок хлеба в другом месте. Поехал на строительство железной дороги Казань — Екатеринбург. Осенью 1915 года его призвали на военную службу в Балтийский флот. Благодаря своему отличному почерку он стал писарем на крейсере «Аврора»...

По тем временам это был новейший и мощнейший боевой корабль. Вступил в строй летом 1903 года. Водоизмещение 6731 тонна. Машины общей мощностью 11 610 лошадиных сил вращали три огромных винта, сообщая стальной громадине скорость хода 20 узлов — более 37 километров в час. 40 морских орудий, 8 из них — шестидюймовые! И три торпедных аппарата: два подводных, один надводный.

Но главная сила крейсера не в машинах, орудиях и торпедах, а в его людях, сумевших грозную боевую тех-

нику повернуть против царя и всех других угнетателей. В команде корабля — 570 человек.

Крейсер 1-го ранга «Аврора» вошел в состав 2-й Тихоокеанской эскадры и в сентябре 1904 года был отправлен из Кронштадта на Дальний Восток, где уже разгорелась русско-японская война. В морском сражении, разыгравшемся в Цусимском проливе 27—28 мая 1905 года, «Аврора» попала под огонь девяти японских крейсеров. В ходе этого неравного боя на «Авроре» уцелело только одно орудие... Погибло более ста человек вместе с командиром корабля, но команда флаг не спустила, в плен противнику не сдалась. По приказу командира отряда крейсеров контр-адмирала Энквиста сильно поврежденные в бою крейсеры «Аврора», «Олег» и «Жемчуг» ушли в нейтральные порты на Филиппины, где были интернированы до конца войны [1].

Личный состав «Авроры» был известен не только героизмом в Цусимском сражении. «Получены сведения из французской сыскной полиции — команда русских военных кораблей в Алжире и Шербурге закупила большое число револьверов,— доносил по телеграфу в Главный морской штаб капитан 1-го ранга Барщ с крейсера «Аврора» в начале похода на Дальний Восток.— Так как обыски на корабле не дают результата, желательно внезапно осмотреть вещи команды для отправления ее в экипажи Либавы» [2]. Командование корабля усомнилось в благонадежности экипажа и было намерено возвратить его в Россию задолго до встречи с противником.

Находясь в Манильском порту на Филиппинах, исправляя повреждения после Цусимского боя, авроровцы дважды открыто выступали против драконов-

[1] См.: Боевая летопись русского флота. Воениздат, 1948, с. 353, 360.

[2] Цит. по материалам экспозиции филиала Центрального военно-морского музея — крейсера «Аврора».

ских порядков на корабле. В разряд «неблагонадежных» теперь попала вся команда. В феврале 1906 года, когда вернулись на родину, в Либаве большую группу демобилизованных матросов сопроводили с корабля до вокзала... под конвоем, а крейсер «разжаловали» в разряд вспомогательных судов.

Тяжелое поражение эскадры адмирала Рождественского в Цусимском проливе и армии генерала Куропаткина в Маньчжурии, Кровавое воскресенье в Петрограде показали гнилость и слабость самодержавного строя, его неспособность управлять страной. В России началась революция.

Под влиянием трагических событий на фронте усиливаются революционные настроения на кораблях, и командование стремится решительными мерами пресечь их. На «Авроре» оно жестоко расправилось с тайным кружком, готовившим вооруженное восстание, а затем весь рядовой состав списали с корабля. Однако среди новичков на корабле тоже оказалось много революционеров.

В газете «Пролетарий», издававшейся в Женеве Петроградским и Московским комитетами РСДРП(б), 11 сентября 1908 года опубликовано «Письмо матросов с крейсера «Аврора», в котором они рассказали о своем бесправном положении, об издевательствах над ними, о мордобое и о прочем, что и вынудило их остаться за границей.

В 1909 году «Аврора» с гардемаринами на борту совершила продолжительное плавание по Балтийскому, Северному, Средиземному морям, побывала в германском, английском, французском, испанском, итальянском портах. Авроровцы увидели, как живут рабочие других стран, познакомились там с русскими эмигрантами. Через два года «Аврора» снова совершила заграничное плавание.

С началом мировой войны команда корабля увели-

чилась за счет мобилизованных. «Аврора» вошла в состав 2-й бригады крейсеров Балтийского флота. Печальные вести проникали на корабль с сухопутных фронтов. Стало известно о продажности генералов, о начавшейся экономической разрухе, о забастовках и стачках в разных местах России — народ требовал прекратить войну, выгодную лишь поработителям.

В конце 1916 года «Аврора» получила приказ покинуть морские позиции в Рижском заливе и направиться в Кронштадтский док. Из Кронштадта буксиры перевели корабль к причалам Франко-Русского завода в Петрограде. Видавшая виды «Аврора» оказалась в центре бурно нарастающих революционных событий.

Через руки писаря Петра Дмитриева проходило немало секретных документов, благодаря чему он знал многое такое, что было недоступно другим матросам. К тому же он не был затворником в канцелярии — ходил по всему кораблю, а теперь и по большому заводу, каких раньше не видывал. У него появился даже свой маленький дневничок, куда он стал кратко записывать собственные наблюдения. Для «нижних чинов» иметь дневники в царском флоте запрещалось, поэтому матрос Дмитриев делал свои записи на маленьких листочках, а хранил их в кожаном переплете «Евангелия», взятого «для чтения» у корабельного священника, и в других книгах.

Ремонт главных и вспомогательных машин с заменой всех двадцати четырех котлов, перевооружение новой артиллерией, модернизация средств связи и рулевого управления должны были вернуть «Аврору» в состав крейсеров 1-го ранга. Сделать все это требовалось как можно быстрее — война с Германией была в самом разгаре. Большую часть строевых матросов и даже многих офицеров списали на укомплектование других кораблей действующего флота, на крейсере остались только специалисты, необходимые для ремонта боевых

механизмов. Завод также испытывал острую нехватку людей, поэтому часть заводских работ пришлось выполнять силами матросов, имеющих квалификацию токарей, слесарей, котельщиков. Матросы пришли в цехи, рабочие — на корабль. Произошло смешение штатских с военными, чего давно боялось начальство. Да и сам крейсер стал мало похож на корабль: трубы сняты, машины разобраны, краска на бортах облуплена, вокруг теснятся баржи, плавучие краны, снуют портовые буксиры, а на палубе и в отсеках круглые сутки стучат кувалды, громыхает железо...

Авроровцы не могли остаться в стороне от таких событий, как рабочие забастовки в Питере в конце февраля 1917 года, переросшие в общую политическую стачку, когда начались вооруженные столкновения с полицией.

Остановился и Франко-Русский завод. Его цехи опустели. «Аврору» вдруг окружила тревожная тишина, нарушаемая доносившейся перестрелкой в столице. «Товарищи! Настал желанный час. Народ берет власть в свои руки!» — призывала большевистская листовка, доставленная в тот день на корабль. Но в этот же день сюда прибыл батальон Кексгольмского полка. Он поступил в распоряжение командира крейсера капитана 1-го ранга Никольского, занял всю территорию завода. Через два дня, когда на корабль привели трех арестованных на заводе рабочих, матросы заявили:

— Наш корабль не тюрьма!

Опасаясь восстания на корабле, Никольский под конвоем отправил арестованных на берег, пытаясь таким образом утихомирить команду. А на следующее утро матросы увидели на мостиках выставленные против них пулеметы.

— Солдаты с завода ушли, рабочие собираются на демонстрацию, в городе революция, царя скинули! — разнеслось по всему кораблю. И действительно: из за-

водских ворот к крейсеру шла большая толпа рабочих с красными флагами.

— Матросы! Присоединяйтесь к нам!

— Ура! — загремело с корабля в ответ.

Дмитриев в этот час мыл офицерскую ванную. Услышав многоголосый шум на берегу, он кинулся к открытому иллюминатору и увидел красные флаги.

— Ура авроровцам! — услышал он у самого борта и высунул голову в иллюминатор.

— Ура! Ура-а! — восторженно ответил Дмитриев, но в этот момент кто-то ударил его по спине, и он, охнув от боли, обернулся. Перед ним стоял с перекошенным от злобы лицом унтер-офицер 1-й статьи Серов. Унтер ткнул серебряной боцманской дудкой матросу в зубы, оттолкнул его в сторону и захлопнул иллюминатор.

— Марш в карцер!

— Вот тебе сдача, иуда! — И матрос в тот же миг нанес ответный удар увесистым кулаком. Потеряв равновесие, боцман плюхнулся на табурет, а Дмитриев ловко опрокинул ему на голову ведро с едким раствором. Выхватив из кобуры унтера его револьвер, матрос выбежал в коридор.

— Ура-а! Ура-а-а! — разносилось по всему кораблю. Дмитриев поспешил туда же, на верхнюю палубу, но возле офицерской кают-компании остановился: вестовой Векшин и машинный содержатель Фотиев выталкивали в коридор ненавистного старшего офицера Аграновича, а он, цепляясь за дверь обеими руками, упирался в порог и пытался вырваться.

— Ну что, поиздевался над нами, гад, и хватит! — зло сказал Дмитриев.— Отойди, братки, чтобы ненароком не задело,— и прицелился в завизжавшего от страха офицера.

— Не тронь! — крикнул ему Векшин.— Не марай палубу, мы его сейчас на лед вытащим!

— Это правильно,— согласился Дмитриев,— только не упустите! — и с револьвером в руке бегом поднялся на верхнюю палубу.

Вся верхняя палуба кишела народом — ее заполнили матросы, солдаты, рабочие. Матросы уже завладели пулеметами на мостиках, выставленных ночью по приказу командира. Открыт арсенал с тысячью винтовок — ими вооружаются все матросы и пришедшие на корабль рабочие. Вот по широкой сходне матросы ведут на причал командира корабля Никольского и офицера Аграновича. Их вытолкали на причал, оттуда донеслось два резких выстрела... На высокой мачте над кораблем взметнулся красный флаг. Первый революционный флаг на Балтийском флоте!

За одиннадцать месяцев командования «Авророй» родственник морского министра адмирала Григоровича капитан 1-го ранга Никольский отдал под суд семь «нижних чинов». По законам военного времени он же был председателем суда на корабле, имел право осуждать «преступников» вплоть до расстрела. Суд состоял из пяти человек: командир, старший офицер, еще два офицера и священник — они и вершили «правый суд» от имени Его Императорского Величества... Заседали при закрытых дверях в кают-компании, в присутствии одного обвиняемого. До расстрелов, правда, еще не дошли, но в штрафной батальон «искупать вину кровью» успели отправить многих.

Всю последнюю свою ночь Никольский не спал — писал донесение на имя самого царя о «крамольниках и бунтовщиках» на крейсере, приложив длинный список — 83 человека! — подлежащих немедленному аресту. Это донесение вместе со списком матросы обнаружили в каюте Никольского после того, как с ним было уже покончено. Царский холуй не успел даже подписать списки. Не стало на престоле и самого самодержца, кому эти документы адресовались.

Судебные дела на «нижних чинов» хранились у писаря Петра Дмитриева. Сегодня эти дела вместе с последним, еще не отправленным донесением императору и приложенным к нему списком кандидатов в смертники, матросы охапками перетаскивали в котельный отсек и бросали в топку... Погорячилась братва: уничтожать такие документы не следовало.

Папки с приказами морского министра, книги правительственных постановлений и «Своды Законов», в корешках которых писарь Дмитриев тайно хранил свои короткие заметки для памяти,— все также бросили в топку: теперь другие будут приказы и законы — самодержавие свергнуто.

Краткие свои записочки Дмитриев теперь хранил открыто. Он специально завел тетрадь и начал переписывать в нее содержание крошечных текстов, расширяя и дополняя их подробностями, еще свежими в цепкой памяти. Исписав одну тетрадь, начал вторую такую же. Строчка за строчкой, страница за страницей — получилась стопка дневников, отразивших небывалые события на корабле и в столице, происходившие весной, летом и осенью штормового 1917 года.

В тот день, когда стали хозяевами своего корабля, многие матросы вместе с рабочими завода ушли в город разоружать полицию и жандармов, офицеров и юнкеров, они занимали Петропавловскую крепость, освобождали политических заключенных.

Приказ исполкома Петроградского Совета: во всех воинских частях гарнизона и на кораблях немедленно избрать комитеты и делегатов в Совет. Судовой комитет на «Авроре» и делегаты в Петроградский Совет были избраны в тот же день.

Вместе с рабочими и солдатами Петрограда, с кронштадтскими моряками авроровцы 3 апреля встретили на Финляндском вокзале вернувшегося из эмиграции вождя революции В. И. Ленина, участвовали в июль-

ской демонстрации, требуя от Временного правительства прекращения ненавистной народу мировой империалистической бойни.

При всем этом ремонт корабля продолжался. Временное правительство спешило вывести мятежный корабль из столицы, отправить на «войну до победного конца», а большевистская партийная организация, созданная на крейсере в конце марта, и судовой комитет готовили корабль к решительным боям за полную победу революции.

В августе, после VI съезда РСДРП(б), принявшего курс на подготовку вооруженного восстания против контрреволюционного Временного правительства, Петроградский Совет поручил судовому комитету «Авроры» собрать сведения о гарнизоне Зимнего дворца. Как проникнуть в логово врагов революции? Решили написать совершенно секретное письмо «министру-председателю» Керенскому о том, что команда крейсера якобы раскололась на две части, одна из которых поддерживает Временное правительство и готова участвовать в охране Зимнего от мятежных войск генерала Корнилова. Документ подписал новый командир крейсера, избранный матросами, Никонов. Приложили сургучную печать и отправили в Зимний делегацию во главе с мичманом Поленовым. Керенский обрадовался: половина личного состава «Авроры» активно поддерживает его. И разрешил отряду прибыть для охраны Зимнего...

Полсотни вооруженных матросов, в их числе был и Дмитриев, не заставили долго ждать себя — явились по всей форме. Комендант отвел им большую комнату, установил распорядок дня и указал посты, где они должны нести охрану. Посты эти были у входных и внутренних дверей, ну а ходили матросы по всем залам. За две недели они точно узнали, где и сколько установлено юнкерами пулеметов, как вооружены защит-

ники дворца, сколько их. Более тысячи. Спали моряки прямо на полу, расстелив шинели, пищу привозили в термосах с «Авроры». Выполнив свою задачу, они доложили коменданту, что судовой комитет отзывает их, и вернулись на корабль.

Побывать на этом корабле было давней моей мечтой. Особенно после того, как стало известно, что в команде «Авроры» в дни Великого Октября состояло много уральцев. Кто они? Из каких мест? Эти вопросы интересуют и Свердловский областной краеведческий музей. И вот я на легендарном крейсере.

В именном списке личного состава в октябре 1917 года коренных уральцев числилось 18 человек. В Центральном военно-морском музее СССР хранится анкета авроровца Степана Дмитриевича Мельникова. Он призывался из деревни Васино Ирбитского уезда. Крестьянин. Беспартийный. Холост. Вот краткая выдержка из интервью этого авроровца, данного журналисту:

«— В чем выражалось Ваше участие в Февральской буржуазной революции 1917 года?

— Принимал участие в аресте богатых и высших чинов, участвовал в восстании.

— В чем выражалось ваше участие в Великой Октябрьской социалистической революции?

— Принимал участие в штурме Зимнего. Нес вахту в машинном отделении с 25 по 26 октября 1917 года. От нас, кочегаров, требовалось «держать пар на марке», что мы и делали...»

В дни Октября «держали пар на марке» многие уральцы. Рядом с кочегаром 1-й статьи Степаном Мельниковым действовали матросы 2-й статьи Николай Икрин из деревни Исаковой, Василий Чернов из села Черновского, Григорий Крутиков из деревни Теминой, Дмитрий Мильков из деревни Талаховой — пять человек из одного Ирбитского уезда.

Четверо из Шадринского уезда: матросы 1-й статьи Ефим Уткин, Яков Рагозин, матросы 2-й статьи Иван Чистяков, Михаил Жикин.

Константин Грачев из деревни Пуздрино Кунгурского уезда был на «Авроре» артиллеристом, Федор Кочегаров из села Ново-Деребинского Камышловского уезда — электриком, матрос 2-й статьи Николай Чудинов призван с Добрянского завода Пермского уезда.

Из Соликамского уезда было трое аврооровцев: специалист по электрической части Ефим Исаков (д. Дубляново), матрос 1-й статьи Василий Якимов из села Романово, матрос 1-й статьи Александр Неволин — во время штурма Зимнего он возглавил на берегу десантный отряд аврооровцев.

О матросе 2-й статьи Николае Ремизове с Каслинского завода сведений сохранилось мало, а вот о машинисте 1-й статьи Михаиле Пономареве, токаре Васильево-Шайтанского завода (ныне г. Первоуральск) известно многое. Ведь именно он, Михаил Александрович, в июле 1917 года нес по Петрограду плакат «Долой десять министров-капиталистов!».

Временное правительство пыталось помешать сосредоточению революционных сил у Зимнего дворца. Были разведены мосты через Неву, их охраняли юнкера. «Аврора» получила из Смольного приказ захватить Николаевский мост и восстановить движение по нему. Рано утром 25 октября уралец машинист Михаил Пономарев нажал рукоятку пускового клапана — крейсер подошел к мосту и встал на якорь, направив орудия на мост и на Зимний дворец. Юнкера исчезли с моста, а вместо них сюда пришли электрики с «Авроры», они встали к механизмам разводной части, привели их в действие и сомкнули пролеты. На Дворцовую площадь двинулись красногвардейские отряды рабочих.

Бывший поваренок рабочей столовой, каталь у печей Пышминского медеплавильного завода, корабель-

ный писарь Петр Дмитриев в исторический день был назначен связным между крейсером и штабом революции — Смольным. В момент исторического выстрела по Зимнему, послужившего сигналом к общему штурму, он стоял возле этого носового орудия, рядом с большевистским комиссаром крейсера машинистом 1-й статьи Александром Белышевым.

В нескольких шагах от орудия, тоже на верхней палубе, находится радиорубка. Отсюда в исторические дни передавались боевые распоряжения Петроградского военно-революционного комитета, а утром 26 октября передано в эфир воззвание «К гражданам России», написанное Лениным, возвещающее на весь мир о победе социалистической революции в России.

Теперь на рубке — мемориальная доска с отлитыми на ней словами: «Первой радиостанцией на службе пролетарской революции была радиостанция крейсера «Аврора». Уральцев среди радистов не было, но добрую половину кочегаров, машинистов, электриков, без которых корабельная радиостанция существовать не могла, составляли уральцы.

Служба авроровцев делу революции продолжалась и после штурма Зимнего. Петроградский военно-революционный комитет предписал судовому комитету «Авроры» выделить отряд моряков для охраны Советского рабоче-крестьянского правительства в Смольном. Желающих было значительно больше, чем требовалось. На общем собрании постановили выделить по 20 человек от каждой роты. Сто матросов с винтовками стройной колонной направились к Смольному. Матрос 2-й статьи Петр Дмитриев и машинист 1-й статьи Михаил Пономарев, токарь с Урала, шагали вместе с ними. Вел отряд машинист Александр Неволин, шахтер из Кизеловских угольных копей на Урале.

Был поздний вечер. На всех перекрестках столицы горели костры, стояли красногвардейские посты, а ког-

да подошли к Смольному — увидели пушки и пулеметы возле него, полотнища флагов, ярко освещенные окна: рабоче-крестьянское правительство уже работало!

В здании Смольного матросам отвели две комнаты на первом этаже. Член ВРК ознакомил их с графиком дежурств, проинструктировал. Первая смена сразу же заступила на посты.

Всем очень хотелось поскорее увидеть Владимира Ильича. Матрос Дмитриев дважды видел и слышал вождя революции — на броневике у Финляндского вокзала и на балконе особняка Кшесинской, но не терпелось увидеть и здесь.

Долго ждать не пришлось — Владимир Ильич быстро шел по сводчатому коридору со Свердловым и Дзержинским. Заметив моряков, подошел к ним, приветливо поздоровался. Пробежал взглядом по надписям на бескозырках, стал расспрашивать о положении на корабле, о чем пишут из дома...

Нельзя было не удивляться поразительной работоспособности Ильича. В 8 часов утра он был в своем кабинете, весь день принимал людей, а вечером, как правило,— у телеграфного аппарата и только далеко за полночь уходил на отдых.

...Отряд авроровцев в Смольном находился в течение месяца, до конца ноября, когда крейсер получил приказ следовать в Гельсингфорс. Капитальный ремонт закончился в октябре, и тогда же Керенский повелел удалить крейсер из Петрограда под предлогом «опробования механизмов», но Центробалт приказал оставаться крейсеру в столице. Крейсер от Франко-Русского завода перешел к Николаевскому мосту, освободил его от юнкеров и восстановил по нему движение. А теперь крейсер пошел в главную базу флота для защиты революционного Питера от немецких и английских кораблей, готовых вторгнуться в наши воды. «Аврора» нужнее там — у незамерзающих портов России!

В январе 1918 года В. И. Ленин подписал Декрет о создании регулярной Красной Армии и Военно-Морского Флота. Началась демобилизация солдат и матросов, призванных на военную службу при царе. Петр Дмитриев вернулся в Екатеринбург, где жили отец и брат. Поступил писарем в Уральский военный комиссариат. Женился. Но вскоре разразилась гражданская война.

Из занятого врагом Екатеринбурга Дмитриев эвакуироваться не успел, он скрывался в комнатушке у отца, работавшего сторожем в кинотеатре «Колизей» (ныне кинотеатр «Октябрь»).

В один из таких дней, когда по городу шли повальные обыски, жена, испугавшись, бросила в печь все матросские фотографии отсутствовавшего мужа, все его дневники, связки газет и листовок, привезенные с «Авроры».

Во время ночной облавы его все же схватили и доставили в следственную комиссию... Под конвоем отправили в воинскую часть «искупать вину кровью». Удалось перебежать к красным. А в марте 1920 года, после разгрома колчаковцев и расформирования 288-го этапного батальона в Тюмени, бывшего матроса направили восстанавливать железнодорожный транспорт. Длительная мировая война, гражданская война, иностранная интервенция привели хозяйство в упадок. К тому же в управленческом аппарате сидело еще много старых спецов, закоренелых чиновников, цеплявшихся за былые порядки, противостоящих всему новому. Требовалось как можно быстрее подготовить квалифицированных работников, преданных социалистическому строю. И рядовой конторщик управления дороги Петр Дмитриев снова берется за учебу, хотя у него уже двое детей, а содержать их непросто. Пришлось, как принято говорить в наше время, одолевать науки «без отрыва от производства».

Сперва окончил вечерние курсы машинописи. Потом изучил стенографию, затем поступил на курсы чертежников. Дальше — больше. Тяга к знаниям возрастает, трудности — тоже, но сила воли и настойчивость помогают преодолеть, казалось бы, непреодолимое: в 1934 году, не прерывая работы в конторе, дающей кусок хлеба семье, сорокалетний глава семьи заканчивает вечерний строительный техникум.

Великая Отечественная война застала Петра Дмитриева на посту инженера-проектировщика в Восточном отделении Промтранспроекта. На фронт не взяли: такие специалисты, как он, в тылу нужны не меньше, чем на фронте.

Война потребовала усиленно развивать на Урале железнодорожную сеть, надо было срочно готовить проекты и рабочие чертежи новых путей, мостов, виадуков... В длинном перечне железнодорожных сооружений, построенных с участием бывшего авроровца,— мосты через реку Исеть возле Каменска-Уральского, через реку Реж и во многих других местах. Недаром на груди ветерана революции появилась медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

Последние семь лет до ухода на пенсию Петр Дмитриев работал в Уралгипрошахте в должности инженера-проектировщика и руководителя группы технической информации.

Жил в Свердловске на улице Мира. Дожил до 84-летнего возраста, похоронен со всеми почестями, как того заслужил. Свердловский скульптор А. А. Шубский создал из гранита скульптурный портрет Петра Дмитриева и передал в дар музею «Боевая слава Урала» при окружном Доме офицеров.

Михаил Пономарев, вернувшись на родину, более полувека трудился на Старотрубном заводе в Первоуральске, награжден медалью «За трудовую доблесть»,

Александр Неволин после революции остался на флоте и посвятил ему всю свою жизнь. Окончил академию. В годы Великой Отечественной войны защищал Родину на Севере, награжден орденом Ленина и другими высокими правительственными наградами, ушел в отставку капитаном 1-го ранга. В 1967 году вышла в свет его книга «Авроровцы». Бывший комиссар и председатель судового комитета «Авроры» А. Белышев в предисловии к этой книге написал: «Она мне нравится. Нравится суровой правдивостью, любовью к людям революционного долга, непримиримостью к врагам Родины».

Сегодня «Аврора» — мемориальный памятник. Но это не музейный экспонат, а корабль Военно-Морского Флота СССР. Экипаж корабля и сейчас — кадровые военные моряки. Несут вахту, содержат корабль в образцовой чистоте, охраняют ценнейшие реликвии.

— На флаг ордена Октябрьской Революции Краснознаменного крейсера «Аврора» равняйсь! — звучит каждое утро команда дежурного.— Флаг поднять!

И над кораблем, вставшим на вечный якорь в центре Ленинграда, гордо вздымается ярко-белое шелковое полотнище с голубой полосой внизу, с серпом и молотом у штока, с изображением орденов Красного Знамени и Октябрьской Революции, которыми правительство наградило корабль за исключительные заслуги перед народом. Служить под этими знаменами — высокая честь.

Палуба крейсера, покрытая при постройке индийским тиком, в период боев за Ленинград была сильно побита вражескими обстрелами, но после Великой Отечественной войны ее опять застелили такой же древесиной, а детали старой служат экспонатами многих музеев страны, в том числе Свердловского объединенного историко-революционного музея.

Со времен Петра Первого Урал поставлял флоту якоря и орудия. Научный сотрудник музея на корабле

капитан 2-го ранга в отставке И. И. Скляров рассказывает экскурсантам, что и на «Авроре» есть кое-что уральское. Например, три орудия главного калибра на верхней палубе: третье, девятое, тринадцатое. Все — на правом борту! Трое матросов быстро снимают чехлы. Под слоем краски на орудиях проступают слова: «Пермский завод». Изготовлены в 1902, 1904, 1906 годах.

В начале Великой Отечественной войны орудия главного калибра были сняты, отправлены на острова Финского залива и на береговую батарею «А» возле Ленинграда. Своим огнем они помогли в обороне города и в прорыве его блокады. После войны эти орудия возвращены на крейсер и установлены на свои постоянные места. Одно из них стоит рядом с носовым орудием, сделавшим исторический выстрел по Зимнему. Второе — в центре бортовой линии. Третье — в кормовой части, возле входного трапа, по которому с берега на корабль идут и идут люди не только из разных районов нашей страны, но и со всех континентов.

Многонациональный и разноязыкий людской поток возрастает с каждым годом. В 1950 году здесь побывало 17 тысяч экскурсантов, в 1960-м — 123 тысячи, в 1970-м — 608 тысяч, а в 1977 году — более миллиона. Начальник музея капитан 2-го ранга В. В. Бурковский дает справку: «Аврору» посетили люди из 140 стран мира. Со всей планеты едут и плывут сюда люди поглядеть на этот корабль, походить по его палубам, ознакомиться с его героической историей.

...Раздается мелодичный звон судового колокола — это вахтенный отбивает очередную получасовую склянку. Сверкающий на солнце колокол — тоже реликвия.

В период боев за Ленинград старый, видавший виды колокол был поврежден осколком фашистской авиабомбы. После войны Ижевский машиностроительный завод получил заказ отлить для «Авроры» новый. На корабль

приехали инженер-литейщик М. Фонарев и художник-конструктор Б. Аверянов, они сняли точные размеры, сделали эскизы, увезли на завод кусок от колокола для химического анализа состава металла. Надо отлить точно такой же, какой был раньше. Но выяснилось, что отливки подобных габаритов из такого сплава ижевцами никогда не производились. Пришлось разрабатывать необычную для завода технологию. Под руководством начальника цеха кавалера ордена Ленина М. Колпакова модельщики П. Ворожцов и В. Третьяков во главе с заслуженным рационализатором РСФСР Б. Цилевым изготовили сложную модель, а опытнейший литейщик М. Семенов, проработавший на заводе 32 года, и его товарищи по цеху во главе со старшим мастером Ю. Родыгиным довели дело до конца: почетный заказ выполнили с честью.

Новый колокол установили на грот-мачте крейсера в канун 58-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Значит, на легендарной «Авроре» склянки и судовые сигналы ежедневно отбиваются в колокол, отлитый тоже уральцами.

Аврора, по римской мифологии, была богиней утренней зари, она будто бы дарила людям дневной свет. В царском флоте эта богиня никому не принесла ни света, ни побед. Даже наоборот: в Цусимском проливе крейсер с ее именем получил 18 прямых попаданий японских снарядов и был вынужден спасаться от гибели в чужих портах. Для рядового состава этот корабль оказался тюрьмой, где попирались все человеческие права, свирепствовал произвол царских холуев. Лишь в ходе социалистической революции крейсер «Аврора» стал символом утренней зари человечества.

Многонациональный людской поток со всех уголков земного шара — свидетельство немеркнущей революционной славы нашего народа, признание его подвигов и побед.

Памятник морякам бронепоезда № 2, погибшим в боях за Лысьву (г. Лысьва)

Матрос П. Д. Хохряков

Фейерверкер В. А. Баклыков

Минер П. Т. Буланов

Капитан 1-го ранга в отставке Ф. М. Зверев

Эскадренный миноносец „Самсон“ и часть его команды. Первый слева стоит Ф. М. Зверев

Команда бронепоезда № 102, сформированного В. А. Бакляковым в Екатеринбурге в 1919 г.

Линкор „Республика“, бывший „Император Павел I“

Крейсер „Аврора“

САМСОНОВЦЫ

В 1911 году деревенский батрак-белорус Степан Романчук бегал в лаптях по лесу, загоняя лосей под выстрел Николая Романова, приехавшего в Беловежскую Пущу на охоту, а шестью годами позднее он же, матрос Балтийского флота, участвовал в революции, покончившей с самодержавием.

На «Самсоне» он оказался в окружении многих рабочих из Москвы, Петрограда, промышленных городов Урала. Первыми, с кем довелось встретиться и особенно крепко подружить,— это парни с далеких Уральских гор: слесарь Лысьвенского завода машинный старшина Григорий Силин, слесарь Воткинского завода минный машинист Федор Клячев. Уральцы почти на всех кораблях есть, и везде о них добрая молва идет — это сильные, дружные, выносливые люди и не любят попусту языком трепать.

Революционно настроенные моряки на «Самсоне» были еще на заводе, когда корабль строился и матросы тесно общались с петроградскими рабочими. Уже тогда группу подпольщиков возглавил Силин.

Новейший эскадренный миноносец вступил в строй в декабре 1916 года. Двигатели у него — паровые турбины, только что вводимые на флоте. Если на судах, построенных раньше, котлы работали на каменном угле, то теперь — на нефти. Два гребных винта дают «Самсону» скорость 35 узлов, почти 65 километров в час — скорость курьерского поезда. Главное оружие — три трехтрубных торпедных аппарата на верхней палубе. Торпеда — это самодвижущийся, самоуправляемый и самонаводящийся на цель снаряд огромной разрушительной силы: одного такого снаряда достаточно для потопления крупного корабля, а залп на этом эсминце — 9 торпед...

...3 марта 1917 года командир корабля капитан 2-го

ранга Иванов приказал построить весь экипаж — 150 человек.

— Николай Второй отрекся от престола, царем будет его брат Михаил, война продолжается,— объявил командир.— Командующий флотом адмирал Непенин по такому случаю созывает представителей от всех кораблей, от нас туда назначен минный машинист Вараксин. Разойдись!

— Почему Вараксин? Кем назначен Вараксин? Нашего представителя избрать надо! — зашумели матросы, разойдясь по кубрикам. А потом собрались вновь и открытым голосованием избрали Григория Силина.

На штабном «Кречете» командующий флотом приказал построить всех явившихся к нему представителей и басом спросил, имеются ли у них претензии.

— Есть претензии! — первым заявил Силин.— Царя нет, а война будет продолжаться. Почему?

Побледнев от гнева, адмирал приказал немедленно разойтись по кораблям, однако его опять не послушались...

На «Самсоне» в этот день, сразу после вечерней справки, матросы сбили замки с дверей арсенала, вооружились винтовками, наганами, поставили часовых у офицерских кают... Власть на корабле перешла в руки матросов.

То же самое произошло на других кораблях. Адмирал Непенин, пытавшийся противостоять восстанию на главной базе флота, был убит.

Создается Центральный комитет Балтийского флота. Матросы Григорий Силин с «Самсона», Павел Дыбенко, Николай Ховрин с линкора «Император Павел I», переименованного в «Республику», составили проект организационной структуры комитета. Проект рассматривается на матросской секции Гельсингфорсского Совета солдатских, матросских и рабочих депутатов, а затем Силин докладывает о нем на пленуме

Гельсингфорсского Совета. Хотя меньшевики с эсерами вместе энергично выступили против, пленум 27 апреля утвердил проект высшей революционно-демократической инстанции Балтийского флота. Сразу же было предложено всем флотским комитетам морских баз прислать своих представителей для работы в Центробалте.

В числе 33 членов ЦКБФ первого созыва большевиков и им сочувствующих оказалось только 12 человек, но большевистская фракция — П. Е. Дыбенко, Н. А. Ховрин, Ф. С. Аверичкин, А. С. Штарев, Н. Ф. Измайлов, П. Д. Мальков, А. В. Баранов, В. П. Евдокимов, И. П. Сапожников и Г. И. Силин — превратила этот орган в подлинный революционный штаб [1].

Временный Устав Центробалта разработан и подписан организационной комиссией в составе 15 человек, среди них — Г. И. Силин [2].

Машинному унтер-офицеру 1-й статьи Г. И. Силину поручается возглавить комиссию по делам о производстве в офицерские чины. Комиссия рассматривает аттестационные материалы по выборам командиров кораблей и других должностных лиц, принимает по ним решения и представляет на утверждение Центробалтом, после чего штаб флота должен объявлять их приказом по флоту...

* * *

В Питере и на Балтийском флоте в эти дни «штормило» как никогда — час великой социальной бури настал. Уже закончены выборы флотских делегатов на II Всероссийский съезд Советов. День его открытия станет роковым для правительства временщиков. Но оно сопротивляется изо всех сил, пытается даже вызвать войска с фронта.

---

[1] См.: Протоколы и постановления ЦКБФ. 1917—1918, с. 10.
[2] См.: Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт, с. 33.

24 октября Центробалт вызвал на свое пленарное заседание комитеты всех находящихся в Гельсингфорсе кораблей. Обсудив еще раз текущий момент, постановили: «По первому зову Центробалта идти и победить или умереть. Во всяком случае смерть лучше позора!» [1]

Центробалт поручил «Самсону» доставить в Петроград Наказ моряков Балтийского флота своим делегатам II съезда Советов и приветствие съезду.

Закипела горячая работа во всех отсеках: машинисты и кочегары принялись в экстренном порядке готовить котлы и турбины. Минный машинист Федор Клячев и его товарищи всю ночь провели у своих аппаратов, комендоры под руководством Василия Купревича приводили в готовность орудия и снаряды, другие матросы пополняли запас топлива и продуктов.

Верхняя команда тщательно драила палубу: все знали, что пойдут на бой, а готовились к нему будто к празднику — с подъемом, с верой в победу.

Перед утром приняли на борт 135 вооруженных матросов с линейного корабля «Республика» — десант на невский берег у самого Зимнего дворца.

Утром три эскадренных миноносца строем кильватера двинулись на восток — прямо навстречу солнцу. «Самсон» шел головным, с поднятым на стеньге флагом Центробалта и развернутым на мачтах — от фока до грота — ярким полотнищем, на котором начертано: «Вся власть Советам!» [2]

Съезд открывается сегодня вечером. Силин и другие делегаты Балтфлота уже в Смольном.

«Самсон» в Неву вошел 25 октября вечером и, вы-

---

[1] Цит. по кн.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. АН СССР, 1957, с. 262.

[2] См.: Сивков П. Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. Воениздат, 1946, с. 227.

садив на берег отряд с «Республики», продвинулся дальше. Встал на якорь почти у самого Николаевского моста — впереди и правее «Авроры», уже занявшей позицию посреди реки, с орудиями, наведенными на Зимний. Включили боевой прожектор, осветив ярким лучом Английскую набережную, мост, Зимний дворец... Всюду было многолюдно, но царила напряженная тишина.

Как только «Самсон» встал на якорь, члены судового комитета Клячев, Селезнев, Купревич, Сосновский, Волков арестовали всех офицеров, собравшихся в кают-компании, кроме лейтенанта Несвицкого, которому матросы доверяли.

— Снять чехлы с орудий! — послышалась команда Купревича, прибежавшего на бак. Сюда же поспешил минный машинист Федор Клячев: когда Силина на корабле нет, главным большевистским вожаком всегда является он.

— А ну, мастера огня, поглядите-ка в ствол, просматривается ли там Керенский! — весело говорил Клячев, потирая леденеющие на холодном ветру руки.

— Вижу мост! — доложил комендор Василькин.— Он мешает нам!

— Ничего не должно мешать Советской власти! — ответил Клячев.— Смотреть лучше, по-уральски!

К стволу припал сам Купревич.

Подошел буксирный пароход — началась высадка своего десанта. На корабле остались только машинисты, комендоры и связисты, без которых в боевой обстановке нельзя быть ни минуты.

— Довольно Керенскому в царских палатах обитаться! Выкуривайте его побыстрее, братцы! — напутствует Клячев, прибежав к трапу.

— В два счета выкурим, будь уверен!

— Я не позволю стрелять по Зимнему! — кричит из кают-компании командир корабля.— Покажите мне приказ командующего флотом!

Но его хрипловатый голос сейчас только смешит матросов. Они готовы открыть огонь по Зимнему и откроют, если понадобится, без промедления.

«Самсону» стрелять по Зимнему не довелось. По сигналу с «Авроры» тысячи красногвардейцев, солдат, матросов, заранее окруживших дворец плотным кольцом, пошли в атаку. Мощное «Ура!» волнами катится со всех сторон. Ружейно-пулеметная пальба, удары трехдюймовок из Петропавловской крепости, осыпающих громаду дворца шрапнелью... За 214 лет своего существования эта крепость впервые стреляет боевыми снарядами, причем именно по царским палатам!

...В 22 часа 15 минут Петроградский военно-революционный комитет объявил Временное правительство низложенным, а через 25 минут в Смольном открылся II Всероссийский съезд Советов.

Штурм Зимнего продолжается. Около двух часов ночи Антонов-Овсеенко с группой красногвардейцев и матросов ворвался в комнату, где притаились 18 человек, уже не имеющих никакой власти.

— Именем военно-революционного комитета вы арестованы! — громко и властно объявил невысокий очкастый человек в штатском.— Предъявите документы!

Всех записали в протокол и под конвоем сопроводили в Петропавловскую крепость.

...Самсоновцы вернулись на корабль перед утром. Усталые, возбужденные свершившимся историческим актом. Вернулся и Силин со съезда Советов, такой же возбужденный и радостный. Дело сделано: вся власть отныне в руках рабоче-крестьянского Советского правительства во главе с Лениным. Уже приняты великие Декреты о мире и о земле.

* * *

«Самсон» вернулся в Гельсингфорс лишь после того, как было покончено с Керенским и Красновым на

Гатчинском фронте, с Духониным — в Могилеве, с юнкерами — в самой столице. Но в Финляндии идут бои с контрреволюцией. «Финская Красная гвардия ведет упорные бои с белыми бандами и нуждается в немедленной помощи»,— поступило сообщение на корабль. Силин объявил телеграмму на общем собрании, пояснил сложившуюся обстановку. Эта земля, испокон веков заселенная финнами, в давние времена была захвачена шведами, а в результате русско-шведской войны отошла к Российской империи. Более ста лет Великое княжество Финляндия нещадно угнеталось домом Романовых, но вот царизм свергнут, и свободная Россия предоставила финнам независимость. Однако к власти в этой стране рвется национальная финская буржуазия — она начала вооруженную борьбу против Советов.

— Надо, товарищи, помочь трудовому народу Финляндии. Кто желает идти добровольцами?

— Всех записывай!

— Всех нельзя, товарищи! Мы не можем оголять корабли. Германский флот по-прежнему угрожает нам, да и английские корабли неподалеку. Запишу не больше пятнадцати человек.

— Мало! Какая же это помощь?! — послышались возгласы, но Силина поддержал Клячев:

— Запись добровольцев идет по всей базе, людей для отряда наберется. Именем революции заявляю: корабли оголять не позволим!

Отобрали 15 человек. Силин в списке стоит первым.

Надели капковые бушлаты, вооружились винтовками, гранатами, взяли пулемет, обмотали себя пулеметными лентами и пошли к царской яхте «Полярная Звезда» — к месту сбора всех добровольцев, где теперь находился Центробалт.

Из моряков формируется Сводный отдельный ба-

тальон, командиром избирается Силин. В тот же день эшелон отправляется в Таммерфорс.

Городские власти Таммерфорса разместили моряков в здании какого-то училища, накормили обедом, рассказали о противнике. Комбат Силин понял, в каких условиях придется вести бои: беляки хорошо вооружены, действуют на лыжах, тепло одеты-обуты, а моряки — в бушлатах да в ботиночках, у них нет ни единой пары лыж...

Финны выдали морякам валенки, белье, привели лошадей с санями.

— Никогда не думал, что в этакое плавание попаду! — весело шутит Силин, когда около сотни подвод гуськом тронулось по узкой лесной дороге на Ряменяки.

Вечером остановились на привал в клубе большого села. Здесь оказался красногвардейский финский отряд, только что прибывший с юга. Финны — на лыжах, они уже имели опыт боев в лесу и охотно согласились показать морякам, как надо наступать цепью, как обороняться, как вести разведку. Занятия кончились коротким совместным учением, но самая большая школа будет, конечно, впереди. Договорились о взаимодействии в бою и расстались. Первая и вторая морские роты должны наступать через Пеккало, занятое белыми, а третью и четвертую роты повел сам Силин прямо на Ряменяки, чтобы выбить оттуда белофиннов, ударить на Роувеси, где находится их штаб, и выйти на железную дорогу за первой линией озер. Надо готовиться к бою, а тут новая забота: где достать продукты? Каким способом? Семьсот человек надо кормить, а здесь нет ни баталеров[1], ни камбузов — это не на корабле ведь!

Шли 25 верст по снегу выше колен. После такого перехода хорошо бы поесть, чайку попить, но решили

[1] Баталер — кладовщик на корабле.

наступать немедля, закусив лишь консервами и мерзлым хлебом: надо застать противника врасплох, пока не успел подготовиться. Но лыж-то по-прежнему нет, без них по такому снегу не разбежишься, и даже взятый с собой пулемет стал обузой. Подняли его на плечи, понесли.

На подходе к Ряменяки, под горой возле мельницы, завязался первый бой. Укрывшись в окопах и за валунами, белофинны встретили моряков плотным ружейно-пулеметным огнем. Настал час, когда надо командовать в бою, а Силин уже откомандовался — он потерял голос... Связных назначить не догадался: на кораблях они не требовались.

— Пулеметчики, огонь! Правый фланг, вперед! — хрипит комбат, но его мало кто слышит.

Ребята, правда, не оробели, они и без команды, утопая в снегу, не пригибаясь от вражеских пуль, смело рванулись вперед. Кругом падали товарищи, но все остальные упорно продвигались дальше, повинуясь зову матросской чести и революционного долга. Перед лицом этой неистовой атаки белофинны оставили укрытия, отошли. Вспотевшие, разгоряченные боем моряки торжествовали победу и не сразу хватились, что комбата среди них нет... Но искать его было уже некогда: противник начал контрнаступление с фланга.

— Товарищ комбат, вы живы? Ранены? Поднимайтесь, товарищ комбат, наши отходят! — слышит Силин тревожный голос своего тоже охрипшего помощника.

Нет, не ранен комбат — он упал от изнеможения...

— Как отходят? Кто приказал? — сипло спрашивает комбат и, с трудом поднявшись из снега, тут же падает опять...

Матросские роты отступили в исходное положение. Матросы потребовали от Силина объяснений. Но что он мог сказать в свое оправдание, кроме того, что воевать на суше не умеет?

Морской батальон продолжал сражаться в финляндских лесах, пока не потерял половину своего состава. Оставшиеся в живых получили замену и вернулись на корабли.

— Ну как, Гриша, повоевал? — спросил Силина Клячев.

— Спасибо, что под суд не отдали,— и рассказал все, как было.

* * *

Бои еще не утихли на финском берегу, а начались уже и на эстонском. Опять на «Самсоне» экстренное собрание, и Силин с Клячевым объясняют обстановку, особенно опасную теперь на южном берегу залива. Кайзер Вильгельм вопреки заключенному с ним перемирию двинул свои войска на молодую Советскую Республику. Уже пал Псков, под угрозой Нарва и Петроград...

— Самсоновцы штурмовали Зимний, били Керенского под Гатчиной, воевали в Финляндии, теперь надо остановить немцев в Эстонии,— говорит Клячев.— Желающих прошу записываться.

— Меня запиши первым,— сказал Силин.

— И меня!

— И меня пиши, Федя!

У стола президиума образовалась длинная очередь: идти на новый фронт добровольцами хотят все, но всех отпустить с корабля и в этот раз невозможно — началась война с мировым капиталом, она будет и на море...

Через пару дней по железной дороге в Петроград ушли два эшелона добровольцев Гельсингфорсской базы. В Петрограде спешно погрузили на платформы трехдюймовые гаубицы, шестидюймовые орудия, снаряды к ним и поехали навстречу наступающим кайзеровским войскам. Следом за моряками идет на запад эшелон питерских пролетариев.

«Победить или умереть!» — крупно написано мелом на головном матросском вагоне. Силин, подойдя к нему на первой остановке, два слова стер, оставив одно: «Победить!»

— Не умирать едем! Мы должны — победить!

В Нарву прибыли глубокой ночью. Рабочие встретили моряков музыкой и приветственными речами — ведь они прибыли сюда первыми

Комендоры сняли чехлы с орудий, и оба эшелона двинулись дальше, чтобы встретить противника на подступах. Остановились верстах в десяти от Нарвы, среди леса. Рассыпались цепями по обе стороны полотна и пошли вперед, оставив позади себя штаб и пустые вагоны. Непростительная оплошность: телефонных аппаратов не взяли. Пригодился финский опыт — быстро назначили связных, установили голосовую связь по всем линиям. А когда дело дошло до артиллерии, выявился еще один промах: орудия без прицелов. Но все же задержали продвижение немецких войск, дали возможность сосредоточиться под Нарвой своим крупным силам. 23 февраля 1918 года в ожесточенном бою враг был разгромлен под Нарвой и Псковом — в этот день родилась доблестная Красная Армия.

На свой корабль самсоновцы опять вернулись далеко не все.

* * *

Что бы ни происходило на обоих берегах Финского залива, а машинистов туда не брали: к весне корабли должны быть способны защищать Страну Советов и в морских боях. Немецкие войска, захватив Эстонию, в первых числах марта заняли Аландские острова и начали вторгаться в Финляндию. Возникла угроза главным силам Балтийского флота, оставшимся на зиму в Гельсингфорсе. Выход один — пробиваться в Кронштадт через льды.

— Что будем делать, товарищи? — обратился к морякам парторг корабля Силин на общекорабельном собрании.— Не оставлять же корабли немцам, не взрывать же их собственными руками — они теперь принадлежат народу.

А на «Самсоне» осталось уже не более 30 человек...

Постановили: людьми пополниться с берега и как можно быстрее приготовить машины к походу с помощью ледокола «Ермак».

Машинный старшина Силин, ведающий всеми котловыми группами, почти не вылезает из своих отсеков, но ему необходимо бывать везде, особенно у турбин, без которых, как и без котлов, кораблю не сдвинуться с места.

— Здорово, братцы, как идут дела? — спросил Силин Романчука, спустившись в отсек левой турбины.

— Хвастать не любим, но дело идет, турбина готова.

— А в смысле надежности не подкачаете?

— Что вы, Григорий Иванович, ведь для революции стараемся!

— А если ледокола не будет, тогда как?

— «Самсон» все равно не оставим, никому не сдадим и не разоружим,— ответил за всех Романчук.— Просим передать товарищу Ленину: самсоновцы готовы к любому походу!

— Добре.

Первыми за ледоколом «Ермак» ушли крупные корабли — гавань заметно опустела. Так же по ледовому каналу, проложенному «Ермаком», ушли на восток подводные лодки, хотя адмирал Щастный совсем было примирился с мыслью, что их придется сдавать немцам.

Последним рейсом «Ермак» должен увести за собой все остальные суда, но его нет и нет... Вскоре выяснилось: путь ему преградил вражеский ледокол «Тармо», вооруженный скорострельными пушками.

Противник уже на окраинах города, немецкие самолеты летают над гаванью. Надо либо немедленно уничтожать корабли, либо идти без «Ермака». Большевики на всех кораблях заявили: «Пойдем без «Ермака»!» Тонкобортным, мелкосидящим судам противостоял метровый лед. Пробиваться через него — отчаянный, но единственно возможный шаг, диктуемый революционным долгом.

— Так вот, братцы, уходим,— говорит Силин.— У кого семьи на берегу — грузи их на «Самсон» вместе с пожитками. Завтра снимаемся.

Утром 10 апреля прибыли с берега не только жены с детишками и домашним скарбом военморов, но и финны, не желающие оставаться под немецким игом. Они совершенно не умеют говорить по-русски, однако Силин несколько человек увел к своим котлам, поставил на боевые посты, начал учить их, показывая, в какую сторону надо будет крутить маховики по его сигналам: если он указательный палец наклонит вправо, стало быть, крути вправо... Мудреное дело — учить управлять механизмами таких людей, но утром они встали на вахту рядом с ним.

В полдень всю гавань заволокло густым дымом — поход начался. Маленькие рейдовые ледоколишки торопливо снуют между кораблями, выводя их в открытое море одного за другим. Вот и к «Самсону» подошел такой, он принял буксирный трос, потянул к выходу из гавани.

— Прощай, Гельсингфорс! Мы еще вернемся!

Длинной цепочкой вытянулись корабли. Не видно ни начала, ни конца — кругом неоглядное, как пустыня, зловеще-молчаливое и холодное пространство. Ход самый малый. Эсминец «Лейтенант Ильин» решил пойти быстрее, он обогнал «Самсона», но вскоре остановился с разбитым носом и стал просить буксировщика. Урок всем.

При ударах о льдины «Самсон» содрогается всем корпусом. Это опасно — могут разойтись швы. Приходится постоянно осматривать все нижние помещения: не началась ли где течь? А когда корабль остановился на ночь, вся команда — от командира до кока — шарит не только по машинным отсекам и кубрикам, но и по трюмам: не потекло ли где? Словом, и ночью отдохнуть некогда.

На второй день похода под напором льда кое-где отлетели головки заклепок. В утробе «Самсона» загремели молотами — началась подчеканка заклепок и «прослезившихся» вздутых швов. Понадобятся пластыри и упорины для заделывания пробоин — надо быть готовыми и к тому.

Над кораблями, медленно ползущими по узкому каналу, забитому глыбами ломаного льда, летают немецкие самолеты. Они с каждым заходом все более снижаются и вот уже почти касаются мачт, оглушая ревом моторов.

Маломощные рейдовые ледоколишки, предназначенные для обслуживания судов только в гаванях, сейчас часто застревают сами. За время ночных стоянок пробитый ими канал вновь схватывается сплошным льдом, и ранним туманным утром, прежде чем сдвинуться с места, люди выходят окалывать лед возле бортов пешнями, баграми, топорами.

Все ждут — скоро ли придет «Ермак»? Его нет уже третьи сутки. Может, немцы утопили его?

Разъяренные тем, что красные корабли уходят у них из-под носа, белофинны открыли огонь из береговых дальнобойных орудий.

Более грозными оказались другие громовые раскаты — началась подвижка льда: ломаясь на больших площадях, он «салютует» весне, словно пушечными залпами. Это опаснее белофинских снарядов — корабли может занести на камни...

Чтобы ускорить движение, решили высадить на лед группу лыжников для розыска разводьев и щелей, образовавшихся под снегом, или старого канала, проложенного «Ермаком». Артобстрел с берега продолжается, снаряды рвутся рядом, круша лед. Возглавить группу отважных Силин поручил Сосновскому. Спустившись на лед, тот поднял свою бескозырку на лыжной палке, как флаг, и крикнул:

— Прощай, братцы!

— Успеха вам, храбрецы!

С огромным риском преодолев все опасности, добровольцы в течение дня нашли старый проход во льдах, но ведь к нему надо еще пробиться.

...На четвертые сутки дежурный трюмный машинист по коридору гребных валов Бондаренко доложил Романчуку:

— Дейдвудная труба правого гребного вала пропускает забортную воду.

— Беги доложи мичману Воскресенскому! — приказал Романчук, а сам вместе с матросом Петровым сбавил обороты турбины до самых малых и побежал к гребному валу.

Воды в коридоре уже по колено, она такая же ледяная, как за бортом. Осмотрел, ощупал, нашел, откуда поступает вода.

— Причина ясная,— доложил охрипший Романчук.— От ударов гребного винта по льдинам расшатался сальник дейдвудной трубы.

— Молодец, благодарю от лица службы! — похвалил Силин, дружески хлопнув его по плечу.— Не дали воде подняться выше, успели обнаружить неисправность, а то пришлось бы худо.

В леденящей воде подтянули сальник, закрепили набивку в нем. Течь прекратилась. Насос выкачал воду за борт. Правая турбина прибавила оборотов.

Туманный день 17 апреля стал днем большого

праздника для всех пробивающихся к Кронштадту кораблей — появился долгожданный «Ермак». Заняв свое место в голове колонны, он деловито поднял флажный сигнал: «Следовать за мной!»

В Кронштадт пришли на десятый день после выхода из Гельсингфорса. Летом, в обычных условиях, на это требуется менее суток.

* * *

Если Аврора, по римской мифологии, была богиней утренней зари, приносившей дневной свет богам и людям, то Самсон — библейский мифический герой, якобы обладавший необычайной физической силой: голыми руками он убил льва. Крейсер «Аврора» и эскадренный миноносец «Самсон» имели не мифическую, а вполне реальную боевую мощь — дальнобойную морскую артиллерию и торпедные аппараты. Зарю они зажгли тоже реальную — зарю революционного обновления мира.

Люди с этих кораблей — богатыри настоящие, невыдуманные, ставшие легендой в наше время. Сила воли, бесстрашие, неукротимая убежденность в правоте великого дела, бескорыстное служение революционному и гражданскому долгу — такими они прошли по жизни до конца, оставив неизгладимый след на земле.

Самсоновец Григорий Иванович Силин вскоре после ледового похода был избран председателем военной матросской секции при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. Он всю жизнь посвятил флоту. В тридцатых годах окончил Военно-Воздушную академию имени Н. Е. Жуковского, после чего много лет служил в военно-морской авиации на командных и преподавательских должностях, в годы Великой Отечественной войны был подполковником. Его боевые заслуги отмечены орденами Ленина, Красного Знамени и другими правительственными наградами.

...Во время революции и в ходе боев за Советскую власть товарищи не раз говорили Федору Клячеву:

— Дерешься ты, Федор, здорово, как зверь. Гроза буржуев! А вот фамилия твоя тебе не подходит. Стань лучше Зверевым.

Федору самому его фамилия не нравилась. Сын потомственного рабочего Михея Клячева на Воткинском заводе, Федор работал на том же заводе с двенадцатилетнего возраста: нагревал заклепки, был чернорабочим на мартене, на флоте стал минным машинистом. Отец — не лентяй, сын — не лентяй, а фамилия — Клячевы! Вступая в партию большевиков, Федор Михеевич в 1918 году по совету друзей старую фамилию сменил на новую — стал Зверевым.

Федор Михеевич Зверев с 1919 года — комиссар «Самсона», затем стал комиссаром второго дивизиона эскадренных миноносцев, после чего был назначен комиссаром Главного гидрографического управления. После гражданской войны окончил военно-морскую академию. В годы Великой Отечественной войны мужественно оборонял Ленинград — руководил кораблями, доставлявшими через Ладогу оружие и продукты защитникам города.

Ушел с флота на пенсию в звании капитана 1-го ранга, отмеченный орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны и другими высокими наградами.

Степан Адамович Романчук сразу после ледового похода был избран председателем судового комитета на «Самсоне», а летом 1918 года добровольно записался в отряд канонерских лодок Волжской военной флотилии. Воевал на Волге и Каме. После разгрома колчаковцев много учился, окончил финансовую академию и приехал на Урал. Начал с управляющего отделением Госбанка в Ирбите, на пенсию ушел с должности инспектора областного коммунального банка. С уральцами

во время революции был, с ними Урал освобождал, вместе с ними трудился на Урале. По приглашению ЦК КПСС и правительства был в Москве на праздновании 50-летия Октября. В Кремлевском Дворце съездов ему торжественно вручили орден Ленина.

Там же Степан Адамович повстречался со своим белорусским земляком — Героем Социалистического Труда, президентом Белорусской академии наук Василием Феофановичем Купревичем. Перед седым, высокого роста ирбитчанином с Урала стоял человек из Минска — тот самый Вася, который в далеком семнадцатом навел носовое орудие корабля на временщиков, заседавших в Зимнем. Тоже седой, но по-прежнему подтянутый и полный энергии.

МАРУСЕВ ИЗ ВОЕНМОРРЕВКОМА

Биография Василия Макаровича Марусева складывалась как и у многих его сверстников. Был пастухом у помещика Умнова в селе Дурасово Пензенской губернии, каменщиком у подрядчика Мокрова, помощником слесаря в депо Еланское Сибирской железной дороги, кочегаром и помощником машиниста паровоза рабочего поезда на участке от Красноярска до Канска. Так из деревенских батраков перешел в рабочие.

На станции Енисей работало много политкаторжан. С одним из них, бывшим студентом, отсидевшим уже 26 лет, подружился особенно крепко. И восемнадцатилетним попал в списки «неблагонадежных».

Но на военную службу взяли. Из Сибири на Балтийский флот. Курсы машинно-кочегарного дела в Либаве, практика в заграничном плавании на учебном корабле «Океан». Заходили в Алжир, в египетский порт

Александрия, в греческий порт Пирей, побывали на острове Крит, в испанском городе Мадера, в португальском Могоне, во французском Шербуре. Редко приходилось вылезать из глубокого, как шахта, душного и жаркого машинного отсека, но за пять месяцев нагляделся и на Атлантику, и на Средиземное, и на Балтийское моря, а главное — увидел, как живут другие народы мира. По-разному живут, но есть у них общее: рабочему люду под гнетом богачей везде тяжко.

Однако там все же нет таких зверств и кровавых расправ, как в самодержавной Российской империи. Давно ли пороли и расстреливали по всей стране «бунтовщиков» 1905—1907 годов, а в апреле 1912-го опять залпы по безоружным рабочим на Лене...

Россия, словно пробудившись от этих залпов, забурлила с новой силой.

Экипажу «Океана» об этих событиях стало известно лишь в июне, когда вернулись из плавания, а на линкоре «Император Павел I», куда сразу после похода Марусева списали для прохождения службы в качестве штатного машиниста, о Ленском расстреле знают все. Матросы ходят хмурыми, разговаривают между собой вполголоса, сторонясь офицеров и унтеров.

Вскоре новичка вызвал старший штурман лейтенант Ланге и приказал подслушивать разговоры матросов и докладывать о них. Марусев отказался. Через три дня вызвали к командиру корабля капитану 1-го ранга Небольсину. Тот повторил приказ лейтенанта, Марусев ответил, что по уставу это не положено, приказание выполнять он не будет. Посадили в карцер. Через две недели опять вызвали. Ответил так же. Снова посадили в карцер. При обыске нашли Библию, составили обвинение «за отказ от военной службы по религиозным убеждениям» и отправили в Кронштадт.

С сентября 1912 года сидит Василий Марусев в одиночной камере кронштадтской крепостной тюрьмы под

следствием. В декабре военно-морской суд приговорил его к двум с половиной годам заключения с отбыванием срока в дисциплинарном батальоне. Повезли в Архангельск. «Там капитан 1-го ранга Заборовский задал мне два вопроса, я ответил молчанием. Он приказал произвести экзекуцию — сто ударов... Я досчитал до 54 и впал в бесчувствие. Когда пришел в себя, возле меня был фельдшер, он меня забинтовал, помог одеться. Меня перевели в другое помещение, сидеть и лежать было невозможно, и я ходил... В карцере на стене висел портрет царя Александра II, со стены он упал, я его отшвырнул в угол. С проверкой по карцерам пришел капитан Кириллов и увидел в углу портрет. Создали новое дело «за оскорбление бывших Величеств», отправили в Кронштадт, и тот же состав военно-морского суда, аннулировав первый приговор, приговорил меня к двум годам одиннадцати месяцам, с отбытием в Архангельске, в течение шести месяцев применить одиночное заключение...» [1]

Так молодой матрос Василий Марусев в самом начале познал все «прелести» службы в царском флоте — вплоть до розог и карцеров. На всю жизнь запомнил и физическую боль, и унижения, и жестокую несправедливость. От военной службы не уклонялся, а обвинили в этом; царского портрета не сбрасывал, а «меру пресечения» удлинили и усилили. «Покорись, встань на колени перед нами или в тюрьмах заморим тебя!» — всячески внушали ему царские прислужники, стремясь убить в нем бунтарский дух.

...На корабль матрос вернулся под надзор и в подчинение того же Небольсина. Офицеры относятся к нему настороженно, да и многие рядовые смотрят подозрительно. А он, очень осторожно и постепенно, заводит на «Павле» новые знакомства — со старшиной

[1] Воспоминания В. М. Марусева.— Архив автора.

снарядного погреба Муратовым, через него со старшинами кормовых плутонгов[1] Фотиевым и Громовым, затем с другими. Однажды вечером, когда многие были на работах в доке, несколько его друзей, усевшись отдельной группой в среднем каземате, пили чай. «Я вполголоса рассказал им структуру построения революционных рабочих организаций в подполье, то есть о пятерках, и каждый согласился найти товарищей, которые должны создать свои пятерки. Так началась революционная организация на «Павле». Потом я узнал, что к нам примкнули Федор Дмитриев и Василий Бурыкин. Затем я познакомился с трюмным машинистом Кузьминым, он согласился работать среди машинистов. Осенью 1914 года пришла молодежь, в ее числе был и ты, я познакомился с тобой, и мы решили ввести тебя в центральную пятерку. По мобилизации пришли кочегар Железнов и комендор Чайкин, Железнову было поручено работать среди кочегаров, Чайкину — среди мобилизованных. Затем решено было связаться с кораблями, что и сделали. Потом — связь с Кронштадтом, затем — твой и мой арест»[2].

В декабре 1915 года поднадзорный Марусев вместе с Ховриным пришли в кофейню на Андреевской улице Гельсингфорса, сюда же явились подпольщики с «Андрея Первозванного», «Славы», «Полтавы», «Петропавловска», «Цесаревича», «Севастополя». Подав кофе, прислуга удалилась, а пятнадцать человек в матросских форменках начали свою беседу. Говорили о подготовке матросов к будущим революционным боям. Когда в кофейню вошли двое штатских, беседу прекратили и постепенно начали расходиться. Марусев и Хов-

[1] Плутонг — группа орудий одинакового калибра, расположенных в помещении, допускающем возможность управления ими посредством голосовой передачи. В настоящее время — батарея.

[2] Из письма В. Марусева Н. Ховрину. Хранится у Е. П. Марусевой, проживающей в Свердловске.

рин вышли последними, за ними следом — штатские... Это были шпики. Чтобы избавиться от «хвоста», Марусев и Ховрин долго колесили по улицам, неожиданно сворачивали в темные переулки и наконец вбежали под арку, выскочили на параллельную улицу и вошли в ярко освещенный фотосалон. Не спеша, в течение часа, готовились к фотографированию, а когда сфотографировались и вышли — шпиков не увидели. На корабль вернулись благополучно.

Жандармам все же удалось выследить и схватить подпольщиков. Были арестованы Тимофей Ульянцев, Иван Сладков, Иван Вахрамеев, Николай Ховрин, Василий Марусев — 20 руководящих работников большевистских организаций Балтийского флота. Их обвинили в том, что они вступили в «преступное сообщество» и, руководствуясь программой Петроградского комитета РСДРП(б), имели задачу «насильственным путем добиться окончания настоящей войны, чтобы затем, при поддержке армии и рабочего класса, созвать Учредительное собрание для ниспровержения установленного в государстве основными законами образа правления и замены его демократической республикой» [1].

Вахрамеев и Марусев в обвинительном акте записаны рядом: они «участвовали в тайных собраниях сообщества, где разрешались вопросы, касающиеся деятельности последнего, принимали меры в целях получения из Петрограда и Кронштадта на суда, стоявшие в Гельсингфорсе, революционной литературы для распространения этой литературы «среди нижних чинов» [2].

Суд состоялся через 10 месяцев, в конце октября 1916 года. По законам военного времени морякам действующего флота грозила смертная казнь, но пролета-

---

[1] Цит. по кн.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте, с. 537.

[2] Там же, с. 538.

риат Петрограда поднялся на их защиту и спас им жизнь. «Товарищи рабочие! — обратился к питерским пролетариям Петроградский комитет большевиков в специальной листовке перед началом судилища.— 26 октября состоится суд над теми из наших товарищей матросов, кто захотел включиться в революционное движение рабочего класса. Им осмеливаются угрожать смертью за то, что в душных казармах сохранили ясность революционного сознания. Несмотря ни на какие угрозы военного положения, товарищи матросы не захотели, не смогли быть бессловесным орудием в руках шайки грабителей, упивающихся никогда не виданной прибылью, барышами от устроенной ими всемирной бойни. Царский суд хочет из матросов сделать преступников, но для нас они останутся примером. Мы знаем, что они идут за дело народа, против угнетения его господствующими классами и царской монархией... Товарищи матросы и солдаты! Мы заявляем свой голос возмущения против смертельной расправы с вами. В знак союза революционного народа с революционной армией мы останавливаем заводы и фабрики. Над вами занесена рука палача, она должна дрогнуть под мощным протестом восстающего из рабства народа!» [1].

В день открытия суда над матросами в Питере началась массовая политическая забастовка: 130 тысяч рабочих не вышли к своим станкам и машинам, остановилось около 50 заводов и фабрик.

И рука палача дрогнула: Кронштадтский военно-морской суд, неделю заседавший за закрытыми дверями в Петрограде под председательством генерала Алабышева, не решился приговорить революционных матросов к смерти. Ульянцева, Сладкова, Брендина осу-

---

[1] Цит. по кн.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте, с. 557.

дили к каторжным работам; остальных оправдали «за неимением достаточных улик и обвинений»[1].

Оправдан и Марусев, однако его не отпустили на корабль, а отправили на плавучую тюрьму в Кронштадт и затем, лишив матросского звания и переодев в солдатскую шинель, под конвоем сопроводили в артиллерийскую штрафную бригаду на Западный фронт. На передовой позиции находился до самой Февральской революции, «кровью искупая свою вину перед отечеством».

В Петроград приехал в начале марта 1917 года. Сразу же перебрался в Кронштадт. Встретился с Ульянцевым, Сладковым и другими товарищами, также освобожденными революцией. На собрании группы членов партии ему предложили отправиться в Гельсингфорс, где находились на зимовке в бухте Первая и Вторая бригады линейных кораблей, часть миноносцев, вспомогательные суда. Вместе с другом по штрафной бригаде матросом Поповым Марусев с помощью петроградских большевиков переодевается во флотское обмундирование. Набрав нужных газет, листовок, поехали в Гельсингфорс. Туда же в этом же поезде следовал министр юстиции Временного правительства Керенский, он почти на каждой станции произносил крикливые речи, призывая поддерживать «народное правительство России». С этой же целью он ехал на главную базу Балтийского флота. Прямо с вокзала 20 марта «народный министр» проследовал в театр, где в этот день шло заседание Гельсингфорсского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов. Меньшевистско-эсеровская часть депутатов восторженно встретила своего любимца — эсеры внесли Керенского через парадную дверь на руках.

[1] Цит по кн.: Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте, с. 539.

— Давай бросим листовки,— сказал Попов, наблюдая эту сцену с балкона.

— Давай,— ответил Марусев, и с балкона полетели в зал десятки большевистских листовок, привезенных из Питера.

Среди меньшевиков и эсеров возникло замешательство, а рабочие, солдаты и матросы, подняв руки к матросам на балконе, кричали:

— Еще давай, еще! [1]

Здесь же Марусев встретился с Ховриным, который тоже только что вернулся из ссылки, опять зачислен в экипаж линкора «Император Павел I» и уже избран депутатом в городской Совет. На корабль вернулись вместе.

Командующий флотом вице-адмирал Непенин и начальник Второй бригады линкоров контр-адмирал Небольсин, пытавшиеся противостоять революции, убиты матросами, «Павел» переименован в «Республику», но война, начатая царем в интересах капиталистов и помещиков, продолжается. Царя свергали, чтобы освободить Россию, чтобы на заводах и фабриках ввести восьмичасовой рабочий день, чтобы землю помещиков передать бедным крестьянам, а войну закончить, но ничего этого нет! Временное буржуазное правительство, объявив себя революционным, заявило о своей верности союзным державам и продолжает ту же империалистическую войну под лозунгом «защиты революции». От кого оно защищает революцию? От немцев?

Но подавляющая масса моряков поверила этой лжи, на корабле много ярых приверженцев Временного правительства — надо́ раскрыть им глаза на истинное положение дел! Большевики линкора собираются, намечают формы и методы дальнейшей борьбы. На таком совещании они поручили Марусеву и Дмитриеву восстано-

[1] См.: Газ. За тяжелое машиностроение, 1957, 24 окт.

вить связи с бывшими подпольщиками на других кораблях. Решили приступить к изданию своей газеты. Для этого потребовались средства. Марусев выступил с докладом на общем собрании матросов линкора «Республика». Постановили из харчевных сумм выделить 1000 рублей. Для выпуска газеты нужны не только деньги, но и люди, знающие это дело. Марусев и Дмитриев едут в Петроград с поручением от своих товарищей просить редколлегию «Правды» и ЦК послать в Гельсингфорс необходимых работников. Вскоре нужные люди приехали, создали редакционную коллегию. В нее вошли матросы Федор Дмитриев и Василий Марусев. На матросские деньги купили типографскую машину, установили ее в арендованном помещении, научили группу своих же матросов вручную, буква за буквой, набирать текст.

30 марта вышел первый номер матросской газеты «Волна».

Члены Гельсингфорсского комитета большевиков Владимир Антонов-Овсеенко, редактор газеты Борис Жемчужин, Василий Марусев, Федор Дмитриев, Михаил Рошаль поселились в одной комнате на Мариинской улице, 23, под одной крышей с типографией «Волны».

«Поднялась волна революции,— говорилось в передовой статье,— и не упадет, не успокоится волна, но будет расти, вбирая в себя новые силы, пока не довершит свое дело». Вместо эсеровской стряпни матросы стали читать большевистскую газету, выражающую их чаяния. Вскоре она стала органом Гельсингфорсского комитета РСДРП(б).

«Волна» перепечатывает из «Правды» ленинские статьи, публикует резолюции собраний и митингов, матросские и солдатские письма о борьбе с контрреволюционерами на кораблях и в береговых частях, требования о передаче помещичьих земель крестьянам, протесты против «займа свободы», выпущенного Временным

правительством для продолжения войны «до победного конца».

В мае Керенский приехал инспектировать корабли. Прибыл и на «Республику». Выслушав напыщенную речь военного и морского министра, матросы спросили его в упор: «Почему на местах не созданы комитеты крестьянской бедноты? Почему крестьянам не переданы все помещичьи, церковные и кабинетские земли? Верно ли, что вы, будучи в Государственной думе, голосовали за войну? Какая война ведется в настоящее время? Верно ли, что Временное правительство отпустило около шести миллионов рублей на скачки? Верно ли, что вы предложили назначить бывшим сенаторам пенсии по шесть тысяч рублей в год?» «Волна» не только публикует эти и многие другие вопросы, заданные господину министру, но и сообщает, что он не дал удовлетворительных ответов на них.

Керенского взбесило, что матросы так неприветливо его приняли, и он покинул «Республику», даже не попрощавшись... Об этой «невежливости» министра «Волна» также не замедлила рассказать своим читателям.

Линкор «Республика» стоит на рейде у входа в порт. Шесть артиллерийских башен с тяжелыми дальнобойными морскими орудиями! Но не только артиллерийская мощь вызывает уважение к этому кораблю, важно сейчас и другое: на «Республике» 600 членов большевистской партии — добрая половина всей команды. Больше, чем на любом другом корабле. Влияние «Республики» на экипажи всех кораблей, находящихся в главной базе, огромно, она задает тон всему Балтийскому флоту [1].

Во главе большевиков на этом корабле — Марусев и Ховрин. Каждое их слово авторитетно, веско. Экипаж

[1] См.: Рошаль М. Г. Большевики Гельсингфорса в дни революции 1917 г.— АН СССР. Исторический архив, № 5, 1956.

остро, по-большевистски реагирует на все контрреволюционные действия временщиков.

Уже в апреле общее собрание команды обсуждает вопрос о покровительстве заклятым врагам народа со стороны Временного правительства. Экипаж линкора потребовал отменить пенсии царским министрам и их семьям, конфисковать все принадлежащее им имущество, а самих низвергнутых царских слуг «перевести на содержание, установленное ими же для политзаключенных». Одновременно потребовали немедленного перевода царя Николая II в Кронштадт, под надзор матросов, чтобы пресечь возможную попытку его побега. Резолюция публикуется в газете «Волна», а в следующем номере — очень краткая, но выразительная резолюция моряков линкора «Петропавловск»:

«1. Николая кровавого отправить в Кронштадт со всеми его верными холопами.

2. Прекратить выдачу пенсий генералам и прочей клике, служившей бывшему царю».

Революционная работа флотских большевиков выходит за пределы флота. По заданию Гельсингфорсского комитета партии матрос Василий Марусев в качестве агитатора уезжает в отдаленные города — Пензу, Сызрань, Симбирск, Рузаевку, Саранск,— везде изучает настроение масс, выступает на митингах.

Временное правительство решило ликвидировать двоевластие и перешло в открытое наступление против революционного народа, чтобы установить военную диктатуру буржуазии. 3—4 июля юнкера и казаки напали на мирную манифестацию рабочих и солдат столичного гарнизона, на улицах Петрограда пролилась кровь. Правительство начало аресты, закрыло «Правду». «Волна» продолжает выходить, большевики организуют ее доставку из Гельсингфорса в Петроград. 11 июля военный и морской министр Керенский приказал закрыть и ее, но в том же месяце большевики организова-

ли издание другой ежедневной газеты — «Прибой». В Гельсингфорсе тоже начались аресты: первыми схвачены Антонов-Овсеенко и М. Рошаль. Марусев избежал ареста — он в это время был уже членом Центрального комитета Всероссийского военного флота (Центрофлот), созданного в июне на I Всероссийском съезде Советов по предложению эсеров и меньшевиков, но в него вошло и несколько большевиков. Эсеро-меньшевистское большинство в Центрофлоте заявило Временному правительству о своей готовности поддерживать его политику продолжения войны, дало согласие на расстрел июльской демонстрации.

Малочисленная группа большевиков в Центрофлоте — член Кронштадтского комитета РСДРП(б) матрос Иван Сладков, машинист с учебного судна «Азия» матрос Николай Пожаров, электрик Николай Маркин, машинист линкора «Севастополь» Эйжен Берг, член центрального комитета флотилии Северного Ледовитого океана матрос Владимир Полухин, член комитета Первой бригады линкоров Балтфлота матрос Андрей Штарев, член Гельсингфорсского комитета РСДРП(б) матрос 1-й статьи Василий Марусев — ведет непримиримую борьбу с соглашателями, разоблачает их предательское поведение, стремится превратить Центрофлот в революционный орган, но это ей не удается. Тогда Марусев и другие большевики решительно порывают с Центрофлотом, объявив о своем выходе из его состава[1].

Керенскому и его клике не удалось разгромить революционные силы в столице и на Балтийском флоте, хотя удар был нанесен ощутимый. Чтобы окончательно овладеть положением, контрреволюционная буржуазия в лице всех черносотенцев и ярых монархистов объединяется в либерально-монархическую кадетскую партию

[1] См.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, с. 350—351.

Народной Свободы, существующую с 1905 года. Конституционная монархия — такова ее цель. Кадет генерал Корнилов, в июле назначенный Временным правительством на пост верховного главнокомандующего, в августе сдал немцам Ригу и стал готовить поход на... Петроград.

— Этот маньяк готовит мятеж и в самом городе,— сказал председатель Петроградского военно-революционного комитета Николай Подвойский матросу Николаю Маркину.— Ночью с Марусевым и Пожаровым пойдете брать присланных им организаторов мятежа.

Возглавив отряд моряков и рабочих-красногвардейцев, Маркин, Марусев и Пожаров произвели облаву в гостиницах и частных особняках, обнаружили там более сотни переодетых в штатское офицеров и генералов, обезоружили их, арестовали и отправили в Петропавловскую крепость. На другой день Маркин со своими товарищами спешит в «дикую дивизию» конного казачьего корпуса [1].

Финал заговора мятежников: генерал Корнилов арестован и отдан под суд, генерал Крымов застрелился. Революционный Питер спасен.

Но события продолжают нарастать, они обостряются с каждым днем. Дело идет к решающему сражению. Василий Марусев — на самом гребне нарастающей штормовой волны. «Из Гельсингфорса прибыла в Петроград группа матросов-большевиков, избранных делегатами II съезда Советов,— вспоминает он о тех исторических днях.— Вместе с ними приехал и мой старый друг по подполью Николай Ховрин. Вечером 22 октября я был вызван в Петроградский военно-революционный комитет к Антонову-Овсеенко, который хорошо знал меня в Гельсингфорсском комитета РСДРП(б). Анто-

---

[1] См.: Назаров А. Ф. Николай Маркин. Приволжское кн. изд-во, 1971, с. 45.

нов-Овсеенко поручил мне немедленно выехать в Гельсингфорс, явиться в Центробалт и предупредить товарищей, чтобы они были готовы к решительным действиям. Уже на другой день я был в Гельсингфорсе на «Полярной Звезде» и рассказал о задании Петроградского военно-революционного комитета, который в случае необходимости даст телеграфом зашифрованный приказ о присылке боевых кораблей в столицу. Президиум Центробалта во главе с Дыбенко просил меня передать, что приказ ВРК будет выполнен. В Петроград я вернулся не один, а с отрядом гельсингфорсских матросов-большевиков. Антонов-Овсеенко, выслушав мой отчет о поездке, приказал мне вести людей к Зимнему, который к этому времени уже был окружен со всех сторон красногвардейцами, матросами и солдатами... На всю жизнь запомнилась мне арка Главного штаба перед Дворцовой площадью, гул авроровской шестидюймовки, громовой крик «Ура!» и огоньки выстрелов навстречу нам, когда поток атакующих хлынул под арку на площадь. Этот поток смел юнкеров и влился в коридоры и залы Зимнего дворца. Все было кончено быстро. Пересчитанных и переписанных министров Временного правительства отправили под конвоем в Петропавловскую крепость, а наш отряд по распоряжению Антонова-Овсеенко остался охранять Зимний дворец» [1].

На другой день из десяти моряков — делегатов II съезда Советов — создается Военно-морской революционный комитет под председательством машинного старшины транспорта «Оланд» Ивана Вахрамеева. В этот руководящий орган Всероссийского военного флота избирается и делегат II съезда Советов Марусев. ВМРК непосредственно подчиняется Петроградскому военно-революционному комитету. Центрофлот, в дни вооруженного восстания вступивший в «Комитет спасе-

[1] Воспоминания В. М. Марусева.— Архив Е. П. Марусевой.

ния родины и революции» и окончательно скатившийся в лагерь контрреволюции, объявляется распущенным. Отряд матросов во главе с Ховриным, явившись в Адмиралтейство, изгоняет центрофлотовцев из помещения. «Да здравствует революционный флот! На нашем знамени: Мир, Земля и Свобода!» — обратился ВМРК ко всем морякам Балтики.

Для работы в Военморревкоме Центробалт направил 45 самых преданных революции и Советской власти матросов. Создаются секции: военная, личного состава флота, контрольно-техническая и две комиссии — следственная, хозяйственная [1].

«Началась новая жизнь, которая потребовала от нас больших дел, напряженной и бессонной работы. И мы с головой ушли в эту работу»,— вспоминает Марусев. Новая работа, потребовавшая много сил,— это защита только что родившегося в огне революции первого в мире рабоче-крестьянского Советского государства от многочисленных его врагов. Бои с войсками Керенского — Краснова на Гатчинском фронте, ликвидация контрреволюционной шайки генерала Духонина в Могилеве, подавление антисоветских мятежей и погромов в самой столице, охрана Смольного, формирование матросского отряда в помощь москвичам, матросских продовольственных отрядов на юг и на восток страны...

В ноябре — Первый Всероссийский съезд моряков военного флота. С докладами выступают председатель ВМРК Вахрамеев и член комитета Марусев. Голосуется три проекта резолюции с оценкой деятельности распущенного Центрофлота, большинством голосов принимается первая, предложенная В. Марусевым: «...высшая матросская организация, оторвавшаяся от масс, перешла на сторону буржуазии, на сторону контрреволю-

---

[1] См.: Кондратьев Н. Д. Иван Вахрамеев. Воениздат, 1957, с. 33—41.

ции в лице пресловутого «Комитета спасения родины и революции», который покрыл себя несмываемым позором, часть этого позора легла на Центрофлот, а потому клеймим позором членов Центрофлота, которые изменили своим выборщикам, и приветствуем военно-революционный комитет, который, разогнав Центрофлот, не дал затоптать в грязь революционное знамя моряков» [1].

На съезде выступил В. И. Ленин, встреченный делегатами с огромным подъемом. После речи вождя, воодушевившей моряков на новые подвиги в борьбе за власть Советов, Всероссийский флотский съезд утвердил структуру организации и управления военно-морскими силами Республики. Избирается состав морской секции Центрального исполнительного комитета Советов — она заменит Адмиралтейств-совет, обязана подготовлять для правительства проекты законодательных распоряжений и постановлений по военно-морским делам. Член морской секции ВЦИКа Марусев тоже здесь — он теперь комиссар Главного хозяйственного управления [2].

Все 20 членов этого законодательного Совета поселились в одном здании — в апартаментах бывшего товарища министра вице-адмирала Муравьева, а в покоях бывшего морского министра адмирала Григоровича поместилась Верховная морская коллегия. Здесь же, на третьем этаже, где недавно жил помощник начальника морского генерального штаба граф Капнист, устроили себе общежитие флотские комиссары, вместе с ними квартирует и сам нарком Павел Дыбенко.

Марусев уже дважды видел и слышал Ленина — на съезде Советов и на съезде военных моряков, а теперь разговаривает с ним в его кабинете, вызванный с докладом о состоянии снабжения флотов.

---

[1] Выписка из протокола № 3 заседания съезда от 20 ноября 1917 г.— ЦГАВМФ, ф. 130, д. 34, л. 12.

[2] Справка ЦГАВМФ.— Архив автора.

Ленин внимательно и уважительно выслушал растянутый и несколько сбивчивый доклад матроса, волею судеб занявшего адмиральский пост.

Владимир Ильич одет очень скромно. Стоит, добродушно смотрит на докладывающего, интересуется подробностями положения дел на флотах.

Вскоре после этого комиссар снабжения сам пошел к Ленину: из порта Кемь Архангельской губернии прекратилась доставка угля для кораблей. «Пойду к Ильичу — он поможет!» Снова Бонч-Бруевич ввел его в кабинет Председателя Совнаркома, снова внимательно слушает его Ильич. Комиссар Марусев уходит из Смольного окрыленным: Ильич обещал помочь[1].

Реорганизация и укрепление военно-морских сил страны на демократических началах в условиях разрухи и смертельной опасности со стороны внутренней и иностранной контрреволюции потребовали от каждого напряжения всех сил. Руководить всеми флотами молодой Республики — сложное и трудное дело, а в Адмиралтейство пришли люди новые, в большинстве своем неопытные матросы. «Очутившись у власти, они, невзирая на усталость, на свою неподготовленность управлять государственной машиной, силятся превозмочь все трудности, наладить аппарат, наметить программу работы. Воодушевленные идеей, они не боятся бурь на своем пути»,— вспоминает о том периоде П. Дыбенко.

«...Весной 1918 года меня разбил паралич»,— скажет о том же периоде Марусев много лет спустя.

* * *

Разбитый параличом, в тяжелом состоянии, человек нуждался прежде всего в покое. Но какой может быть покой революционеру в бурлящем Петрограде?! Врачи

[1] См.: Марусев В. За власть Советов.— Газ. За тяжелое машиностроение, 1957, 26 окт.

предложили поехать на лечение в отдаленную провинцию — подальше от флота.

— Отправляйте в Саранск, на мою родину,— попросил моряк.

Так он оказался в небольшом уездном городишке на мало кому известной речке, давшей название старой маленькой крепости [1].

Земский доктор Губанцев лечил моряка как мог, но до полного выздоровления было еще очень далеко: осталась эпилепсия — припадки «падучей болезни». Из больницы переселился в Дурасово, где не так давно пас коров у помещика. Никуда не ходил — приступы эпилепсии вдали от дома особенно тяжелы и опасны. Никому ничего не рассказывал о себе — ведь это опять волноваться, снова переживать пережитое, это новые судороги с адскими болями до потери сознания. Матросскую форму положил в сундук, партийный билет тоже... «Вот пройдет болезнь моя — тогда и покажусь»,— решил моряк.

Но земляки все же навещают, ходят с разговорами о своих делах и в 1925 году избирают Марусева в члены Дурасовского сельсовета. Большевик с подпольным стажем, ветеран революции — может ли он стоять в стороне, когда в деревнях (и в самом Дурасове) идут ожесточенные классовые бои! Беднота колхозы создает, а кулачество, захватив лучшие земли, бьет деревенских активистов из обрезов и кольями.

Едва оправившись от паралича, моряк снова в огне борьбы — организует колхоз имени 13-й годовщины Октября в родном селе и первым вступает в него сам, приведя на артельный двор единственную свою корову и пять овец.

---

[1] В. Марусев родился в д. Журловка, с. Дурасово, Воеводской волости, Саранского уезда, Пензенской губернии. Ныне г. Саранск — столица Мордовской АССР.

То была первая большевистская пятилетка. Началась еще одна революция в России: отсталая в экономическом отношении страна с подавляющим большинством полуграмотных и вовсе неграмотных людей решила стать передовой индустриальной державой мира. Развернулось небывалое доселе строительство. Одновременно возводятся десятки громадных заводов: Магнитогорский металлургический, Нижнетагильские металлургический и вагоностроительный, Харьковский и Челябинский тракторные, Верхнепышминский медеэлектролитный, гигантский завод тяжелого машиностроения Уралмаш.

Сами, собственно говоря, первое время воздвигали только стены промышленных великанов, а почти все машины и станки, моторы и турбогенераторы, прокатные станы и трансформаторы пришлось покупать за границей. К тому же все оборудование для новых заводов требовалось лучших, новейших марок. Все это можно было покупать в других странах только за золото, за платину, за серебро и драгоценные камни, но где их столько взять? Добыть из-под земли!

На захиревших в годы разрухи золото-платиновых приисках собрали из отечественного старья драги — «паровушки». А затем привезли в разобранном виде несколько электрических драг, смонтировали их на таежных речушках, понаделали земляных плотин в горах и начали добывать золото для необходимой позарез валюты. Не для украшений — ради хлеба насущного. Мелким, индивидуальным хозяйствам не обеспечить продовольствием и сырьем поднимающуюся и растущую страну. Земледелие также следует перевести на путь индустриального развития, чтобы навсегда избавиться от серпов и сох, от лаптей и керосиновых коптилок в крытых соломою хатах. Марусев отлично понимает это, и его потянуло на Урал. Очень захотелось опять быть на решающем фронте борьбы за социалистическое пре-

образование Отчизны. Дурасовские колхозы — тоже фронт, но главный — там, где сооружаются бастионы экономического могущества Страны Советов. В мае 1931 года с женой Елизаветой Полуэктовной и дочерью он приехал в Свердловск.

Желание участвовать в строительстве Уралмаша (а не любовь к перемене мест) привело сюда бывшего моряка. Знал: многого сделать не сможет. Строительной специальности нет, в машинисты негоден по состоянию здоровья, в лесорубы или землекопы — тоже... Но все же приехал именно на Уралмашстрой. В меру своих сил, хоть что-нибудь, но делать, участвовать.

Поступил в торговую сеть, хотя душа к торговле никогда не лежала. Через год пришел на многотысячный торжественный митинг строителей по случаю пуска первого цеха. Побывал и в самом цехе. Увидел множество станков, но не услышал шума трансмиссий: в огромном цехе нет ни единого приводного ремня — у каждого станка свой мотор. Много света, чистота и порядок. Такими вот и будут все заводы в коммунистическом завтра. Стоило жертвовать собою, стоит и дальше трудиться, не жалея последних сил.

Марусев пошел в отдел кадров, попросил перевести его непосредственно на строительство. Но, учитывая состояние здоровья, его перевели рабочим на складское хозяйство.

1940 год. Завод работает во всю мощь и продолжает расти. Старательного, очень добросовестного рабочего выдвигают на должность заведующего складом.

С началом войны Уралмаш напрягся еще больше — стал работать на оборону. От заводских ворот эшелонами пошла мощная боевая техника на фронт. Туда бы, на фронт, и ему, но шестой десяток уже, да и здоровье не позволяет...

Впрочем, и здесь не легче — здесь тоже фронт.

В огромное складское хозяйство завода ежедневно

поступают детали для танков, огнеупоры, кислоты и многое другое. Отсюда круглосуточно материалы идут в цехи. Требуется четкость, точность, бдительность, расторопность и, так же как в бою, солдатское мужество. Вот прибыли накладные на два вагона с часами для танков: накладные есть, а вагонов нет.

— Куда делись часы? — строго спросил человек в военном.

— Не знаю, я их не получал.

Время суровое, меры крутые, разговор окончился арестом.

— Мне нужно вагоны разыскивать, а вы меня — за решетку! — запротестовал завскладом.— Не годится так. Приставьте конвойного, если находите нужным, но дайте мне свободу действий для поиска.

Через неделю Марусев нашел оба вагона, ошибочно загнанные железнодорожниками в другой город.

...Меланж[1] получали понемногу и раньше, а в разгар войны пришло сразу две цистерны — 60 тонн. Жидкость очень коварная, хранить ее можно лишь в стеклянной таре, но где взять столько бутылей?

Двадцатилитровые бутыли собирали почти по всей области. Стали разливать шлангами, а они — горят. Рукавицы, одежда — все горит при попадании даже одной капли. Появились ожоги на руках, на лице, а пустых бутылей еще много... Наконец наполнили все, уставив ими целую площадь под открытым небом.

Но вдруг, когда выглянуло солнце, они все задымили, образуя ядовитое желтое облако — самовозгорание от солнца. Вызвали пожарную команду, но и она бессильна — вода лишь расширила очаг пожара на заводском дворе...

Когда со злополучной жидкостью управились, Марусеву выдали больничный лист. Ожоги на руках и

[1] Мелаиж — едкая жидкость.

лице вылечили, а зрение он стал терять. По этой причине перешел в рядовые кладовщики, оставаясь истым бойцом.

...В 1948 году исполнилось 15 лет со дня официального пуска Уралмаша. Приказом министра экспедитор складского хозяйства Василий Марусев награждается значком «Отличник соцсоревнования Минтяжмаша». Значок — не орден, но как он дорог! Пожилой, больной, слепнущий, но все еще в строю и признанный передовик соревнования в таком министерстве.

В 1953 году, по заключению врачебной комиссии, инвалид первой группы Василий Марусев стал пенсионером. Так и не дождался он, когда пройдут головные боли. Хуже того — лишился еще и зрения...

* * *

...Большая стопа писем от Владимира Зайцева, члена Кронштадтского комитета РСДРП(б) в октябре семнадцатого. «Падать духом не будем, дорогой мой, мы — коммунисты! Нам ли клонить головы перед невзгодами и гримасами судьбы! Мы не были нищими духом, и мы, милый соратник, дошли до двери светлого будущего: уж взлетел в звездный мир наш космонавт коммунист Гагарин! Руку, друг мой! Ты был, есть и будешь самым близким, дорогим и верным, настоящим Товарищем с большой буквы... Уж век-то наш, Вася, удивительно хорош. Борьба двух миров: дряхлого, разваливающегося, с язвами гнилости, капитала и юного, крепкого, с задором и дерзанием, с твердой и уверенной поступью коммунистического богатыря. Что ни день, то новое радостное сообщение. Подневольный народ поднимается, скидывает с плеч своих ярмо колониализма, рвет капиталистические цепи. А наша родная Русь-матушка становится все величественнее, мощнее, притягательнее! Кипит Куба, Конго, Сомали, Гвинея! В этом и наша с тобой есть маленькая доля, она не-

заметна, но жива!.. Как ты, Вася, чувствуешь себя? В чем нуждаешься, дорогой? Не стесняйся, пиши мне, и я, в силу возможности, помогу. Ведь мы из Кронштадта!»[1]

Зайцев тоже сильно болен. «Мне стукнула склянка судовая 77 — это не баран чихнул. Писать мемуары запрещено, читать серьезные вещи — тоже, делать какие-либо дела не полагается, кино смотреть воспрещается... Жизнь — это море с тысячами разных мелей, рифов, проплыть ее без аварий было весьма трудно. Но я все же готов даже сейчас повторить ее!»

«...Ты — коммунист, закаленный в борьбе, прошедший немало испытаний на бурном жизненном море, перенес их с высоко поднятой головой, как истый борец за свободу и счастье людей. Я верю и знаю, что ты стоически перенесешь и это горе...»

Вот уже «стукнула склянка» 80 лет ему, а Зайцев продолжает писать из своего Кротово: «Ты, Вася, прав: надо крепиться, бороться, путь наш тернист. Я готов на все жертвы, лишь бы облегчить твои страдания, и не придумаю как. Если тебе переехать куда-либо к центру и там приняться за ремонт своего корпуса? Я бы мог навещать тебя, да и другие товарищи-кронштадтцы».

Куда ехать, если даже по комнате ходишь ощупью. Кроме слепоты и застарелой болезни врачи записали в лечебную книжку диффузный пневмосклероз, эмфизему легких, атеросклероз, кардиосклероз, сердечную недостаточность... Куда ехать с таким «багажом»? Да и зачем? Лечат и здесь хорошо, но от старости не излечишься. Садись к столу, Елизавета Полуэктовна, пиши ответ в Кротово.

Верная подруга жизни, тоже преклонных лет, тоже больная, присаживается к столу, подставляет чернильницу, кладет возле себя бумагу. Он садится рядом.

---

[1] Архив автора.

— Пиши, Лиза: «Спасибо тебе, Володя, за все описанное тобою, за моральную поддержку... Мы, революционеры-подпольщики, случайно оставшиеся в живых, дожили до физических страданий, но мы рады, что наши труды не пропали даром и наши семена дали большой урожай...»

Вот отдельная стопка писем из города Наволоки, от Феди Дмитриева.

«Василий Макарович, посылаю тебе мои воспоминания о нашей работе на «Павле I» и во флоте. Прошу, что найдешь нужным изменить или дополнить, то напиши на отдельных листках и пришли вместе с этим экземпляром обратно. О себе поподробнее напиши. Эти воспоминания я пошлю в Институт марксизма-ленинизма и в Центральный военно-морской музей».

— Садись, Лиза, читай Федины воспоминания, а потом диктовать буду.

«...Уважаемый Василий Макарович! — пишет из Ленинграда Николай Варгин.— Посылаю Вам книжку о герое гражданской войны Н. Г. Маркине. В этой работе мною использованы Ваши воспоминания, присланные мне в прошлом году. Было бы хорошо, если бы Вы сообщили мне свой отзыв».

— Садись, Лиза...

Получил приглашение от музея приехать в Ленинград на празднование 40-й годовщины Октября. Проезд бесплатно, размещение и питание — на Краснознаменном крейсере «Аврора». «Убедительно просим, если у Вас сохранились документы, фотографии, реликвийные предметы, относящиеся к периоду Октябрьской социалистической революции, взять с собой для передачи музею». Поехать при всем желании не смог, но послать кое-что послал.

Михаил Рошаль пишет воспоминания о своей революционной работе в главной базе флота — Гельсингфорсе и задумал написать книгу о своем родном брате

Семене Рошале, который был тогда представителем ЦК большевиков в Кронштадте. Тоже просит подмоги. И как не помочь ему!

Но больше всего писем идет из Киева — от Коли Ховрина. «Дорогой мой старший товарищ! Обращаюсь к тебе с просьбой черкнуть пару строк из нашего далекого прошлого. Я не прошу тебя писать страницы, а черкнуть лишь несколько фамилий тех товарищей, которых я не знал. Ведь ты был старше и намного авторитетнее меня среди команды нашего корабля. Продиктуй несколько фамилий из других рот, которых я не знал и не знаю».

Напряг память, продиктовал, послал. Но желанную книгу старого друга подержать в руках не смог — она опоздала на три года [1].

А письма по старому адресу идут и идут. Теперь отвечает на них одна Елизавета Полуэктовна, швея по профессии, пенсионерка.

Очень емкие эти слова — морское братство. У революционеров морское братство особенно крепко.

Со своими друзьями по Балтике Василий Макарович Марусев расстался в 1918 году, а связь с ними продолжалась десятки лет, до последнего его часа. Ховрину удалось дважды специально приехать в Свердловск из Киева, чтобы навестить Марусева и коренного уральца, бывшего члена Центробалта, Ивана Сапожникова. На Балтике они часто встречались на «Полярной Звезде» и в Смольном, сидели в Петропавловской крепости, были делегатами II Всероссийского съезда Советов, неоднократно видели и слышали Ленина. Встречаясь в Свердловске, каждый раз вспоминали о былом, радовались успехам нового поколения строителей светлой жизни на земле. Жили с понятной гордостью за содеянное, с твердой верой в будущее.

---

[1] В. М. Марусев скончался в августе 1963 года.

Признаками мужества, по толковому словарю В. Даля, является «стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и опасностях; терпение и настойчивость». Мужественными были эти люди, закаленные в борьбе, не согнутые невзгодами наши замечательные современники.

БРОНЕНОСЦЫ НА КОЛЕСАХ

Бои шли все лето. На Кунгурском, Егоршинском, Алапаевском, Тагильском направлениях, сейчас идут на Лысьвенском. Сколько есть городов и заводов на Урале, столько и направлений, возникающих то там, то тут. Екатеринбургское появлялось дважды: в июне — июле, когда оборонялись, и в августе — сентябре, когда вели контрнаступление, стремясь освободить город. Но сил не хватило. Теперь враг стремится выйти к Перми, чтобы, овладев рудниками и заводами и прорвавшись через горный хребет, развернуть наступление за Камой. Тогда в колчаковских штабах на картах появятся жирные черные стрелы, направленные на Глазов и Вятку, на Вологду и Москву...

Уральские горы с их железными и медными рудниками, металлургическими заводами никак нельзя отдавать врагу. Штаб Третьей армии Восточного фронта тоже имеет карты. Красные стрелы на них направлены с запада на восток, но они не обозначают наступательных операций. Для этого по-прежнему нет ни сил, ни средств. Главное в данный момент — остановить белогвардейские полчища, не дать им прорваться через Урал. Для этого необходимо использовать все возможности, в том числе и сами горы.

Бои минувшего лета убедительно показали эффек-

тивность применения бронепоездов. В условиях горнолесистой местности, где мало шоссейных дорог, войска обеих сторон действуют главным образом вдоль железнодорожных путей, питающих фронт всем необходимым. Зимой, когда выпадает глубокий снег, роль железных дорог возрастет еще больше. Уже сейчас, в пору осенних дождей, выручают только рельсы.

В боях на железных дорогах бронепоезд — главная ударная сила. И в обороне, и в наступлении он обеспечивает быстрый маневр артиллерией по всему фронту. К тому же орудийная прислуга всегда защищена от ружейного и пулеметного огня противника, а сам бронепоезд, передвигаясь взад-вперед, не позволяет взять себя в вилку вражеским артиллеристам, благодаря чему попадать в него очень трудно. Такая подвижная крепость, выйдя на позицию, не только наносит противнику большой урон, но и привлекает на себя артиллерийский огонь белогвардейских батарей, чем облегчает положение своей пехоте. Появление передвижной крепости на том или ином участке фронта сразу поднимает боевой дух всех пехотных частей.

«Штаб фронта заказал на Мотовилихинском заводе бронированный поезд, который будет готов через несколько дней и безусловно подымет настроение в наших войсках»,— докладывал в июне Высшему военному совету помощник командующего Северо-Урало-Сибирским фронтом [1]. Тогда же все командиры частей получили приказ: «Экстренно вышлите из отрядов, действующих на вашем участке, всех товарищей, знакомых практически с морскими орудиями, в оперативный штаб для отправки их в Пермь, где формируется бронированный поезд, оборудованный морскими орудиями» [2].

Мотовилиха дала уже несколько бронепоездов. Их

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 767, л. 23.
[2] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 726, л. 77.

укомплектовали в основном тоже бывшими моряками, для чего в сентябре провели специальную мобилизацию в Вятской и Пермской губерниях [1].

Но надо больше!

В конце лета подобное задание получил Чусовской завод. Этот завод никогда не строил таких махин. Не знает технологии выплавки специальной стали для бронелистов, не имеет оборудования и инструмента для их обработки. Заводская администрация, ранее служившая французским владельцам, почти вся разбежалась. И все же рабочие мостокотельного цеха, собравшись вместе со сталеварами и прокатчиками стана «650», взялись выполнить боевое задание фронта.

Мартеновцы выплавили сталь, прокатчики превратили слитки в лист. А как убедиться, что листы эти пригодны для такого дела? Придумали: каждый лист вручную волокут из цеха во двор, ставят к стене и стреляют в него из винтовок... Если пуля пробила — брак, если не пробила — годен!

— Размечай, Саша, да побыстрей!

Александр Першаков такое задание посчитал за высокую честь для себя. Но ведь и для него эта работа — темный лес. Еще ни разу не приходилось размечать такие листы и даже не видывал, как это делают другие. А дело мудреное: надо так разметить, чтобы каждый лист точно подошел к своему месту в каркасе паровоза или вагона; самому же надо определить размеры и контуры амбразур, смотровых щелей, пулеметных гнезд, орудийных площадок, а нет ни чертежей, ни даже эскизов... И вот лазает Саша по паровозу и платформам с рулеткой в руках, примеривает, прикидывает, что к чему, набрасывает свой корявый «эскизик» и бегает с ним по всему заводу — советуется с одним, с

[1] ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 767, л. 96.

другим. Наконец утрясли «эскизик», можно приступить к разметке.

Разметил один лист — перешел к другому, а к тому, к первому, подбежали котельщики. Но сталь им не поддается. Простое, казалось бы, дело — пробить отверстия для заклепок и болтов, а с броневой сталью — не получается. Пришлось каждый такой тяжелый лист снова нагревать и тащить к дыропробивному прессу.

Но ведь их нужно еще и резать! Потащили к ножницам, а ножницы не режут их — ломают. Судили-рядили и решили возить эти листы на стан «650», в другой цех...

По 14—16 часов работают чусовляне, не покидая завода. Круглые сутки оглашается завод грохотом металла, возгласами людей, стуком клепальных молотков. И никто не чувствует ни тяжести, ни усталости, вернее сказать — не хотят признаваться в этом. А вот радость никак не скроешь — она большая, всеобщая. Бронепоезд для фронта построили. Вот он, с красным знаменем наверху, отправляется в Лысьву...

Отряд Ивана Деменева сперва был небольшим, всего 30 человек, но и в таком количестве он быстро зарекомендовал себя. Его «биография» типична для многих таких же первичных подразделений создававшейся Красной Армии.

Иван Деменев родился в семье рабочего Пермской дороги, учился в Кизеловской железнодорожной школе, мальчиком пошел работать слесарем депо на станции Усольская, а позднее стал помощником машиниста на паровозе. В 1913 году призвали в армию, а когда началась война, оказался на Северо-Западном фронте. Одно за другим — три ранения. Из последнего госпиталя — на Балтийский флот. Слесарь артиллерийских мастерских армейскую форму сменил на флотскую, а вскоре моряки принимают его в члены РСДРП(б), вместе с ними он сражается за Советскую власть в столице.

На Урал Деменев вернулся летом восемнадцатого.

Встал на учет в партячейку родного депо. Много рассказывал землякам о Ленине и его Декретах, о революции и о врагах рабочего класса. Боевая дружина станции Усольская избирает его своим командиром. Рядом с ним в этой дружине несут боевую службу его родной брат Федор Деменев, бывший матрос крейсера «Рюрик» Иван Шерстобитов, матросы Евгений Ямов, Яков Дружинин — участник штурма Зимнего, приехавший домой залечивать рану. Четыре матроса — все коммунисты, ядро дружины.

— На станции Калино стоит бронепоезд, а команды на нем нет, принимайте,— приказали Деменеву из штаба армии.

Всей дружиной поехали в Калино. В тупике увидели открытый паровоз и два вагона, обитые простым железом, в них четыре пулемета — это и есть «бронепоезд»...

Бывший помощник машиниста паровоза и слесарь артмастерских Балтийского флота Иван Деменев становится и командиром, и машинистом, и инструктором обучения пулеметному делу. Ему старательно помогает Иван Шерстобитов, долго служивший на крейсере, смекалистый и веселый моряк, которого все стали звать по имени его корабля — Рюриком.

На другой день подняли пар в котле и поехали на станцию Утка — там идут бои.

Немного повоевал «бронепоезд» без брони и орудий. Изрешеченный пулями, он годится лишь для транспортировки малоценных грузов. Оставила его усольская дружина и поехала на Чусовской завод, где, как говорят, построен большой бронепоезд, настоящий.

Верно, этот не чета первому. Два четырехосных вагона и паровоз между ними — все защищено броней, на ней только вмятины да царапины от пуль: испытано, на совесть сработано. Спереди и сзади — две платформы с рельсами, шпалами, инструментом для ремонта путей. Они же, платформы эти, будут взрывать адские

вражеские мины, предохраняя от них остальные вагоны. Разумно. За надежной броней трехдюймовая пушка и двадцать «максимов» — сила!

Надо побыстрее набрать людей: одних пулеметчиков сколько требуется! Орудийная прислуга, паровозная бригада, связисты, наблюдатели, ремонтники — сто человек, не меньше.

Люди прибывают с предписаниями из разных частей, просятся добровольцами и сами чусовляне, построившие броненосец на колесах. Бушлаты с ярко начищенными пуговицами и ленты на бескозырках имеются только у командира и его помощников, но к флотскому порядку стараются привыкать все. Занятия, работы — по расписанию, как на корабле, даже время отбивается «рындой», для чего специально повесили маленький колокол. Обыкновенную солдатскую полевую кухню, поставленную в углу вагона, теперь зовут камбузом. Внедряется особый, не сразу всем понятный жаргон: вместо обычного слова «берегись» кричат «полундра», лесенку зовут «трапом», скамейку — «банкой». На тренировке по тушению огня Рюрик советует пользоваться не только водой, песком, землей, но и... матом.

— Первый раз в жизни слышу, что пожары можно тушить матом,— удивился пожилой заряжающий.— Огонь не утихнет, сколь ни матерись.

Недоразумение кончилось всеобщим смехом, когда узнали, что матом называется простая рогожа для обтирки ног у входа в броневагон.

Так вся 29-я дивизия стала называть бронепоезд «морским». Этим гордятся не только Деменев и его собратья по Балтике, но и все его не флотские товарищи. И все хорошо понимают, что морское имя ко многому их обязывает. Традиции есть традиции, независимо от того, где они существуют,— над волнами в океанах или на суше, среди гор.

Бронепоезд № 2, как он официально именуется в

документах, получил приказ выйти в район боевых действий, установить связь с Лысьвенским и Лесновско-Выборгским стрелковыми полками и вместе с ними оборонять Кыновский завод.

— Впереди вооруженные люди, шапками машут! — доложил впередсмотрящий.

— Тихий ход! — скомандовал Деменев машинисту Игнатьеву.— Готовность к бою номер один!

— Наши это! Красные! — радостно выкрикнул наблюдатель.

— Стоп машина! — тотчас ответила ходовая рубка.

Когда остановились, трое из пехотной группы пошли к тем, кто махал шапками. Да, наши это. Тыловая застава. Двинулись дальше. Вот и Кын. Деменев переодевается в чистую матросскую форму и приказывает Шерстобитову замещать командира. Сойдя на землю и поправив наган на поясном ремне, в сопровождении трех бойцов пошел к командиру боевого участка.

— Белые в версте отсюда,— говорит ему командир роты, появившись из окопчика возле куста.— Несколько раз пытались захватить станцию, но мы их отбили. Сейчас опять собираются наступать.

— Мы поможем вам. Сейчас посмотрим линию фронта и узнаем, где у них пулеметы,— командир бронепоезда поспешил обратно.— Расчеты по местам! — скомандовал на бегу.— Наблюдать за сигналами! Малый вперед! За мной! — и, повернувшись, пошагал прямо по шпалам, идя впереди состава, внимательно осматривая рельсы.

— Товарищ командир! Белые забегали, стрелять готовятся! — доложил впередсмотрящий.

— Пусть стреляют, пусть обнаружат себя — это нам и надо,— говорит Деменев идущим рядом с ним.— Сейчас по моей команде все разом побежим за броневик. Приготовились! Раз, два, три!

Как только побежали, противник открыл огонь, но

поздно: все уже за броней, а наблюдатели успели засечь вражеские пулеметы. Деменев лично проверил наводку орудия.

— Огонь!

Броневик и лес вокруг содрогнулись от громового орудийного раската. Вздрогнули и сами комендоры, впервые услышавшие такое.

— Вторым снарядом, огонь!

Но выстрела нет.

— Вторым снарядом, огонь!

Пушка опять молчит.

— В чем дело? Почему не стреляете? — спросил командир.

— Не можем, затвор заело.

Командир приказывает разрядить орудие.

— Что же получается, товарищи? — возмущается он.— Ведь если бы беляки наступали, а не сидели в кустах за речкой, как сейчас, мы бы и обороняться не смогли,— и, когда гнев поутих, подробно рассказал и показал, что и как надо делать.

— А теперь несколько раз сами проделайте. Отныне всему расчету заниматься так, чтобы каждый с закрытыми глазами работал и мог заменить любого. Иначе в пехоту спишем,— пообещал он.

Бои учащаются, становятся все упорнее, а боезапас на исходе. К тому же что-то «забарахлило» на паровозе. Деменев просит железнодорожников дать ему паровозную бригаду на два дня, а своего машиниста вместе с помощником отправляет в Чусовское депо приготовить необходимую деталь. К нему явились машинист Василий Тепляшин, его помощник Александр Злоказов и кочегар Иван Попов из Кына.

— У нас осталось всего три снаряда,— сказал им Деменев.— Вы эту местность знаете, можете хорошо помочь нам,— и рассказал, как он думает с их помощью пополнить боезапас за счет противника.

Двое матросов и Злоказов, обвешавшись гранатами, пошли в сторону противника. Пройдя версты три лесом, спрятались в кусты, где дорога делает крутой поворот, и стали ждать. Белочешский бронепоезд (паровоз и три платформы с орудием) не заставил себя долго ждать — он появился из-за деревьев. Пропустили его без помех — так приказал Деменев. Возле разъезда Вырубки броневик постоял немного у разобранного пути и, опасаясь, как бы красные также не убрали рельсы позади него, попятился обратно. Когда он поравнялся с поджидавшей его засадой, все трое выскочили из кустов и разом бросили связки гранат прямо под первые колеса его задней платформы с пушкой. Несколько взрывов, лязг металла, грохот... Когда пыль и дым рассеялись, храбрецы увидели удирающий броневик и стоящую под откосом скособочившуюся платформу с орудием: она, соскочив с рельсов, оторвалась от броневика.

Бронепоезд Деменева примчался сюда без промедления. Дружно навалились, вагами приподняли, поставили платформу на рельсы, кинулись за удирающим броневиком и послали вдогонку белякам шесть снарядов из их же пушки...

— Получайте на здоровье! — в азарте крикнул Деменев.

Трофеи победителям достались немалые: 180 ящиков со снарядами и трехдюймовая пушка. Артиллерийская мощь «морского» бронепоезда удвоилась.

Однако враг продолжал наступать. Под напором превосходящих колчаковских войск полк отошел, а Интернациональный батальон попал в окружение. К нему на выручку поспешил бронепоезд № 2. Деменев, оставив на боевых постах несколько пулеметчиков, повел команду в контрнаступление. Поддержанная огнем своих орудий и пулеметов, команда прорвала вражеское кольцо, вывела к бронепоезду остатки пострадавшего батальона и перевезла в Лысьву.

Так же активно деменевцы участвовали в контрнаступлении Особой бригады, благодаря которому был ликвидирован опасный для Лысьвы прорыв белых.

Станция Кын несколько раз переходила из рук в руки. Во второй половине октября наступали белые, в ноябре опять перешли в контрнаступление красные. Здесь теперь действовали три наших бронепоезда, но в первом эшелоне главный среди них — всегда деменевский. В последнем бою Особая бригада и «морской» бронепоезд обратили колчаковцев в такое поспешное бегство, что они едва успели взорвать за собой кыновский железнодорожный мост.

Вечером 27 ноября Деменев привел свой броневик на станцию Лысьва получить боеприпасы, топливо, заправиться водой, чтобы завтра на рассвете снова пойти в бой.

Работали всю ночь, и все уже было готово для выхода на позицию, но перед утром командира неожиданно вызвали в штаб бригады.

— Я пойду, а ты командуй,— сказал Деменев Шерстобитову.— Выход на позицию откладывать нельзя — там трудно без нас, там нас ждут. Встретимся здесь же через сутки, когда опять на заправку явитесь. Полный вперед, браток! — и передал ему бинокль.

Два Ивана обнялись по-братски и расстались.

* * *

Бои за Кын — это бои за Лысьву. Падет Лысьва — враг выйдет на Калино и перехватит последнюю железнодорожную колею, связывающую Восточный Урал с Западным. К тому же от Лысьвы до самой Перми нет больше крупных заводов — там сдерживать противника будет еще труднее. Это Деменев особенно ясно представлял себе, побывав сегодня в штабе бригады и внимательно посмотрев на карту.

Лысьва... Та самая Лысьва, которую после Февраль-

ской революции стали называть Уральским Кронштадтом. За что этот завод получил столь высокое звание? За свою большевистскую революционность на протяжении многих лет. В 1905 году на заводе проведена первая во всем крае массовая политическая забастовка. В трудные июльские дни семнадцатого рабочие этого завода, выпускающего военную продукцию, и солдаты гарнизона вышли на демонстрацию с лозунгами: «Долой военные заказы, нам нужен мир!», «Вся власть Советам!». В середине ноября здесь имелось две тысячи двести большевиков [1]. Оперативным красногвардейским отрядом в момент восстания командовал участник революционного движения на Балтийском флоте большевик-матрос Константин Емшанов, приехавший сюда незадолго перед Октябрем. Этот отряд разоружил солдат Временного правительства, охранявший завод, занял вокзал, почту, телеграфную и телефонную станции, заводоуправление. Этот же отряд вскоре выехал на подавление антисоветских выступлений в Соликамске и Чердыни, восстанавливал там Советскую власть, а затем, войдя в состав Первого Пермского сводного полка Красной Армии, участвовал в боях на дутовском фронте. В мае 1918 года этот полк был преобразован в 8-й Уральский и вторично выехал на Южный фронт, под Оренбург, где опять сражался с белоказаками атамана Дутова. Во всех этих боях полком командовали Иван Соларев из Лысьвы и его помощник матрос Константин Емшанов оттуда же... Да, очень много было общего между Кронштадтом и Лысьвой.

* * *

Ночью, когда в Лысьве заправлялись водой и получали боеприпасы, противник вновь перешел в наступление и вынудил наши части отойти к станции Кормо-

[1] См.: Рычкова Г. П. Лысьва: Страницы истории Лысьвенской большевистской организации. Пермь, 1963, с. 182.

вище. Подоспевший утром бронепоезд Шерстобитова с ходу нанес огневой удар по врагу и, сметая его цепи, ворвался на станцию Кын.

— Здесь и будем держать оборону, с боевых постов не отходить! — последовал приказ.

— Беляки позади нас путь разбирают,— вскоре доложили с задней платформы.

— Уничтожить пулеметным огнем! Если появятся снова, моей команды не ждать и патронов не жалеть!

«Если отвинчивают рельсы позади нашего броненосца, а впереди они взорвали мост, значит, мы сейчас в окружении,— думает Шерстобитов.— Но ведь мы не пехота, мы за броней сидим. Пулями нас не достанешь, а на снаряды ответим тем же».

— На паровозе, пар держать на марке!

— Есть пар держать на марке!

Одним своим бронепоездом Шерстобитов держит оборону Кына целый день, отбивая все попытки белогвардейцев снова овладеть станцией. Несколько раз меняли свое место, патрулируя участок дороги почти до Кормовищ, и опять возвращались сюда же. С наступлением темноты положение осложнилось: противник может подойти вплотную. «Что делать? — задумался командир.— Уходить только потому, что стемнело? Выставим дозоры вокруг — не подойдут, если же сунутся — встретим и ночью».

Так, в окружении дозоров и полной боевой готовности, простояли до рассвета, надеясь, что к утру сюда продвинутся свои пехотинцы.

— Запас воды для котла на исходе,— доложил машинист.

«На заправку надо бы идти в Лысьву, как вчера условились с командиром, но обстановка в корне изменилась. Боеприпасов еще много, а воды наберем в Кормовищах — это почти рядом. Быстренько туда, побыстрее обратно, станцию держать надо».

Потихоньку, не пыхтя сифоном и не дымя, двинулись в сторону Кормовищ, а когда отошли от Кына подальше, машинист получил приказ идти полным ходом. Бронепоезд, громыхнув буферами и листовой сталью, помчался на всех парах, расходуя последние капли воды из тендера.

— Впереди путь разобран! — испуганно выкрикнул наблюдатель на крутом повороте дороги.

— Стоп! Задний ход!

Но было уже поздно. Выскочив из-за поворота на полном ходу, бронепоезд не успел остановиться и сошел с рельсов...

Этого ждали притаившиеся по сторонам колчаковцы — они кинулись в атаку, предвкушая легкую победу, но их встретили уничтожающим огнем из всех пулеметов и гранатами.

Ожесточенный бой длился уже три часа. Подступы к бронепоезду устланы вражескими трупами, но колчаковцы продолжают неистовые атаки, стремясь захватить его любой ценой. Поредели боевые расчеты и на бронепоезде. Когда нескольким белякам все же удалось приблизиться к нему, не слышно стало команд из боевой рубки: командир свалился, убитый у открытой амбразуры, с ручным пулеметом в руках.

Его быстро снесли вниз.

— Сдавайтесь, пока всех не перебили! — кричат колчаковцы, тыкая штыками в бойницы.

— Не на тех нарвались, гады! Мы живыми не сдадимся,— ответил помощник по артиллерии Владимир Баклыков, взявший на себя командование бронепоездом.— Бой будем продолжать, товарищи! — крикнул он и приказал стрелять из пулеметов, чередуясь, экономя патроны, не перегревая стволы.

...На третьи сутки беспрерывного боя в окружении тяжело ранило и Баклыкова. Исправными остались только два пулемета и одно орудие, но и для них бое-

припас кончался. Однако и противник выдохся: его атаки ослабели, огонь затихал.

К вечеру стрельба прекратилась вовсе. Трое выбрались из железных коробок и осмотрелись: кругом валяются трупы, выделяясь на снегу. Отошли подальше — картина та же. Вернулись и доложили о результатах разведки. Собравшись возле командира, перевязанного окровавленными тряпками, сообща обсудили положение и сошлись на одном: оставаться здесь дальше смысла нет. Враг, безусловно, подбросит свежие силы, а обороняться некому и нечем. Решили ночью вынести всех раненых, бронепоезд взорвать и пешим порядком пробиваться в Лысьву, если она еще не пала.

Всем раненым сделали перевязку и, когда стемнело, вынесли их в овраг — за ним начинался густой лес. Привели в негодность орудия, собрали по вагонам остатки артиллерийских зарядов, протянули бикфордов шнур. Забрали с собой винтовки, последний пулемет, отошли к оврагу и подожгли невидимую пороховую жилку. Едва приметный дымок неслышно побежал к черневшему на шпалах силуэту.

Огромной силы взрыв потряс замерзшую землю, всколыхнул озябший декабрьский лес. Стальная крепость громко и грозно еще раз возвестила о непобедимости боевого духа красных воинов. Она не сдалась и не подчинилась врагу, обессмертив себя вместе со своим мужественным экипажем.

Вот текст документа, свидетельство мужества моряков.

«Приказ

по войскам Третьей армии Восточного фронта

№ 503

г. Пермь 7 декабря 1918 г.

Объявляю нижеследующий героический подвиг балтийских моряков команды бронепоезда № 2.

Получив приказание 30 ноября упорно удерживать линию железной дороги в районе Крутого Лога, что в 8 верстах западнее ст. Кумыш, команда броневика доблестно и самоотверженно выполнила задачу, оставаясь все время без пехотного прикрытия, и, будучи окружена многочисленным врагом — около двух тысяч, геройски отбивалась от наседающего противника.

Получив сведения о фланговом окружении Лесновско-Выборгского полка у ст. Кумыш, броневик, пробив дорогу, нанося тяжелые потери врагу и дезорганизовав его, дал возможность вышеозначенным ротам выйти из критического положения. Но, отступая, противник разобрал пути, замаскировав повреждения, и броневик сошел с рельсов. Это случилось около 11 часов 1 декабря.

Верные сыны революции — герои Балтики — продолжали столь же доблестно отбиваться от неоднократно переходивших в атаку превосходящих сил. В продолжение всего дня 1 декабря была слышна вплоть до глубокой ночи сильная орудийная и пулеметная стрельба, говорящая, что жив бунтарский дух героев и не сломлено их безумно-храброе сопротивление, поддерживаемое в столь долгой схватке железной волей революционера и верностью революции. С этого момента мы потеряли связь с броневиком, оставшимся одним среди лесов и гор, занесенных снегом, лицом к лицу с разъяренным врагом, без помощи и даже надежды на нее.

Позднее, по сообщениям прорвавшихся с броневика израненных и измученных двухдневным непрерывным боем моряков, выяснилось, что, видя свое безвыходное положение и желание противника во что бы то ни стало овладеть броневиком, оставшиеся в живых решили взорвать один броневой вагон, что и было выполнено...

Преклонитесь же все, как преклоняюсь и я, перед павшими в этом бою, ибо их подвиг — прекрасное безумство и великая жертва, принесенная на алтарь трудового народа!

Только жертвуя всем, можно получить все!
Вечная память павшим в неравном бою!
Вечная слава живым!»[1]

Приказ командарма зачитывается перед строем во всех частях.

Вечная слава живым, провозглашенная в специальном приказе по армии, адресована непосредственно той горсточке героев, которые, взорвав бронепоезд, измученные и окровавленные, сорок пять верст по глубокому снегу и сквозь лесные чащи пробивались на север, неся на руках раненого командира.

...Двое разведчиков, завидев старика, попросили его напоить их и были приглашены в избушку. Солдаты в погонах, сообщил он, проехали через хутор недавно, до Лысьвы шесть верст — там красные. Уговорили старика спрятать в розвальнях под соломой раненого Баклыкова и побыстрее доставить его в Лысьву, а сами — опять пешком, лесом да по снежной целине, чтобы на казаков не нарваться.

В полутора верстах от завода из сил выбились окончательно — повалились в снег, как снопы. К счастью, показались две подводы с красноармейцами. Узнав, кто такие встречные и что с ними произошло, они самых слабых погрузили в сани и повезли в Лысьву, остальные, держась друг за друга, побрели дальше. И первым, кого увидели, был матрос Иван Деменев, мчавшийся им навстречу.

Штаб армии всем морякам предоставил месячный отпуск, но о каком отдыхе могла идти речь, если колчаковцы у стен Лысьвенского завода! Все, кто мог, через неделю взяли винтовки и опять пошли на защиту Советской власти. А матрос Деменев, сказали им, в Моск-

---

[1] Цит. по кн.: Спасский А. Третья армия. Пермь, 1958, с. 94.

ву уехал — там ему либо новый бронепоезд дадут, либо командиром полка назначат [1].

Возле деревни Паленый Лог, на месте героической гибели броненосца на колесах, и поныне возвышается памятник с надписью: «Здесь в 1918 году в бою с колчаковцами стояла насмерть команда бронепоезда № 2». А в центре города Лысьвы возвышаются две монументальные фигуры моряков, отлитые из чугуна. На постаменте — металлическая плита с надписью: «Героям гражданской войны, стоявшим насмерть... От трудящихся города Лысьвы».

В. А. Баклыков, награжденный орденом Красного Знамени, после лечения в госпитале командовал 2-й тяжелой батареей артдивизиона Тридцатой стрелковой дивизии, в августе 1919 года сформировал в Екатеринбурге команду бронепоезда № 102 «А» и был назначен командиром этого бронепоезда, но воевать ему больше не довелось в связи с тяжелым ранением, полученным под Лысьвой.

* * *

Бронепоезда на Урале имеют свою историю. Они порождены спецификой театра военных действий, наличием в этом краю большого числа железоделательных заводов.

Сперва появились «блиндированные поезда» — обыкновенные платформы или крытые вагоны, наскоро приспособленные для боевых надобностей. Это были, по сути дела, передвижные блиндажи, откуда и произошло само их название — блиндажи на колесах.

Первый такой поезд соорудили рабочие железнодорожных мастерских Екатеринбурга в декабре

---

[1] В 1919 году И. Деменев по приказу РВС сформировал в Петрограде отряд моряков и командовал бронепоездом № 38 («Черноморец») в боях против Юденича. В 1920 году скончался от ран.

1917 года — через пять недель после Октябрьской революции. В восьми теплушках устроили вторые стенки, засыпав пустоту песком и паровозным шлаком. Прорезали амбразуры с обеих сторон и передали Северному летучему отряду мичмана Павлова, спешившему из Петрограда через Екатеринбург на подавление контрреволюционного мятежа атамана Дутова в Оренбургских степях. Бугурусланские железнодорожники также в срочном порядке сделали для этого отряда свой подарок — четыре товарных вагона и две углярки с двойными стенками, мешками с песком и тюками хлопка между ними. Устройство примитивное, а пули не пробивают. Туда же втащили две траншейные мелкокалиберные пушки, два трехдюймовых орудия, две мортиры... Шесть орудий и четыре пулемета — не шутка!

Наступление от Бузулука на Оренбург повели вдоль железной дороги, причем в составе главной ударной силы двигался бугурусланский «бронепоезд», а в составе резервных сил, охранявших тыл и фланги наступающих, шел екатеринбургский[1]. Белоказаки были отброшены и разгромлены.

В самом начале гражданской войны импровизированные красные бронепоезда создаются на нескольких уральских заводах.

22 июля 1918 года командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. И. Берзин приказал Макару Васильеву «в случае необходимости, то есть энергичного натиска противника на Камышлов с юга и востока или занятия противником станции Богданович, отходить в общем направлении на станцию Боярская (восточнее Егоршино) с боем, держась зубами за каждый рубеж»[2]. Вражеский натиск действительно усилился, Богданович

[1] См.: Карпухин И., Александров А. Севериый летучий. Челябинск, 1972, с. 70—71.

[2] См.: Неустроев С. П. Вел нас в бой начдив Васильев. Свердловск, 1973, с. 83.

пришлось оставить. Последним, «держась зубами за каждый рубеж», отходил блиндированный поезд.

Первый Горный полк прибыл на фронт со своим бронепоездом. Вскоре его передали отряду матроса Хохрякова, а потом он под пятым номером активно действовал в боях за Нижний Тагил, Кушву, на Пермском направлении.

Когда разрозненные красноармейские части — Первый Камышловский, Первый Крестьянский Коммунистический, Четвертый Уральский полки — были сведены в бригаду, комбриг Макар Васильев усилил свое соединение двумя бронированными и одним блиндированным поездами. Орудийные залпы этих поездов гремели у Ирбитских Вершин, под Егоршино, у Режа, у Крутихи, под Алапаевском, в боях за Нижний Тагил и Кушву, подавляя вражескую артиллерию, уничтожая и обращая в бегство его живую силу. «Отныне Нижний Тагил стал историческим местом борьбы за Урал,— сообщала газета «Уральский рабочий» 24 сентября 1918 года.— Громадные силы чехов повели наступление при десяти орудиях и двух бронепоездах. Бой продолжался 22 часа. Наши доблестные войска отбросили неприятеля. Тагил остался за нами». Против двух вражеских бронепоездов сражались два наших.

В октябре, когда после длительных и тяжелых боев Первая и Вторая Уральские дивизии были переформированы в Сводную Уральскую, в ее состав, вместе с Первым Крестьянским Коммунистическим, Первым Камышловским, Четвертым Уральским, Первым Рабоче-Крестьянским, Семнадцатым Петроградским, Стальным Путиловским, Третьим Екатеринбургским, Первым Горным и Волынским полками вошли два бронепоезда, один из них — «морской», деменевский [1].

---

[1] См.: Неустроев С. П. Вел нас в бой начдив Васильев, с. 110.

Той же осенью в Третью армию прибыл бронепоезд из Петрограда. Четыре бронированных вагона, в трех из них по четыре «максима», в одном — две тяжелые гаубицы на поворотных кругах в башнях. Питерские рабочие сработали его на совесть и вместе с ним прислали на Урал две платформы с материалами, инструментом и постоянную ремонтную бригаду во главе с мастером Ермаковым. Единственным артиллеристом первое время был Илья Солдатов из Салды, приехавший сюда во флотской форме. Затем пришли 16 человек из Ревды и столько же с Чусовского завода. Пройдя трудный боевой путь от Чусовского до Перми, помогая сдерживать яростный натиск колчаковцев, команда этого бронепоезда сама взорвала его на станции Левшино, чтобы он не достался врагу, захватившему Пермь [1].

В архивных документах штаба Третьей армии и воспоминаниях ветеранов также упоминаются бронепоезда «Мститель», «Роза Люксембург», «В. И. Ленин».

История Морского бронепоезда имени Ленина [2], как он официально назывался в документах, также весьма характерна для того времени.

Весной 1918 года, когда был объявлен приказ о призыве в Красную Армию демобилизованных солдат и моряков, группа матросов, снова надев флотскую форму, явилась на пассажирский пароход «Вадим Аршаулов», где размещался штаб формируемого отряда Камской речной флотилии. Рабочие Мотовилихи приготовили для моряков три буксирных парохода. Отряд получил пулеметную роту и орудия. Под командой балтийца С. И. Деревцова отряд участвует в подавлении антисоветских мятежей, обеспечивает перевозки

[1] Из воспоминаний С. Ф. Зайцева, пулеметчика этого бронепоезда. Живет в Свердловске.

[2] См.: Приказ по Третьей армии от 16 января 1919 г.— ПАСО, ф. 42, оп. 1, д. 718, л. 37.

красных войск по Каме. Когда наступили холода и река замерзла, С. И. Деревцов перешел со своими бойцами на бронепоезд имени В. И. Ленина и стал командовать им. Бронепоезд построен на Мотовилихинском заводе по последнему слову техники — с дальнобойными морскими орудиями на установках Канэ в поворачивающихся башнях. Эту самоходную стальную крепость штаб армии направляет на самые трудные и решающие участки — Кушвинское, Лысьвенское, Кунгурское направления.

— Держитесь, товарищи, к нам прибыл «Ленин»! — разнеслось по красноармейским цепям 17-го Уральского полка, отбивающего атаки белых на станции Кордон.

Бронепоезд остановился в нескольких саженях от окопов. Через узкую дверь из него вышли командир бригады и командир бронепоезда. К ним подошел командир полка Кононов и доложил обстановку. Прибывшие тотчас вернулись в вагон, и бронепоезд, на ходу разворачивая свои тяжелые башни, грозно двинулся вперед. Невзирая на сильный пулеметный и ружейный огонь противника, он продолжает двигаться дальше. Оказавшись в тылу у белых, остановился, осыпаемый пулями, и ударил по ним из всех своих стволов[1].

В боях за станции Селянка и Комариха (западнее Лысьвы) в распоряжении комбрига Филиппа Акулова осталось всего два неполных батальона полка Красных орлов, триста человек из резервного батальона железнодорожников, сильно ослабленные 58-й Владимирский, Лесновско-Выборгский полки да триста всадников из Стального Путиловского. Все до последней степени измотаны беспрерывными боями, питаются остатками мерзлого хлеба, а белых на этом участке — четыре ты-

---

[1] См.: Попов И., Буранов Ю., Шакинко И. По приказу революции. Свердловск, 1966, с. 106.

сячи штыков, в том числе только что прибывший сюда свежий Третий Барнаульский полк. Но у Филиппа Акулова имеется бронепоезд имени В. И. Ленина, поэтому его бригада не только сдерживает бешеные атаки колчаковцев, но и контратакует их.

— Вперед, товарищи, с нами Ленин! — И красные бойцы, превозмогая усталость, стужу, голод, бесстрашно идут на врага в штыки.

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ ГЛАВКОМ

Чем ближе Урал, тем больше о нем думалось.

А Кронштадт и Питер оставались все дальше позади. Сейчас он, Павел Данилович Хохряков, как-то по-особому вновь переживает те невероятные события, которые происходят там, потрясая всю Россию. А ему надо скорее туда, в Екатеринбург. Он едет на Урал во главе матросского отряда в сорок человек. Только на одни сутки сделал остановку в Вятке, чтобы наскоро проведать отца и мать, трех братьев и сестренку, жену и сына Васятку. Только повидался — и обратно в Вятку, к поезду, догонять отряд!

* * *

Екатеринбург бурлил, как и вся Россия.

Всего лишь уездный город, преимущественно деревянный, но много зданий капитальной кирпичной кладки, каких не увидишь в любом другом провинциальном городе такого ранга.

Чем ближе Екатеринбург, тем больше узнавал о нем от своих спутников кочегар с «Зари Свободы». Приехал и прямо с вокзала явился в городской комитет РСДРП(б), предъявил документы. Перед предсе-

дателем городского комитета большевиков Малышевым балтиец предстал во всей форме — во флотских ботинках и широких суконных брюках, с револьвером под черным бушлатом.

— Солидно выглядишь, по-боевому,— одобрительно сказал Иван Михайлович, приняв у него предписание Военной комиссии ЦК.

— В нашем полку прибыло! — приветствовал Хохрякова пропагандист горкома Костя Наумов.— Жить будешь у меня.

Разговор с Филиппом Голощекиным длился около часа. Секретарь областного комитета большевиков расспросил Хохрякова о положении в Петрограде и на Балтийском флоте, о моряках и о нем самом, рассказал о положении дел на Урале.

— На Урале перед нами задача стоит такая,— говорил Филипп Исаевич,— надо готовиться к вооруженному восстанию и провести перевыборы Советов, чтобы избавиться от засилья в них предателей и соглашателей всех мастей. Необходимо сделать Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов большевистскими, подлинно революционными, тогда они станут органами революционной борьбы и будут способны стать органами рабоче-крестьянской власти на местах. Нами сделано уже многое. На 2-м областном съезде Советов в августе более половины делегатов составляли большевики, они и задали тон. Съезд призвал рабочих, крестьян и солдат Урала к решительной революционной борьбе. Первого сентября проведена всеобщая однодневная политическая забастовка под лозунгом: «Долой контрреволюционную диктатуру, да здравствует власть рабочих и трудового крестьянства!» Эта забастовка показала, что массы трудящихся идут за нами — в Екатеринбурге остановились все заводы и фабрики, не работали даже многие послушные Временному правительству учреждения.

Вы, товарищ Хохряков, человек военный и понимаете, какое значение будут иметь воинские части в день восстания,— Голощекин посмотрел на него очень внимательно.— В городе четыре пехотных полка, две сотни казаков, инженерная часть. Более четырех тысяч раненых — их эшелонами везут сюда с фронта. Сейчас в Екатеринбурге солдат больше, чем рабочих. Подавляющее число солдат идут за большевиками, а вот командиры полков и почти все офицеры на стороне меньшевиков и эсеров.

К слову сказать,— продолжал Филипп Исаевич,— двадцать пятого июня в Перми вооруженные солдаты напали на мирную рабочую демонстрацию, шедшую по главной улице, многих избили, отобрали у них и разорвали красные знамена. Красная гвардия очень сейчас нужна — массовая, вооруженная, дисциплинированная, из отборных боевиков! Второго сентября Екатеринбургский горком обсуждал этот вопрос и постановил считать создание Красной гвардии важнейшим делом в данный момент. Учтите еще вот что: Центральный Комитет нашей партии рассматривает Урал как важную базу социалистической революции в стране. Пролетариат Урала должен не только сломить сопротивление местной буржуазии, но, если понадобится, и оказать вооруженную помощь Петрограду и Москве. Кроме того, мы обязаны обеспечить связь Центра с Сибирью и Туркестаном для снабжения продовольствием крупных городов. Ты об этом знаешь? — вдруг перешел он на дружеское «ты».

— Да. Мне говорили об этом, когда посылали сюда.

— Отлично. И опыт у тебя уже есть — на флоте и в действующей армии агитатором работал. Кроме того, как сам говоришь, на корабле не только кочегаром был, но и из пушек стрелять учился — это тоже пригодится здесь.— Голощекин одобрительно улыбнулся и поднялся из-за стола.— Сразу к рабочим на заводы и фабрики

иди, в полки к солдатам. Время горячее, каждый день и час дорог. Поздравляю с приездом в уральский рабочий край! — и Голощекин крепко пожал ему руку.— Давай, Павел Данилович, поддай флотского жару на Урале!

* * *

Первым заводом, куда пошел Хохряков, был Верх-Исетский металлургический — самый крупный в городе.

В полумраке, в чаду и грохоте копошилось множество людей, так почерневших от копоти, что невозможно было разглядеть их лица. Особенно в железоделательном цехе, где раскаленные тонкие листы посыпают древесноугольным порошком и укладывают в пакеты, а тяжелые молоты бухают и бухают по ним. И жарко здесь, и смрадно, и стоять у этих молотов потяжельше, чем на вахте у огнедышащих паровых котлов на корабле!

— Павел Данилыч, глянь на убор свой флотский, он ведь черным стал! — сказал сопровождавший Хохрякова Петр Захарович Ермаков, когда они вышли из цеха.

Хохряков снял бескозырку и растерянно уставился на нее, поворачивая в руках. Она стала темно-серой, с нее сыпалась угольная пыль.

— А на себя-то взгляни — на трубочиста похож! — рассмеялся Павел Данилович, и они отправились к умывальнику.

Отряхнув с себя пыль и умывшись, оба пошли в комнату дружины.

— А теперь расскажи, Захарыч, о красных своих гвардейцах. Как они гвардией стали, чем занимаются?

Перед Хохряковым сидел и дымил махоркой слесарь этого завода. Десять лет провел в ссылке за участие в первой революции — был тогда членом Екатеринбургского комитета РСДРП(б).

— Значит, таким путем,— начал Ермаков, положив на стол широкие, измазанные сажей и маслом ладони.— Вернувшись из Сибири, я прежде всего стал подбирать из лучших рабочих небольшой отряд. Учитывая печальный урок Парижской коммуны, помня нашу Февральскую революцию, мы объединились в отряд. Вооружились, хотя одеты, обуты как всегда, по-рабочему. У станков робим, но оружие всегда с нами. Охраняем завод, кассу, хулиганов усмиряем. Таким путем. Мой отряд всегда готов к действию!

— Хорошая у тебя гвардия, Захарыч! Охрана завода и кассы — доброе дело, но надо к наступлению готовиться. Давайте сегодня после работы соберем всех рабочих первой смены, я о текущем моменте скажу, чтобы еще в Красную гвардию записывались. Айда в комитет, посоветуемся.

В конце дня рабочая смена, вывалив из цехов, заполнила заводской двор. Во всех цехах видели моряка сегодня — из Кронштадта приехал, как не послушать! А он стоял уже на помосте возле заводских ворот и, улыбаясь, смотрел на эту толпу. Рядом стоял Ермаков, тоже в черной, промасленной одежде, туго подтянутый ремнем.

— Товарищи! К нам матрос Павел Данилович Хохряков приехал, моряк Балтийского флота, который столицу обороняет. Послухаем его, таким путем!

Хохряков шагнул вперед, сняв бескозырку и взметнув ее в поднятой руке.

— Привет вам, товарищи, от всех моряков Балтики, и в частности от двадцати пяти тысяч кронштадтцев! Мы, матросы, приехали сюда не в гости, товарищи, а чтобы вместе с вами толстосумов с их прихлебателями громить, чтобы они не мешали нам новую жизнь строить! Товарищи, докладов я делать не умею, поэтому давайте так: вы спрашивайте, а я, сколь могу, отвечать буду.

— Сперва о себе скажи, кто ты есть такой,— произнес скуластый пожилой рабочий.

— О себе что могу сказать? — начал Хохряков, надевая бескозырку.— Деревенский бедняк я, каких много в России нашей. Три зимы в церковноприходскую школу бегал, а после, двенадцати лет, в батраки отец отдал. Так вот, с годами кузнецом стал у богатеев деревенских, а в начале войны на флот забрали. Служба у котлов на большом корабле — как в аду, такая же, как на вашем заводе: грохот, свист, жара — дышать нечем! Я служил на броненосце береговой обороны «Император Александр II». На этой стальной махине людей почти столько же, сколько на всем вашем заводе. Когда был парусный флот, машин не имелось, тогда на кораблях много было деревенских, а теперь туда, как правило, только заводских направляют, знакомых с машинами и металлом. Из моей деревни, что в Вятской губернии, на флот попал один я, потому как кузнец. А вот уральцев на флоте много — мастеровой народ, крепкий, выносливый.

Оратор задумался на минутку и продолжал:

— Когда меня товарищ Свердлов спросил, согласен ли я на Урал поехать, я ответил, не раздумывая: «На Урал поеду охотно, только вот отпустят ли меня с корабля?» — «Ну, это мы устроим»,— сказал Яков Михайлович. И вот я здесь. Теперь у этого корабля другое имя, товарищи, вот оно! — И правой рукой опять снял бескозырку с головы, повернул ее так, чтобы надпись на ленте была видна всем, и громко произнес: — «Заря Свободы»! В феврале матросы Кронштадтской крепости адмирала Вирена на Якорной площади на штыки подняли и в ров бросили, тогда же матросы нашего корабля царского холуя капитана 1-го ранга расстреляли. Заводы — рабочим, землю — крестьянам, корабли — матросам! Светлая заря свободы, товарищи, в феврале над всей нашей страной взошла, но правительство ми-

нистров-капиталистов хочет погасить нашу зарю, оно пошло войной против трудового народа.

Вопросов моряку задавали много. Возвышаясь на дощатом помосте, он казался еще более рослым, чем был на самом деле.

О многом рассказал рабочим моряк из Кронштадта. Далекая военно-морская крепость как бы приблизилась к Уралу. Стали понятными и те события на Балтике, отрывочные сообщения о которых приходили сюда редко и были туманными, подчас противоречивыми. Оказывается, там еще в мае проведены перевыборы Кронштадтского Совета. Он стал более революционным и провозгласил себя единственной властью в городе.

— Когда мы уезжали сюда, товарищи, кронштадтцы были готовы отправиться в Петроград для участия в штурме Зимнего дворца. Там ждут только сигнала. Вот и мы с вами тоже должны быть готовы к тому штурму. В Питере, я полагаю, управятся без нас, там кораблей много, на заводах большие красногвардейские отряды, а здесь дела обстоят похуже. Отряд на вашем заводе мал, товарищи! Конечно, хулиганов гонять и кассу охранять в заводской конторе этой силы достаточно, но ведь нам надо на решительный бой с капиталом выходить и обязательно победить! — Правая рука опять резанула воздух.— Петр Захарович показал мне сегодня ваш завод и немножко рассказал о нем. Смотрите, какая картина получается, товарищи! Завод построен руками рабочих почти двести лет назад, а управляли им все эти годы царские чиновники да родовитые наследники — четыре графа, пять графинь, два князя, две княгини... Они этот завод превратили в огненную каторгу для рабочих, а сами богатели, по заграницам от жиру бесились. Пора, товарищи, положить конец такой несправедливости. Теперь вы сами должны стать хозяевами своего завода. Две революции было, а власть все еще в руках буржуев. Третья революция — это наш послед-

ний, решительный бой, товарищи! Записывайтесь в Красную гвардию — пусть у вас будет свой рабочий полк! Таким курсом.

Захарыч и мастер листобойщиков член парткома Василий Ваганов начали записывать в отряд.

В Екатеринбургском Совете рабочих и солдатских депутатов представители соглашательских партий выступили против создания красногвардейских отрядов, чем возмутили весь город. Газета «Уральский рабочий», только что начавшая выходить вместо «Уральской правды», закрытой Временным правительством, 10 сентября опубликовала резолюцию общего собрания солдат 8-й роты 108-го пехотного полка.

15 сентября «Уральский рабочий» опубликовал постановление рабочих Екатеринбургского железнодорожного депо.

И рабочие, и солдаты сходятся на одном: Красная гвардия необходима. А меньшевики и эсеры ловко играют на усталости народа от войны, клеветнически обвиняют большевиков в стремлении развязать братоубийственную гражданскую войну, пытаясь уверить, что все острые вопросы текущего времени можно решить мирным путем — соглашением всех партий и слоев населения, классовым миром, реформами.

Однако всем ходом событий, самой жизнью утверждалось в сознании трудящихся совершенно обратное: правы большевики, за ними и идти надо.

Затянувшаяся империалистическая война, которую настойчиво продолжало Временное правительство, привела страну к дальнейшим огромным потерям на фронте, к разрухе и голоду по всей стране. Горнозаводский Урал это почувствовал с особой силой. Когда продовольственный кризис уже разразился, председатель Уральского областного военно-промышленного комитета Иванов 20 сентября послал министру внутренних дел слезную телеграмму.

Военно-промышленный комитет озабочен не тем, что голодают рабочие, его беспокоит то, что могут остановиться заводы, снабжающие фронт оружием и боеприпасами, и прекратится золотой поток барышей от военных поставок.

Заводчики же и деревенские богачи вину за все беды продолжают валить на большевиков — это они-де мешают быстрее довести войну до победного конца, разрушают транспорт и не дают убирать хлеб с полей. Законные требования рабочих, массовые митинги и забастовки объявляются анархией. Горнопромышленники организуют локауты, чтобы угрозой голода заставить уральских пролетариев смириться. Без своих вооруженных отрядов рабочему классу никак не обойтись!

А средств для формирования таких отрядов нет. Поэтому отряды создаются из добровольцев, продолжающих работать на производстве: днем человек стоит у станка или добывает руду в шахте, а вечером спешит на сборный пункт. По боевой тревоге люди бросают работу, хватают рядом стоящие ружья и бегут куда сказано. Но необходимы и такие отряды, которые всегда должны быть в сборе, на «казарменном положении». Тут уже выкручиваются по-разному, кто как сумеет. В Мотовилихе, например, рабочие от каждых двадцати пяти человек выбирают одного гвардейца, освобождают его от работы в цехе и делают ему отчисления из собственного заработка.

...Свою летнюю бескозырку с белым чехлом Хохряков сменил на черную суконную, лежавшую до этого на дне чемодана. Надпись крупными буквами «Заря Свободы» выделялась на темном фоне. Он теперь известен всему Екатеринбургу — каждый день выступает на заводах и фабриках, в полках и госпиталях. Не раз видели его на Кафедральной площади[1], где он, взо-

[1] Бывшая Кафедральная площадь — теперь площадь имени 1905 года.

бравшись на постамент от памятника императору Александру II, нещадно громит на массовых митингах буржуазных прихвостней.

Всюду, где появляется Хохряков, он обязательно выступает и тут же, на месте, решает многие организационные вопросы. Все отряды теперь объединяются районными штабами, находящимися в шести частях города: штаб Железнодорожного района — в здании старого вокзала, штаб Верх-Исетского завода — на улице Заводской, 16, штаб Третьего района — прямо на снарядном заводе Злоказова... Всеми районными штабами руководит Центральный штаб, созданный при исполнительном комитете Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, он разместился на улице Ломаевской, 11, в доме инженера Собещанского. В состав Центрального штаба вошли представители городского комитета партии большевиков, совета заводских и профсоюзных комитетов, начальники районных дружин. Начальником центрального штаба назначили матроса Хохрякова, и теперь его называют красногвардейским главкомом. Адъютант штаба отряда Красной гвардии Шестого района восемнадцатилетний Миша Абакумов становится адъютантом Центрального штаба.

Балтийцы, приехавшие вместе с Хохряковым, также все «при деле»: Старостин руководит красногвардейским отрядом на заводе, матрос гвардейского экипажа Фома Гуня и сослуживец с «Зари Свободы» Семен Катаргин — всегда рядом: это правая и левая рука главкома.

Все есть — и отряды, и дружины, и штабы, и даже свой устав, а вот оружия очень мало. Где взять винтовки, пулеметы и патроны к ним? На заводе Злоказова берданы «Гра» выдают по... жребию.

Из Верхнетуринска ездили в Петроград и Ижевск, привезли два пулемета, немного винтовок и револьве-

ров, но ведь этого слишком мало. Приходится обучать людей стрельбе только тем оружием, что имеется, и надеяться, что в нужный момент удастся использовать арсеналы воинских частей гарнизона.

Полками командуют офицеры — сторонники Керенского, но полковые комитеты возглавляют большевики — это они настояли, чтобы все оружие было не на руках у солдат, а хранилось на складах и выдавалось только с разрешения избранных солдатами полковых комитетов.

...Павел Данилович выступал на солдатском собрании 124-го полка, рассказывал о текущем моменте. Сразу после доклада слово взял один из присутствующих офицеров, он решил сбить революционное настроение у солдат, аплодирующих матросу.

— Вы подумайте, господа,— начал он,— большевики ведут борьбу против Временного правительства! Как это можно не доверять нашему правительству? Кто же тогда будет управлять огромной Россией? Мужики, что ли? Они для такой роли не способны, они способны только разрушать, а не созидать! Большевики, пользуясь темнотой рабочих и крестьян, призывают их к разрухе, к анархии. Более того, большевики требуют прекращения войны, передачи земли крестьянам без выкупа! Неужели владельцы земли, вложившие столько труда в свои хозяйства, должны передать ее крестьянам безвозмездно — это же грабеж! Это беззаконие, господа! Большевиков надо разоблачить до конца, они — немецкие шпионы!

— Как вы смеете говорить, что большевики — это шпионы? — прервал его Хохряков.— Вы наводите тень на ясный день! Нет, не большевики шпионы и предатели, а вы! Да, большевики требуют передачи земли крестьянам без выкупа, но ведь они требуют передать землю русским крестьянам, а не немецким. Так или нет?

— Да, русским, но это не меняет дела,— уже не столь уверенно ответил офицер.

— Где же тогда логика в ваших рассуждениях? — спросил Хохряков.— Большевики, безусловно, правы, поэтому рабочий класс и крестьяне идут за ними. Что же касается помещиков, о которых вы так печетесь, то надо прямо сказать: они землю в поте лица не добывали и не обрабатывали, она у них дарственная со времен Екатерины Второй. Их землю обрабатывали крестьяне, а плоды с нее помещики забирали себе. Я сам — деревенский бедняк, знаю это очень хорошо — на собственном горбу испытал, можете мне поверить. Большевики также правы, требуя прекращения войны, ведь она ведется тоже в интересах капиталистов и помещиков, а кровь-то на фронте проливают опять же рабочие да крестьяне. Буржуям нашей крови не жалко...

— Так, матрос, крой его! — подбадривали Хохрякова, и офицеру ничего не оставалось, как покинуть помещение. А председатель собрания огласил проект резолюции: «Мы, солдаты 124-го запасного полка в количестве около 700 человек, выслушав доклад товарища Хохрякова, матроса Балтийского флота, который подробно изложил положение дел на фронте и на флоте, считаем, что Временное правительство намеренно покидает Петроград, чтобы тем самым бросить солдат, матросов и рабочих революционного Петрограда, Кронштадта и Финляндию на разгром войскам Вильгельма, чтобы подавить революционный дух. Мы приветствуем солдат и матросов, которые геройски защищают нашу революцию! Пусть знают сражающиеся солдаты, что, брошенных Временным правительством, их поддержит тыл. Считаем необходимым, что в настоящее время вся власть должна перейти народу, то есть Советам солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Только такая власть может добиться справедли-

вого мира и довести страну до Учредительного собрания. Итак, наши насущные требования в настоящее время: вся власть Советам, заключение справедливого мира и созыв Учредительного собрания»[1]. Резолюция принимается единогласно.

На другой день начальник центрального штаба Красной гвардии выступил перед солдатами 108-го полка, где тоже была принята резолюция в поддержку рабочих и матросов революционного Петрограда и Кронштадта.

15 октября 1918 года в Екатеринбурге состоялась конференция фабрично-заводских комитетов Урала, она призвала трудящихся повсеместно умножать и крепить ряды рабочей Красной гвардии и выдвинула в состав центрального штаба токаря и командира отряда на снарядном заводе большевика Александра Авдеева.

По настоянию большевиков начались перевыборы членов Екатеринбургского Совета от всех заводов и воинских частей. В новом Совете почти три четверти общего числа — большевики. Это практически означало окончательную победу большевиков над меньшевиками, эсерами и другими соглашательскими партиями. Екатеринбургский Совет рабочих и крестьянских депутатов мог теперь взять власть в свои руки и твердой революционной рукой осуществить на деле рабоче-крестьянскую диктатуру в городе и деревне.

Балтиец Павел Хохряков, избранный солдатами, стал руководителем военного отдела Екатеринбургского горисполкома.

19 октября большевистский оратор во флотском бушлате вновь выступает на общем собрании рабочих Верх-Исетского металлургического завода. Его встрети-

[1] Цит. по сб.: Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции, Свердловск, 1957, с. 208.

ли и проводили с трибуны громом аплодисментов. Резолюцию приняли короткую, но предельно ясную — поддержать петроградский пролетариат.

Кажется, сам воздух насыщен горячим дыханием быстро надвигающейся революционной бури.

Когда из Питера поступили первые телеграммы о начавшемся там вооруженном восстании, все члены городского комитета партии и центрального штаба Красной гвардии в ту же ночь разошлись по заводам и фабрикам, чтобы привести в полную боевую готовность все революционные силы. Хохряков поспешил на железнодорожный телеграф обеспечивать бесперебойную связь со столицей. Получив сообщение об аресте Временного правительства и переходе власти в руки военно-революционного комитета Петроградского Совета, он сразу же по телефону дал знать об этом председателю городского комитета большевиков. Тот взволнованно ответил:

— Немедленно отправляйся на Коковинскую площадь, там идет солдатский митинг, покажи эти телеграммы солдатам!

...Солдатский митинг бурлит и шумит: одни не хотят ехать на фронт, другие требуют подчиниться приказу.

— Матроса на трибуну! — разнеслось по площади, когда он появился здесь.

Хохряков стремительно взбежал на трибуну, радостно выкрикнул:

— Товарищи солдаты! Пролетарская революция свершилась, вся власть в Петрограде перешла в руки Советов! — и первым запел:

Вставай, проклятьем заклейменный,
Весь мир голодных и рабов!..

Площадь сперва затихла, помолчала, словно ошеломленная таким сообщением, а потом разом загудела

тысячью голосов, восторженно подхватив революционный гимн.

Но вот «Интернационал» отзвучал, площадь на мгновение опять затихла.

— А как с отправкой на фронт? — услышал оратор вопрос, обращенный к нему.

— Законными надо считать только распоряжения Советской власти!

— Качать матроса!!

В эти часы исполком Екатеринбургского Совета отстранил от должности уездного и городского комиссара не существующего более Временного правительства, объявив себя единственной властью в городе. Охрана порядка в городе возложена на Красную гвардию. По приказу из Центрального штаба красногвардейские отряды немедленно заняли телеграфную и телефонную станции, почту, вокзал, банки, типографию кадетской газеты, мосты и другие важные объекты.

Вечером в здании оперного театра экстренно собрались все депутаты городского Совета и многочисленные представители заводов и воинских частей. Хохряков принес сюда тексты Декретов о земле и мире, только что принятых II Всероссийским съездом Советов. Положив бескозырку на стол президиума, шагнул на край авансцены и восторженно крикнул в переполненный ликующий зал:

— Да здравствует социалистическая революция! Теперь будут у нас мир, свобода и хлеб! Да здравствует Ленин!

На другой день с утра заполнилась людьми Кафедральная площадь. Большевик в бушлате опять взобрался на пьедестал и при воцарившейся торжественной тишине огласил Декреты Совета Народных Комиссаров, подписанные Лениным. Холодный осенний ветер шевелил его ленты с якорями, а солнце ярко высвечивало буквы на бескозырке.

Состоялось объединенное заседание Уральского областного комитета партии и областного Совета. «Пока нет возможности телеграфно снестись с новым правительством и получить от него точные распоряжения,— говорилось в принятом воззвании,— но, твердо зная, что должна принести нашей измученной стране эта долгожданная революционная власть, областной Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет себя временным представителем нового правительства на Урале... Областной Совет предписывает к немедленному исполнению: 1) всем местным Советам взять власть в свои руки на местах; 2) нежелательных представителей старой власти сместить, сопротивляющихся арестовать. Всякое сопротивление подавлять оружием...» [1]

Таким путем.

* * *

У начальника Центрального штаба Красной гвардии дел и хлопот не убавилось: взять власть оказалось легче, чем удержать ее в своих руках. Уже 28 октября «Уральский рабочий» в передовой статье «Свершилось!» предупредил: «Не будем обольщаться легкостью победы. В смертном бою классовой борьбы не сдаются, а бьются до последней капли крови». Областная большевистская газета была права: буквально в те же часы, когда печатался этот номер, связь с Петроградом прервалась. А когда телеграфный аппарат застрекотал вновь, по городу поползли слухи: войска Керенского заняли столицу, свергли большевистский Совнарком... Командир 126-го полка Обухов, обрадовавшись такому известию, подтвердил это своим приказом...

Обухова арестовали, но слухи распространяются все больше и шире: революция подавлена не только в

---

[1] Цит. по сб.: Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции, с. 218.

Питере, но и повсюду, Советская власть держится только в Екатеринбурге, на Урал едут войска Керенского...

В специальном обращении исполком городского Совета разоблачил эту ложь. Однако те, кому не по душе пришлась пролетарская революция, игнорировали постановления Советской власти. Забастовали телеграфисты: не принимают депеши из Петрограда, отказались передавать сообщения из Екатеринбурга. Пришлось составить акт о закрытии телеграфной станции. Из солидарности с антисоветчиками на телеграфе прекратили работу телефонистки. Областной центр остался и без телефонной связи...

На телеграф пошли красногвардейцы во главе с большевиком А. И. Парамоновым. Барышни сидят на своих местах, но ничего не делают, как будто не слышат звонков абонентов. Им предложили удалиться из помещения, вызвали начальника телефонной сети. Он подчинился силе: ознакомил с коммутатором, но от подробного инструктажа отказался. Парамонов послал за своей женой — она когда-то работала телефонисткой. Александра Семеновна явилась быстро и показала, что и как надо делать.

Ночью связь работала сносно, а днем, когда вызовов стало много, красногвардейцы не успевали обслужить всех. Составили список телефонов, установленных в Совете, парторганизациях, красногвардейских штабах, а все остальные отключили.

Трое суток люди Хохрякова не выходили из телефонной станции, обеспечивали связь молодой Советской власти. Видя свой провал, саботажники возобновили работу.

Утром 29 октября в штаб доставили свежую газету «Уральский рабочий», набранную необыкновенно крупным шрифтом. «Приветствуя победу пролетарско-крестьянской революции в Петрограде, мы предупреждали

товарищей не обольщаться легкостью первой победы и готовиться к упорной борьбе с бежавшим на фронт Керенским и всеми мобилизованными силами буржуазии. События первых же послереволюционных дней показывают, что мы были правы в своих предупреждениях,— с тревогой стал читать Хохряков, отодвинув бескозырку на край стола.— ...Керенский, так же как два месяца назад Корнилов, во главе некоторых верных ему фронтовых частей движется на Петроград. Как Корнилов рассылал по всей России манифесты, объявляя себя спасителем отечества, так и Керенский рассылает из ставки, а теперь и из Гатчины грозные телеграфные приказы, объявляющие петроградскую революцию делом «шайки изменников» и требующие от восставших солдат беспрекословного подчинения и сдачи оружия...»

Выезжать на помощь Петрограду уральцам не потребовалось — там с Керенским и Красновым быстро управились сами, но к Екатеринбургу подходил эшелон вооруженных фронтовиков. Дальше на восток их пустить нельзя. Распад и стихийная демобилизация старой армии начались еще до Октября, а после революции генералы стремятся оголить фронт против немцев и перебросить казаков в тыл, намереваясь использовать их против Советской власти на местах[1].

Хохряков с отрядом выехали на предпоследнюю со стороны запада станцию, оцепили ее. Хохряков приказал начальнику станции отцепить у эшелона паровоз под предлогом необходимого ремонта.

Фронтовики, оказавшись в окружении, желая скорее попасть домой, без сопротивления сдали все винтовки с патронами.

— Отлично! Теперь выдадим по винтовке каждому! — воскликнул Хохряков, оглядев штабеля оружия и

[1] См.: Октябрь на фронте. Воениздат, 1967, с. 161.

ящиков с патронами.— Но это, братцы, не последний эшелон, будут еще, их тоже надо останавливать и разоружать!

Свой отряд он оставил на станции, приказав ему не пропускать ни одного солдатского эшелона с оружием.

Казаки ехали домой вместе со своими антисоветски настроенными офицерами и не сразу сдавали оружие. Началась перестрелка, длинная очередь из пулемета по крышам вагонов привела в чувство и казаков.

Центральный штаб Красной гвардии, созданный для руководства отрядами и дружинами Екатеринбурга, по ходу событий вскоре распространил свою деятельность почти на весь Урал. Не случайно в этот штаб теперь вошли комиссар снабжения Уралсовета Петр Войков, заместитель председателя Уралсовета Борис Дидковский, военный комиссар области Филипп Голощекин[1]. Иначе и быть не может, поскольку все руководящие партийные и советские органы Уральской области находятся в Екатеринбурге и по сложившимся обстоятельствам не в силах обходиться без применения имеющихся вооруженных отрядов на местах. А туда, где таких отрядов еще нет, в необходимых случаях направляют помощь из областного центра.

В деревне Юшково местные богачи устроили самосуд над Федором Соколовым, приехавшим в родную Юшковскую волость с заданием Екатеринбургского уездного комитета партии организовать там Советскую власть. Хохряков с двумястами красногвардейцами, с двумя пулеметами немедленно выехал туда. В Тюбуке он встретился с отрядом Каслинского завода под командой Степана Мягкова, тоже, как оказалось, матроса, вернувшегося домой после Февральской революции. Отряды объединились под общим командованием Хох-

---

[1] См.: ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 237, л. 33.

рякова. В Багаряке они реквизировали хлеб у богачей и, двигаясь дальше, заняли Юшково. Главари Юшковской волостной управы разбежались, власть снова перешла к Советам. Хохряков организует здесь дружину из ста добровольцев, начальником ее становится недавно избитый антисоветчиками бывший прапорщик Федор Соколов.

Павел Хохряков в уральскую деревню попал впервые и увидел здесь такую же вопиющую бедность, какую сам испытал в Вятской губернии.

Всю обратную дорогу думалось о юшковцах и своих земляках, о родителях, любимой Ане, Васятке. Попроведовать бы их, да не до этого пока — даже письма написать времени нету.

Только вернулся в Екатеринбург — новое задание от Филиппа Голощекина: на Шемахинском заводе кулаки во главе с эсером Свешниковым арестовали членов Совета, разоружили красногвардейцев.

Самому поехать в Шемахинский не пришлось — неотложные дела задержали, туда отправили отряд под командой матроса Курочкина. Этот отряд не только разгромил мятежников, но собрал сход, где вновь избрали Совет. Затем красногвардейцы побывали в соседних деревнях и на всех тамошних кулаков наложили контрибуцию в пользу кооператива бедных.

В начале ноября — тревожная весть с юга: в Оренбургских степях поднял мятеж бывший полковник царской армии атаман Дутов. Снова взревели заводские гудки в Екатеринбурге, поднимая рабочие отряды. Центральный штаб в срочном порядке формирует сводный отряд, командиром назначается Петр Ермаков.

— Ну, Захарыч, не подкачай! Людей тебе дали боевых. Беспощадно бей этого гада и всю его банду! Таким курсом.

— Разобьем, Данилыч, будь уверен! Таким путем.

* * *

Одних уральских дружин и отрядов, направленных против Дутова, было недостаточно для быстрого подавления белоказаков (а их десять тысяч), почти все они на конях, сыты, хорошо одеты и обуты, все отличные стрелки и рубаки, командует ими офицерье. Они свергли Советскую власть в Оренбурге, Верхнеуральске и Троицке, подступили к Челябинску... Мятежников надо подавить как можно скорее, чтобы не дать им распространиться по горнозаводскому Уралу и отрезать от Республики хлебородную Сибирь. Но таких сил пока не имеется.

Из Челябинска, Троицка и Оренбурга в Питер выехали рабочие делегации. Оренбургские железнодорожники обратились лично к Председателю Совета Народных Комиссаров. Владимир Ильич немедля дал указание организовать экстренную военную помощь. Через несколько дней в Уралобкоме стало известно: на дутовский фронт отправляются десять эшелонов балтийских матросов и революционных солдат 17-го Сибирского стрелкового полка, командует мичман Павлов. Отряд проследует через Екатеринбург.

Для встречи Северного летучего отряда в Пермь выехал председатель Екатеринбургского городского Совета Павел Быков. Цель поездки — заблаговременно ознакомить командование отряда с обстановкой на Урале вообще, в Екатеринбурге в частности.

Первый эшелон прибыл в Екатеринбург рано утром 9 декабря, следом за ним — второй. Хозяйственная часть разместилась на Сортировочной и разъезде Палкино, батальоны — на станциях Екатеринбург-I, Екатеринбург-II.

Когда председатель городского комитета большевиков Иван Малышев, Леонид Вайнер и Павел Хохряков прибыли на вокзал, здесь уже были все эшелоны Летучего во главе со своим главным штабом.

Вокзал был наводнен солдатами и матросами. Особенно своим видом выделялись матросы — все они были в черных шинелях, а на головах у них... мохнатые казацкие папахи! Из Петрограда они выехали по всей флотской форме, но чем ближе были к Уралу — тем больше убеждались: в ботиночках и бескозырках много не навоюешь. Переобмундировывались в пути. Поэтому сейчас не сразу узнаешь моряка, а посмотришь вблизи — на груди у него тельняшка.

Объединенный отряд Павлова состоял из шестисот моряков-добровольцев и более тысячи солдат-фронтовиков.

Во главе объединенного отряда — центральный Совет солдатских и матросских депутатов и центральный комитет большевиков, избранный на партийных собраниях.

Весь командный и политический состав отряда избран на совместном заседании этих полномочных органов.

Сейчас все они в салон-вагоне, отнятом у офицеров на столичном вокзале, сидят вперемежку с моряками — командирами матросских рот.

Совнарком и Главный штаб Республики, наделив их чрезвычайными полномочиями, поставили перед ними много ответственных задач. Об этом рассказывает сам командир отряда мичман Павлов. Невысок ростом, неширок в плечах, голос у него неполководческий, и неречист он, а слушают его очень внимательно, ибо каждое его слово — о деле, о самом главном и важном, четкое, определенное.

Северный летучий не просто «следует на восток» для выполнения боевых задач на дутовском фронте, а на всем своем пути наводит подобающий революционный порядок. Так было в Вологде, Котельниче, Вятке, Глазове, Перми — по всей дороге от Питера до Урала.

— Мы тоже нуждаемся в вашей помощи, дорогие товарищи,— сказал Малышев.— В Екатеринбурге имелось до десятка государственных и частных банков, сюда бежали банковские дельцы, маклеры, торговцы, промышленники не только из Петрограда и Москвы, но даже с Кавказа и Крыма — у них здесь основные капиталы и собственные особняки. Они возглавляют всю местную контру вплоть до анархистов и хулиганов. Имеют место грабежи, погромы, были попытки разоружить Красную гвардию. Перед вашим приездом пришлось посылать людей для усмирения мятежей в Ревде, Ирбите, Камышлове — в этих населенных пунктах купеческие сынки и прочие антисоветчики громили винные склады и магазины, намеревались захватить Советы. Имеем крупный гарнизон запасных стрелков полков старой армии, а во главе этих полков наряду с солдатскими комитетами стоят бывшие царские офицеры, они покровительствуют эсерам и кадетам, монархистам и анархистам. На железнодорожном узле активно действуют саботажники — создали пробку, задерживают промышленные, продовольственные, военные грузы. В районе Верх-Исетского завода орудует банда уголовников, главарь у них по кличке Ванька Каин, поймать их пока не смогли...

— Все ясно. Поможем в наведении революционного порядка и упрочении Советской власти. Мы спешим на дутовский фронт, но для такого дела задержимся. Вместе с вами разгрузим жёлезнодорожный узел, установим контроль над всеми прибывающими и проходящими поездами, проведем полную проверку населения города и окрестностей, организуем митинги на предприятиях, перевыборы полковых комитетов и командиров запасных полков, возьмем на учет всех проживающих в городе офицеров, не имеющих отношения к гарнизону. Подключайте к нашему отряду всю свою Красную гвардию.

— Подключим, товарищ Павлов, всех подключим,

сколько есть, а главная наша сила уже воюет на дутовском,— отозвался Хохряков.

— Сегодня в семь часов у нас открывается городская партийная конференция, просим принять участие,— сказал Вайнер.

— Будем обязательно. Давайте, товарищ Мартынов, сейчас же и представителей наметим.

Тут же на конференцию большевиков Екатеринбурга послали Павлова, Сергеева, Шубина, Суганова, Карпухина, Глинского, Панова, Баранова, Бочурина. Они отправились на конференцию, а в оцепленном вокзале уже началась проверка документов у пассажиров.

В прениях в числе первых выступил мичман Павлов. Он и на трибуне немногословен. Командир правительственного отряда коротко рассказал о положении молодой Республики Советов. Призвал все силы Урала направить на разгром контрреволюционного оренбургского казачества, выразил уверенность, что совместными усилиями контрреволюция на Урале будет разгромлена [1].

Силами павловского отряда и хохряковских красногвардейцев за двое суток прочесан весь город со всеми его окрестностями. В гостиницах и других пристанищах задержано 186 офицеров и 4 генерала с оружием, разными печатями, штемпелями, бланками... Только в одной гостинице Артамонова взято 5 офицеров во главе с полковником — все с оружием, с важными документами, подписанными бывшим командующим Московского военного округа, следуют в Тобольск. Здесь же оказались священнослужители, тоже с оружием и солидными документами, они пробирались также в Тобольск. Видные эсеры, помощники министров Временного правительства, офицеры бывшего Генерального штаба — эти, судя по документам, едут в Томск...

---

[1] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 749, л. 12.

В привокзальной гостинице обнаружили двух генералов, двух банкиров, несколько владельцев золотых приисков в Забайкалье. В залах ожидания первого и второго классов — целая толпа разных чиновников, среди них — управляющий Ярославским коммерческим банком с полным чемоданом шнурованных книг и чековых книжек. А в одном буржуйском особняке у офицеров оказались не только оружие и деньги, но и антисоветская литература, типографский шрифт...[1]

Павлова и Хохрякова насторожил факт с Тобольском — ведь там со всем своим семейством находится бывший император Николай Романов, и не зря, как видно, спешат туда многочисленные его приверженцы.

11 декабря утром — проводы матросского отряда в Тобольск, на усиление охраны свергнутого монарха. Митинг. Краткая напутственная речь мичмана Павлова, после чего он вручает комиссару Яну Запкусу боевое Красное знамя от Северного летучего. Оркестр исполняет «Марсельезу», паровоз дает продолжительный гудок[2].

Многое выявила ревизия проходящих поездов: у спекулянтов конфисковали 2000 пудов муки и круп, 150 пудов сала и масла...

А сколько оказалось продуктов в тупиках на самом вокзале! Когда подсчитали, удивились: десятки вагонов муки, зерна, круп, овса, много отрубей, жмыхов, жиров, рыбы, колбас, мясных консервов...

В казачьих эшелонах и при облавах в городе изъято около 7 тысяч винтовок, 2 миллиона патронов, 46 пулеметов, 8 орудий...

Павлов по прямому проводу доложил об этом Совнаркому. Получив указание, быстро сформировал марш-

---

[1] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 749, л. 20.
[2] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 749, л. 29.

рутные поезда и охранные команды. Одни составы помчались прямо на Северный фронт, другие — в Петроград и Москву.

Днем 13 декабря почти все члены комитета отряда выехали на гарнизонный митинг, к Оравайским казармам, где собрались солдаты трех запасных полков, 698-й Отдельной дружины, штабы полков и дивизии. Митинг открывает председатель военного отдела горисполкома Яков Юровский. Рядом с ним начальник центрального штаба Красной гвардии Хохряков. Выступают командир 17-го Сибирского полка Иван Суганов, член главного штаба Северного летучего Иван Карпухин. Они призывают собравшихся последовать примеру солдат и матросов, приехавших сюда с Северного фронта и Балтийского моря, и вместе с ними защищать рабоче-крестьянскую власть. Бывший штабс-капитан Николай Гвоздиковский обратился прямо к офицерам. Затем с таким же призывом выступили вновь избранные командиры полков. Вечером в городском театре — дружеская встреча солдат и матросов правительственного отряда с солдатами гарнизона. Пели народные и революционные песни. На самодеятельном концерте моряки показали свое лихое традиционное «Яблочко».

Правительственный отряд остро нуждается в продовольствии, фураже. Все это заготовляется за наличный расчет, а выданные в столице деньги уже кончаются. Можно воспользоваться частицей тех огромных ценностей, которые реквизированы у богачей — пуды золота в слитках! — но Сергей Павлов приказал не брать ни грамма. Отправляя из Екатеринбурга нарочного в столицу, он вручает ему записку для передачи наркому: «Товарищ Дыбенко, прошу дать подателю сего тов. Фролову триста (300) рублей под отчет для нужд матросского отряда» [1].

---

[1] См.: Карпухин И. И., Александров А. И. Северный летучий, с. 38.

Главная забота — это, конечно, Дутов. Через Уфу — Самару — Бузулук сухопутный мичман по телеграфу связывается с Кобозевым, получает от него информацию о положении на юге Урала, в Оренбургских степях.

— Мой вам совет: не начинайте боевых действий своими только что сформированными отрядами,— говорит Павлов чрезвычайному комиссару огромного края.— Займитесь тщательной проверкой своих сил, особенно командного состава. Ждите нашего прибытия из Троицка...[1]

А Троицк еще в руках врагов.

13 декабря вечером новое сообщение разведчиков: со станции Шаля вышли один за другим в сторону Екатеринбурга три эшелона сибирских казаков. Их нельзя допустить сюда, надо разоружить в пути. Выделяется два отряда — матросский и солдатский под общим командованием комиссара Сергеева. Двумя эшелонами — навстречу!

Встали заставой на перегоне, у глубокой выемки. На рельсах выложили петарды. В полночь подошел первый эшелон, увидел петарды — остановился, и тотчас по крышам ударили со всех сторон пулеметы, а матросские и солдатские цепи в белых халатах, будто свалившись с неба, хлынули к теплушкам.

Ошарашенные внезапной пальбой и стремительной атакой, полусонные казаки открыли двери... Из классного вагона матросы уже ведут обезоруженных офицеров:

— Дайте дорогу! Посторонитесь!

Первый эшелон разоружили за несколько минут. Казакам приказали немедля вернуться в вагоны, машинисту паровоза — полным ходом следовать дальше: мешкать нельзя — на подходе к выемке второй эшелон...

---

[1] См.: ПАСО, ф. 221, оп. 2, д. 749, л. 22.

Так разоружили все три. Раненых мало, убитых вовсе нет. К утру вернулись в Екатеринбург. Особо отличившиеся в этой операции получили от мичмана благодарность в приказе по отряду.

Ваньку Каина долго не удавалось поймать, но он не ушел от возмездия. А попался он так.

Иван Карпухин со взводом кавалеристов возвращался из Оравийских казарм с солдатского собрания 108-го полка. По дороге к вокзалу увидали шумную толпу. Спе́шил двоих и послал узнать, в чем дело. Вернувшись, солдаты доложили:

— Несколько наших, сильно подвыпив, сопровождают на вокзал бочку с вином, вокруг табуня́тся какие-то штатские. Неподалеку — еще одна подвода, на санях тоже бочка с вином и ведро, там тоже наши есть...

Всю шайку разогнали, бочки вместе с подводами сдали в хозчасть, арестованных — на допрос. Они оказались из банды Ваньки Каина. Имели задание от своего главаря споить отряд моряков. Попросили гарантировать им жизнь и назвали четыре адреса. Ночью четыре группы вышли по указанным адресам. Перед утром 15 декабря всю банду накрыли прямо в ее штаб-квартире вместе с Ванькой Каином. По приговору военно-революционного трибунала отряда его расстреляли, а всех сообщников сопроводили в тюрьму.

В этот же день Северный летучий из Екатеринбурга поэшелонно отправился на юг. Курс — на Уфалей, Челябинск, Троицк.

Тепло, по-дружески проводил Павлова Хохряков. Благодарил за помощь и за науку, просил, если будет такая возможность, поближе к себе держать дружину Петра Ермакова.

* * *

Посланный из Нижнего Тагила в Сибирь поезд вернулся без хлеба. К тому же машинист Петров оказался пьяным. Этим немедленно воспользовались офицеры «Комитета фронтовиков» и взбаламутили весь город. Собрался митинг.

— Петров арестован, ведется следствие, если виновен — будем судить,— ответил на запрос председатель горисполкома Добрынин.

— Дайте нам его, мы сами расправимся!

Добрынин отказался выдать человека на самосуд.

— Надо разоружить Красную гвардию, тогда расправимся и с Петровым, и с его покровителями! — крикнул провокатор.

Толпа двинулась к горсовету...

Облсовет дал указание Невьянскому Совету помочь тагильчанам своим отрядом, но в тот же день, 20 января 1918 года, получил телеграмму: «Гвардию выслать Тагил не можем. Теплой обмундировки нет, многие наши красногвардейцы отморозили ноги. Водворить порядок может матросский отряд, высылайте скорее, грозит разоружение гвардии...» [1]

Отряд из Екатеринбурга посылать не пришлось — тагильчане сами управились с анархистами: сорок человек фронтом встали от угла старого уткинского дома до земского управления и, применив оружие, отстояли свой Совет [2].

Но Хохряков с группой матросов туда все же выехал и помог тагильчанам провести широкую разъяснительную кампанию среди отсталой части населения, подверженной влиянию антисоветской пропаганды [3].

---

[1] ГАСО, ф. 91, оп. 1, д. 33, л. 61.

[2] См.: ГАСО, ф. 91, оп. 1, д. 288, л. 4—5.

[3] См.: В борьбе за власть Советов. Свердловск, 1957, с. 135.

В Перми пьяная толпа разбила пивной склад и пошла громить магазины. Погромщиков привели в чувство красногвардейцы Мотовилихи. Анархисты совместно с уголовниками активизировались и здесь, в Екатеринбурге. Имена главарей этих банд известны.

Следы черных бандитских дел ведут в гостиницу «Пале-Рояль». Туда и пошел ночью Хохряков. Поднялись на второй этаж, открыли дверь комфортабельного номера и увидели: один лежит в сапогах на широкой роскошной кровати, другой охраняет его. Охранника тихо скрутили и вывели, а когда разбудили спящего, он, вскочив, выстрелил в Хохрякова. Промахнулся — помешал матрос Фома Гуня, он успел ударить бандита и сбил его с ног.

Этой же ночью устроили облаву во всех городских притонах, кое-кого и в них прибрали, но не всех, многие успели скрыться.

Во время облав следующей ночью выловили остальных «атаманов».

В середине зимы исполнительный комитет Екатеринбурга создал отдел борьбы с контрреволюцией. Руководить этим новым органом диктатуры пролетариата поручили Хохрякову.

* * *

Гудки и набат среди ночи — такого еще не бывало! Выбежал Хохряков на улицу, осмотрелся, прислушался. Вдали полыхало зарево большого пожара: не горит ли Монетный двор? Бросился туда по заснеженным темным улицам: да, горит завод! Прибежав в числе первых, организует людей на борьбу с огнем и сразу же, не раздумывая, лезет внутрь окутанного дымом горящего здания — надо выяснить причину, не исключена диверсия...

А всю следующую ночь провел на вокзале — там

ежесуточно дежурят усиленные отряды: поток эшелонов с фронтовиками еще не прекратился. Солдаты едут с оружием, словно на другой фронт... Да, так оно и есть. Сейчас в каждой губернии свой фронт: рабочие защищают заводы, крестьяне — землю. Оружие действительно им дома понадобится, потому и прихватили его с собой. Но ведь некоторые казацкие эшелоны от Екатеринбурга хотят повернуть на юг, а там — антисоветское восстание. Агенты Дутова уже и здесь имеются — агитируют возвращающихся фронтовиков присоединяться к «свободному казачьему войску».

Сегодня потребовалось и самому дежурить на вокзале — один такой эшелон сумел прорваться через заслон на предпоследней станции. Его удалось разоружить только здесь, окружив вагоны двойным кольцом красногвардейских цепей с пулеметами.

Возвращаясь с вокзала перед рассветом, Хохряков наткнулся на молодого офицера в луже крови. Зажег спичку, нагнулся над ним, осмотрел карманы: документов нет, есть только неотправленное письмо девушке. Пробежав его глазами при тусклом, мерцающем огоньке, уловил две настораживающие фразы: говорилось о какой-то «среде подлых людей» и о каком-то «ужасном деле».

В больнице офицера привели в сознание. Назвал адреса людей, покушавшихся на его жизнь: имеют связь с Дутовым. Об отдыхе нечего и думать — сразу пошли по указанным адресам.

Среди арестованных оказался подъесаул, приехавший сюда с поручением от атамана. Его стал допрашивать Хохряков. Заставил назвать адрес главной конспиративной квартиры «Союза фронтовых офицеров». Отправились туда. Произвели тщательный обыск всего дома — от подполья до чердака — ничего не нашли. Собрались было уходить, но обратили внимание на самовар: есть тульский самовар, и труба от него имеется.

А куда же она вставляется, если для нее отдушины в печи нет?

— Еще раз осмотреть всю печь. По кирпичику разобрать, если надо, но найти. Не пили же они холодную воду из этого распрекрасного самовара,— приказал Хохряков.

Тщательно осмотрели каждый кирпичик и обнаружили замурованную отдушину. И вот в руке матроса Сергея Дьячкова — вынутый из стенки кирпич. Сунул руку до локтя в зияющую темноту отверстия, извлек оттуда один за другим несколько свертков с документами.

— Это как раз то, что нам надо,— повеселел Хохряков, наскоро просмотрев содержимое свертков.— Вербовочный центр атамана Дутова! Целое змеиное гнездо: не только вербовали людей в свою банду, но и готовили восстание здесь, в Екатеринбурге! Из этого самовара чайку им больше не пивать [1].

В эту же ночь красногвардейский патруль задержал двух спекулянтов. Они показали: вчера на толкучке были завербованы в «белую гвардию», уже получили винтовки и по пять рублей задатка в счет жалованья...

Вербовщиков взяли прямо на квартирах. Обезоружили и арестовали около трех десятков отпетых белогвардейцев, предотвратив этим еще одну кровавую авантюру антисоветчиков.

С Оренбургского фронта по железной дороге в Екатеринбург везли тела погибших красногвардейцев — Василия Огородникова, Петра Семышева и других товарищей, павших в боях против Дутова. Чтобы воздать революционные почести героям, исполком городского Совета и центральный штаб решили провести траурную

---

[1] См.: Софинов П. Очерки истории ВЧК. Госполитиздат, 1960, с. 25—27.

манифестацию с участием Красной гвардии всех шести районов. Стали готовиться к этому дню и кадеты во главе с бывшим промышленником Кролем. У них свой план: захватить здание окружного суда и открыть огонь по колонне, идущей по Главному проспекту к братской могиле[1]. Накрыли и эту банду вместе с Кролем. Манифестацию провели, как было задумано.

Тревожное сообщение железнодорожников: с запада на восток следует эшелон казаков, они сильно вооружены. Их не могли разоружить ни в Вологде, ни в Вятке, ни в Перми...

Куда они так рвутся, да еще с оружием? Не на помощь ли атаману Семенову? А может, к атаману Дутову?

На экстренном заседании центрального штаба Хохряков предложил действовать одновременно двумя отрядами. Первому занять вокзал до прибытия эшелона и, когда он появится, предложить казакам сложить оружие без кровопролития. Вероятнее всего, они и здесь откроют стрельбу, угрожая и требуя дать дорогу. В бой с ними на вокзале не вступать — пусть едут дальше, думая, что Екатеринбург миновали благополучно, а пристопорить их в другом месте — и показал пальцем то место на карте. Вторым, более крупным отрядом, будет командовать он сам.

Как и предполагали, казаки пожаловали в Екатеринбург с пулеметами на всех тормозных площадках и даже на крышах вагонов. Из всех окон и дверей также торчали винтовки со штыками, а на ступеньках лихо стояли солдаты в папахах с гранатами и обнаженными шашками, готовые кинуться в рукопашную. О сдаче оружия они и слушать не хотели. Открыли им семафор, дежурный дал сигнал отправления, сипло свистнул паровоз,

[1] Окружной суд помещался в особняке бывшего миллионера Севастьянова возле плотины, теперь здесь 1-й Дом Союзов.

лязгнули буфера — поехали казаки. Они довольны собой, своей силой, за Уралом некому задерживать их — вся Сибирь перед ними.

Пулеметчиков на крышах не стало видно — казаки спустились в вагоны. Захлопнулись оледеневшие окна, закрылись двери теплушек — теперь можно ехать спокойно.

Но уехали недалеко. За Шарташом — стоп! В глубокой выемке рельсы отвинчены и отброшены в сторону, а на высоких откосах и на переходном мосту через выемку стоят готовые к бою пулеметы...

— Вылезай, приехали! — кричат им со всех сторон люди с винтовками и гранатами. По крышам забарабанили пули, возле вагонов громыхнули взрывы.

— Оружие оставьте в вагонах, сами поднимайтесь сюда! — властно крикнул рослый моряк с маузером в поднятой руке.— Построиться возле меня!

Обескураженные казаки нехотя выбираются на морозный воздух и карабкаются по крутому заснеженному откосу туда, где стоит человек в бушлате.

— Давно бы так! — сказал он, когда они построились.— В Екатеринбург шагом марш!

Большая колонна пешим порядком двинулась обратно. Состав порожняка, пятясь и облегченно попыхивая, тоже покатил в ту сторону.

Когда на вокзале из вагонов выгрузили все, что в них было — множество винтовок, пулеметов, три полевых орудия, десятки ящиков с патронами и снарядами,— казаки услышали уже знакомый голос:

— Вот и все. Можете, казаки, ехать дальше. Путь уже исправлен. Таким курсом.

* * *

Отряд Петра Ермакова вернулся с дутовского фронта в конце января 1918 года, когда белоказаки были разгромлены объединенными силами Красной гвардии

и Северного летучего отряда. Мичман Павлов командовал там Оренбургским фронтом. После освобождения Оренбурга он вместе с матросским отрядом был отозван в Петроград. Ермаковцы привезли казацких коней с седлами, много винтовок, револьверов, пулеметы и даже две пушки, чем весьма обрадовали начальника центрального штаба.

Опасность, нависшая над Уралом, ликвидирована, теперь можно распустить по домам солдат старой армии. Военный отдел по управлению гарнизоном Екатеринбурга издает серию приказов.

«Вот и мои одногодки по домам засобирались,— думал Хохряков.— Мне еще не время, а на побывку съездить надо бы. Поговорю-ка я с Филиппом, не отпустит ли на пару недель родню повидать. Обстановка сейчас позволяет».

— Вот обстановка-то, Павел Данилович, как раз и не позволяет нам об отдыхе думать,— ответил Голощекин.— Посуди сам: солдатских полков фактически теперь нет у нас — только номера остались, а врагов-то ведь много. Старые полки распускаем по домам — пусть едут, так решил Совнарком, а красноармейских полков пока нет. Одна Красная гвардия осталась теперь у нас. Давай подождем с твоим отпуском, обещаю: поедешь при первой к тому возможности. Лады?

Через два месяца после поражения в Оренбурге Дутову с активной помощью иностранных капиталистов и отечественной буржуазии удалось собрать и хорошо вооружить новые силы, и он снова повел наступление на Оренбург, Троицк, Челябинск, чтобы, захватив эти города, оставить Советскую Россию без южноуральского железа и сибирского хлеба. Снова забили тревогу большевики всего Урала. Снова объявлена добровольная запись в отряды против Дутова. С одного Верх-Исетского завода на фронт отправилось 250 бойцов, в том числе сто лучших членов заводского союза молоде-

жи. Из рабочих Верх-Исетска, Монетки, Алапаевского и других заводов формируется четыре боевых дружины. Второй дружиной, Екатеринбургской, командует уже имеющий боевой опыт на том же фронте Петр Захарович Ермаков. После митинга у братской могилы жертв первого похода против Дутова начальник центрального штаба Хохряков опять провожает его до вокзала, снова по-дружески пожимает ему заскорузлую рабочую руку, желает новой победы над заклятым врагом.

На этот раз они распрощались надолго.

Нарушив мирный договор, пошла войной на молодую Республику Советов кайзеровская Германия. На севере высадились американские и английские войска, во Владивостоке — японские... Сильнейшие империалистические державы начали крестовый поход против первого и единственного рабоче-крестьянского государства, решив удушить и утопить его в крови, чтобы не дать пролетарской революции в России распространиться на всю планету.

Силами одних красногвардейских дружин социалистическую республику не защитить — необходима миллионная регулярная армия, и в Екатеринбурге уже получен Декрет, подписанный Лениным.

Областной комиссариат по военным делам издает приказ: Екатеринбургскому, Пермскому, Челябинскому к Уфимскому Советам немедленно приступить к организации окружных военных отделов, которые обязаны срочно взять на учет имеющиеся на местах оружие, обмундирование и воинское снаряжение, сосредоточить в своих руках управление всеми военными силами.

Вопрос о создании Красной Армии на Урале обсуждается на областной партийной конференции. Сразу после партийной конференции провели областной съезд представителей Красной гвардии, который также единодушно поддержал ленинский Декрет. А как быть с Крас-

ной гвардией? Не распускать же ее! Разве она теперь не нужна? И решили всю Красную гвардию считать Резервом Красной Армии.

Красная гвардия стала Резервом, а Хохряков — начальником штаба Резерва Красной Армии.

В Уставе Резерв называется армией, которая должна активно, с оружием в руках, «стоять на страже Советов, охранять завоевания революции».

Дружины Резерва РККА и стали боевыми классовыми организациями. В них согласно уставу, принятому областным съездом Красной гвардии, могли приниматься люди только по рекомендации Советов, фабричных завкомов, партийных организаций, «стоящих на платформе Советской власти».

Едва Хохряков закончил составление Устава, как получил новое, весьма ответственное поручение.

* * *

Оказавшись не у дел, Николай II со всем своим семейством и придворным окружением продолжал жить в роскошном Царскосельском Александровском дворце, охраняемый тремя гвардейскими полками. Бывшего императора охраняли от питерских пролетариев, от революционных солдат и матросов, требовавших заключить Николая Романова в Петропавловскую крепость и судить за кровавые преступления перед народом.

Временное правительство решило спрятать Романовых подальше от справедливого народного суда — подальше от Питера и Кронштадта. Оно было намерено подержать их в глубокой глухой провинции до того дня, когда революционные страсти улягутся.

Так царь со своей свитой по воле Керенского оказался в Тобольске. Его доставили туда нелегально двумя поездами под усиленной охраной.

В Тобольске бывшего самодержца поселили в губернаторском доме. Из отрывочных и неполных сообщений было известно, что Советской власти в Тобольске фактически нет: в исполкоме городского Совета и городской думе главенствовали меньшевики и эсеры, дружно поддерживаемые местной буржуазией. Семья Романовых живет там вольготно, а в Тюмени и в самом Тобольске появилось много сомнительных личностей. Зреет заговор с целью организовать побег царя. Сообщения поступают одно тревожнее другого.

Правда, бывшая столица Тобольской губернии теперь находится в административном подчинении Западно-Сибирского совдепа, но ведь за побег Николая Романова из Тобольска будут ответственны и уральцы: знали кое-что, а мер не принимали.

В феврале на заседании Уралоблсовета было решено принять неотложные меры к переселению Романовых в более надежное место. По телефону переговорили с Омском. Сибиряки такого же мнения, они предлагают перевезти бывшего императора в Омск. В разговоре по прямому проводу с Председателем ВЦИК Я. М. Свердловым Уралоблсовет просит разрешения переселить Романовых в Екатеринбург: здесь рабочий край, больше красногвардейских отрядов, нет судоходных рек — отсюда не убежит.

Чтобы иметь постоянную и более полную информацию об обстановке в Тобольске, а также для подготовки и осуществления такой операции на месте, решили командировать туда П. Д. Хохрякова и токаря снарядного цеха бывшего Злоказовского завода, депутата городского Совета, командира отряда Красной гвардии этого завода Александра Авдеева, делегата II Всероссийского съезда Советов котельщика Надеждинского завода балтийского матроса Ивана Сапожникова. Все — большевики, преданные революции люди.

Хохряков быстро сдал штабные дела и стал гото-

виться к отъезду. В обкоме посоветовали пробираться туда тайно. В Ялуторовском уезде и по всему Тоболу, где придется плыть пароходами, активизировалось кулачье, агенты офицерского «Союза фронтовиков» и прочая контра.

Операцию тщательно спланировали. Все трое подбирают себе по нескольку вполне надежных людей и самостоятельно, по одному-два человека секретно пробираются в определенные пункты: группа Сапожникова — в Березово на севере Оби, чтобы там пресечь возможный побег Романова к Карскому морю; группа Авдеева — на тракт Тобольск — Ишим, на перехват путей, ведущих в южные степи и на Дальний Восток; Хохряков со своими людьми следует прямо в Тобольск. Эта уральская застава должна предотвратить освобождение Николая Романова монархистами. (Группа Сапожникова в пути задержалась.)

Для большей конспирации из Екатеринбурга в Тобольск первой поехала Таня Наумова — семнадцатилетняя большевичка с деревообделочного завода, сестра Константина Наумова, последние месяцы работавшая машинисткой в штабе у Хохрякова. Ее мать жила в деревне недалеко от Тобольска. Хохряков крепко подружился с Костей с первых дней приезда в Екатеринбург, поселившись у него на квартире, где живет и Таня. По душе ему пришлась эта веселая, смелая, не по годам серьезная девушка. И как-то само собой пришла в голову мысль: пусть она едет в район Тобольска на житье к своей матери, а он следом за нею, переодевшись в штатское, поедет туда же как ее жених.

На правах «жениха» Хохряков несколько дней живет в доме у будущей «тещи», ведя активную разведку в сторону Тобольска. Оказалось, что в город только что прибыл с отрядом из Омска чрезвычайный комиссар Тобольска А. Ф. Демьянов, назначенный сюда Западно-Сибирским облисполкомом. Демьянов, усомнившись в

истинных целях появления здесь моряка, при первой же встрече хотел арестовать его, но балтиец повел комиссара-сибиряка к прямому проводу. После разговора с Голощекиным договорились действовать сообща: задача одна — не допустить побега Николая II.

Хохряков переселился в Тобольск, заняв комнату в доме сбежавшего миллионера Корнилова — как раз напротив бывшего губернаторского особняка, рядом с кабинетом полковника Кобылинского, возглавлявшего охрану царя.

Всю резиденцию вчерашнего царя прямо из окна видно — вот он, ярко-белый двухэтажный дворец бывшего губернатора Тобольской губернии. Восемнадцать роскошных комнат! Между этим дворцом и особняком Корнилова пролегает неширокая улица — раньше она была Дворянской, стала улицей Свободы, губернаторский дворец теперь называется Домом Свободы...

Что изменилось в Тобольске после революции? Почти ничего, если не считать формальную замену некоторых названий и вывесок. Сообщения, поступавшие в Екатеринбург, подтвердились полностью: Советской власти здесь фактически нет. По словам И. Я. Коганицкого, посланного сюда Московским комитетом большевиков для революционной работы, отряд охраны губернаторского дома раскололся на две части: большинство георгиевских кавалеров, избрав в отряде солдатский комитет, фактически вышло из подчинения полковника Кобылинского. Но и городская дума, и Совет, архиепископ Гермоген со своей многочисленной паствой продолжают верно служить несуществующей монархии. Есть, безусловно, и заговор, только вот как вскроешь и ликвидируешь его, если, что вполне возможно, вся местная власть находится в руках самих заговорщиков... Комиссар Панкратов разрешил Николаю распоряжаться по его усмотрению даже имеющимися у него крупными капиталами, сам выписал ему английские и француз-

ские газеты и журналы. В непосредственной близости от дворца стоит у берега исправная шхуна «Святая Мария», готовая выйти в плавание по Иртышу или Тоболу, как только пройдет ледоход. Кем и для чего она приготовлена?

В Екатеринбург срочно выехал нарочный с подробным докладом от Хохрякова о положении в Тобольске и вокруг него. Общий вывод: обстановка весьма сложная, чревата опасными неожиданностями, вывезти Николая невозможно, пока здесь не будет установлена подлинная рабоче-крестьянская власть.

Нарочный вернулся быстро: Уралобком и Уралсовет благодарят за информацию, одобряют намерение Хохрякова и Демьянова организовать перевыборы Тобольского Совета. В комиссию, отвечающую за эвакуацию Романовых из Тобольска в Екатеринбург, дополнительно включили военного комиссара Уральского округа Филиппа Голощекина, что дает возможность оперативнее использовать имеющиеся вооруженные силы, и сюда уже отправляется красногвардейский отряд. В ходе обмена мнениями по телеграфу с Омском облсовет Западной Сибири сообщил, что он так же немедленно отправит в Тобольск еще один отряд.

Хохряков не сидел сложа руки в ожидании, когда вернется нарочный и привезет ему директиву, а сразу приступил к подготовке перевыборов Совета. Какая это Советская власть, если самого председателя горисполкома, пожелавшего осмотреть жилище семьи Романовых, Кобылинский даже на порог не пустил. Господин Писаревский повернулся и ушел, не протестуя. Это не Советская власть, а ширма, прикрывающая всякую контру.

Рабочих в городе мало, но и они разбросаны по мелким предприятиям кустарного и полукустарного типа — кожевники, мукомолы, пимокаты, мыловары, салотопы. А большевиков среди них пока всего двадцать. Хохря-

ков и Демьянов созывают их, ставят перед ними задачи по подготовке перевыборов эсеро-меньшевистского Совета, на этом же собрании избирается партийный комитет, секретарем выбрали Татьяну Наумову.

Сразу же начались рабочие собрания на предприятиях — надо быстрее развенчать всех «временщиков», засевших в органах местной власти, доказать справедливость ленинских Декретов о мире, о земле. На многих собраниях выступает высокий голубоглазый большевик с яркими пуговицами на бушлате и словами «Заря Свободы» на бескозырке. Говорит убедительно, со знанием дела.

Полюбили матроса тоболяки и выдвинули его в новый состав городского Совета. На этих же собраниях, по примеру Питера и Кронштадта, Екатеринбурга и Омска, рабочие записываются в Тобольский отряд Красной гвардии.

В ходе выборов нового состава Совета большевистская организация в городе выросла на пятьдесят человек — это уже сила! Эсеры, меньшевики и прочие сторонники старого режима изгнаны из Совета.

Перевыборы Совета закончились 6 апреля большим собранием в городском драмтеатре. И в тот же день, на первом заседании, вновь избранные депутаты избрали президиум Тобольского Совета, а его председателем — Георгия Александровича Дислера, бывшего политического ссыльного в Тобольске. Через два дня избирается исполнительный комитет, его председателем — Павел Данилович Хохряков, он же и заместитель Дислера. На другой день публикуется постановление исполкома нового состава о том, что вся хозяйственная, административно-политическая и военная власть как в городе, так и в уезде перешла в его ведение.

Бывшего губернского комиссара Пигнатти арестовали. Буржуазную городскую думу распустили, кулацкие земства разогнали. Духовным лицам и прочим за-

претили заниматься антисоветской агитацией, вмешиваться в дела управления городом, предприятиями, учреждениями. Исполком объявил для всеобщего сведения, что он взял на себя и контроль над бывшим губернаторским домом, где содержится в заключении семья Романовых: охрана и сами заключенные теперь подчиняются распоряжениям и указаниям только исполкома Совета. Теперь, когда власть в своих руках, можно практически готовить эвакуацию Романовых в Екатеринбург и снарядить туда же караваны с продовольствием: Уралоблсовет уже перевел сто пятьдесят тысяч рублей.

Потерпев поражение на перевыборах Совета, монархисты усилили подпольную деятельность. Они перешли к прямому осуществлению своего плана — к похищению Николая II. Под видом учителей для «наследника» и «наследниц» сюда приехали француз Жильяр, англичанин Гиббс... Нити заговора стали тянуться к архиепископу Гермогену. В пору своей молодости он вместе с Николаем Романовым служил в гвардейском полку и уже тогда был собутыльником будущего царя. Позднее оказался большим приятелем «лучшего друга» императорской семьи Гришки Распутина, уроженца этих мест. Своим человеком зарекомендовал себя Гермоген при дворе Его Величества и в духовной братии. После убийства Распутина обер-прокурор Синода назначил его архиепископом в Тобольск. По всей вероятности, именно он, Гермоген, посоветовал Керенскому перевезти сюда «самодержца всея Руси» под свою архиепископскую опеку.

Появились упорные слухи, будто бы от губернаторского дома к дому архиепископа имеется тайный подземный ход. Если такой ход действительно есть, то по нему Николай может свободно улизнуть. А может, его уж и нет там? Охрана на месте, часовые сменяются регулярно, а за стенами дворца одна бывшая прислуга...

Эта мысль обожгла Хохрякова. Он и Таня ежедневно видят смену караулов, закрытые ворота ограды губернаторского дома. А что происходит за ними?

Хохряков решил лично удостовериться, на месте ли бывший царь. Пользуясь правами председателя горисполкома, он побывал во дворце и убедился: Николай Романов здесь.

Находясь в Тобольске, Хохряков чувствовал чреватую опасностями обстановку. В Томске образовалось «Временное Сибирское правительство» во главе с эсером Дербером, с ним в контакте — американский генерал Найт. В Тюмени эсеры начали издавать газету «Автономная Сибирь», в Перми они требуют образования отдельной Уральской республики... В Новониколаевске создан эсеровский военный штаб, на Южном Урале оживились недобитые банды Дутова...

Однажды, размышляя о сложности своего положения, Хохряков услышал цокот копыт: прямо к горисполкому шел конный отряд. «Кто это? Отряд Яковлева, о котором телеграфировал Голощекин, или какой другой? Чей?» — лихорадочно работает мысль, а рука уже тянется к телефону на столе, чтобы дать знать в штаб тобольских отрядов. Поздно, они уже под окнами...

Кавалеристы, не торопясь, спешиваются. Одеты и обуты они кто во что, только один из них, передний — командир, видать,— в новой одежде и хороших сапогах со шпорами. Довольно ловко соскочил с коня, бросил поводья ему на шею и, мельком взглянув на окна, быстро зашагал к подъезду. «Если это не яковлевский отряд, то наши заставы задержали бы его»,— подумал Хохряков, взяв со стола бескозырку и плотно надев ее на голову. Правая рука отстегнула крышку длинной кобуры. На всякий случай.

Дверь широко отворилась. Вошел человек среднего роста, сравнительно еще молодой, с интеллигентным ли-

цом. На боку — пистолет, тоже в большой деревянной кобуре.

— Здравствуйте, товарищ председатель,— и с подчеркнутой деловитостью протянул мандат.— Яковлев. Особоуполномоченный комиссар ВЦИКа. Мне предписано вывезти отсюда бывшего царя Николая Романова и его семью.

— Здравствуйте, товарищ правительственный комиссар, я предупрежден о вас,— ответил Хохряков, внимательно читая его мандат, сверяя приклеенную фотографию с лицом прибывшего. Мандат подписан председателем ВЦИКа Свердловым, секретарем Аванесовым и наркомом юстиции Штейбергом. Рядом — правительственная печать.

— Возражений не имею. Что за люди в вашем отряде?

— В моем отряде сто пятьдесят сабель, все уральцы, красногвардейцы из Уфы и Миньярского завода.

— Как добирались?

— От Уфы до Тюмени поездом, с одними седлами, а дальше, получив коней, верхом вдоль Туры и Тобола. Этот путь, надеюсь, известен вам.

— Известен. Как вооружен отряд?

— Кроме сабель все вооружены винтовками, есть два пулемета, патронов достаточно.

— Отлично. Когда и куда вам предписано перевезти семью Романовых?

Яковлев почему-то замешкался с ответом на этот вопрос.

— Бывшего царя необходимо вывезти отсюда как можно скорее, ранее, чем начнется ледоход,— прервал возникшую паузу Хохряков.

— Зачем спешить? Лучше после ледохода, на пароходе эвакуировать их удобнее.

— Для кого удобнее? Для Романовых?

— Давайте сперва устроим моих гусар на отдых,—

перебил Яковлев, оставив без ответа и этот вопрос.— Помещение, надеюсь, приготовлено?

— Вам лично приготовлена комната в доме бывшего купца Корнилова, это всего через улицу от бывшего губернаторского дома, где содержится семья Романовых. Я живу в том же доме, под одной крышей будем. А бойцы вашего отряда разместятся в задней половине того же дома и в ближайших соседних домах. Приготовлены и конюшни.

— Вы должны знать следующее,— в голосе Яковлева прозвучала повелительная интонация,— вы должны знать, что с момента моего прибытия в Тобольск все органы местной власти вместе с Красной гвардией подчиняются мне.

— Это почему же? — спросил Хохряков.

— Во избежание лишних дебатов и трений, могущих помешать быстрому и точному исполнению возложенных на меня полномочий.

— Василий Васильевич, в мандате говорится только о том, что все местные органы власти обязаны содействовать вам в таком деле. О подчинении ничего не сказано.

— О подчинении велено передать устно.

— А если я не подчинюсь такому указанию?

— Тогда я арестую тебя и прикажу расстрелять!

— Меня? Председателя городского исполнительного комитета, избранного народом? — Хохряков побагровел, в голосе зазвучал металл.— Только попробуй! У тебя один отряд — у меня их пять! Стоят они возле исполкома и заставами по всем дорогам вокруг города — не выскочишь!

— Знаю, видел одну твою заставу. Остановили, мандат читали.

— Да, они свое дело знают. Хорошо, что видел, поэтому не превышай своих полномочий. Предлагаю сейчас же вместе поехать на телеграф и по прямому прово-

ду связаться с Екатеринбургом, а еще лучше — с Москвой, с товарищем Свердловым, чтобы уточнить, кто кому здесь подчиняться должен. Таким курсом.

Яковлев отправил свой отряд к губернаторскому дому, после чего представители местной и центральной власти, разгоряченные происшедшим, поехали на телеграфную станцию.

С Екатеринбургом удалось соединиться быстро. Филипп Исаевич подтвердил сказанное Яковлевым:

— Да, он, как чрезвычайный комиссар, наделен особыми полномочиями, все местные органы и красногвардейские отряды должны беспрекословно выполнять каждое его распоряжение. Яковлев потребовал этого, принимая столь ответственное правительственное поручение, и с ним согласились. Но учти, Хохряков, с тебя ответственность не снимается. Персональная ответственность за всю эту операцию Центральным Комитетом и правительством возложена на меня. Я выезжал в Уфу и лично инструктировал там Яковлева. Мы оба с ним отвечаем перед Москвой, а ты — перед Уралобкомом, облсоветом и передо мной лично. Понял?

— Понял.

Но у Хохрякова гвоздем стоит в голове вопрос: почему Яковлев откладывает дело до конца ледохода и не говорит, куда повезет Романовых!

— Николая везти только в Екатеринбург — таково указание ВЦИКа. Живым или мертвым. А почему спрашиваешь, разве еще не ясно?

— Все ясно, Филипп Исаевич. Спасибо.

После разговора с Голощекиным опять перешли на «вы».

— Я готов выполнять все ваши распоряжения, товарищ чрезвычайный комиссар, но прошу считаться и с нашим мнением, ведь мы здешнюю обстановку знаем лучше. Завтра к девяти утра я соберу необходимых людей, кое-что обсудить надо вместе с вами. Приглашаю

быть. Расскажите о своих правах и полномочиях, сообща договоримся о деталях предстоящей операции. Я так полагаю: Романовых надо вывезти в ближайшие два-три дня, до ледохода, иначе вам долго придется куковать в Тобольске. А сегодня советую хорошенько отдохнуть после такой дороги.

Яковлев направился к корниловскому дому, а Хохряков — обратно в исполком, где сразу же прошел к председателю Совета Дислеру, а тот немедленно вызвал к себе Коганицкого, Авдеева, командиров отрядов для согласования единых действий в связи с приездом сюда с важной миссией чрезвычайного правительственного комиссара.

Утром следующего дня собрались опять. Яковлев приехал ровно в девять. Войдя в кабинет Дислера и поздоровавшись, он сказал, не дожидаясь, когда председатель Совета представит его собравшимся.

— Приступим, товарищи. Надеюсь, вам уже рассказали о моих полномочиях,— и выразительно поглядел на Хохрякова, сидевшего рядом с Дислером.— Мне остается лишь разъяснить возложенную на меня правительственную задачу, которая может быть успешно выполнена при вашем всемерном содействии. Но сперва прошу ознакомить меня с обстановкой в городе и его окрестностях, а также на пути следования до Тюмени. Мне надобно знать количество местных вооруженных сил, их вооружение, где и как они расположены. Этими сведениями я вчера интересовался у начальника охраны Романовых Кобылинского, но он оказался весьма неосведомленным по этой части. Начнем с вас, товарищ Дислер. Прошу.

О том, что Яковлев вчера же заходил к Кобылинскому и был у него битых два часа, Хохряков узнал еще ночью от Авдеева. Удивительно было то, что ни правительственный комиссар, ни начальник охраны не догадались пригласить на эту встречу комиссара отряда осо-

бого назначения Авдеева, направленного туда горисполкомом.

— Покажите мне карту расположения отрядов,— попросил Яковлев, когда Дислер закончил свое краткое сообщение.

— Такой карты, к сожалению, у нас пока нет. Не успели сделать, товарищ комиссар. Натурально можем отряды показать хоть сейчас.

— Жаль,— пожал плечами Яковлев.— Еще более жаль, что не имею времени объехать все ваши отряды и посмотреть, каковы они. Сразу после данного совещания должен буду осмотреть губернаторский дом и лично предупредить Романовых о предстоящем переселении, пусть тоже готовятся.

— Разрешите, товарищ комиссар,— поднялся Хохряков.— Предупредить Романовых о предстоящем переезде на Урал надо, но, по-моему, не сейчас, когда мы сами еще не готовы. Предупредим в канун того дня, когда тронетесь в путь-дорогу. Они вполне успеют собраться за одну ночь, мы им поможем. Взглянуть на них сегодня — ваша воля. Между прочим, комиссар отряда охраны Авдеев их тоже еще не видел.

В ходе совещания Яковлев предложил план эвакуации Романовых. Тоболяки внесли свои дополнения в план. Правительственный комиссар принял их неохотно.

В этот же день Яковлев и Авдеев посетили «высокий дом». Вечером Авдеев подробно рассказывал, а Хохряков внимательно слушал и сосредоточенно думал об услышанном. Его насторожил тот факт, что Яковлев при встрече был вежлив с царем и членами его семьи.

И Хохрякову пришла в голову страшная догадка: уж он ли, Яковлев ли перед ними в самом деле? Может, это вовсе другой человек, явившийся сюда с мандатом, отнятым у настоящего Яковлева после его отъезда из

Уфы? Голощекин, подтверждая по прямому проводу полномочия Яковлева, лица ведь его вчера не видел. Схожесть фотографии на мандате с лицом Яковлева еще ни о чем не говорит — приклеить одну вместо другой легче всего...

Чем больше размышлял председатель Тобольского исполкома над фактами, сопоставляя их со своими подозрениями, тем сильнее убеждал себя в собственной правоте. И решил еще раз поговорить с Екатеринбургом.

На этот раз Голощекина на месте не оказалось. Пришлось поделиться сомнениями с одним из его помощников. «Не страдаете ли вы излишней подозрительностью? — услышал в ответ.— А впрочем, на месте вам должно быть виднее, действуйте по обстоятельствам».

Как же быть? Арестовать Яковлева? А за что? За то, что он вежливо обращался к Николаю и членам его семьи? Но ведь это идет, может быть, только от его интеллигентности — был библиотекарем в Николаевской академии Генерального штаба, три иностранных языка знает. А ведь за дело-то, которое ему поручено, взялся он энергично. Арестуй его сейчас — кто завершит дело государственной важности: таких полномочий от правительства, как у него, ни у кого нет... Начнутся объяснения перед Москвой, то да се, а Иртыш и Тобол тем временем вскроются. Каждый час дорог.

Революционная совесть подсказала: Яковлева пока не трогать, арестовать его и в дороге можно. Главное — как можно быстрее протолкнуть Романовых до Тюмени, а там железная дорога и Екатеринбург рядом — Филипп Исаевич встретит и сопроводит дальше как положено. А чтобы Яковлев не успел натворить чего в пути — пресечь всякую такую возможность.

Так и порешили тобольские большевики, собравшись без Яковлева. Властью горисполкома немедленно смени-

ли старые караулы в губернаторском доме и вокруг него: вместо царскосельских георгиевских кавалеров везде поставили екатеринбургских, омских и тобольских красногвардейцев. К отряду Яковлева на весь путь его следования решили присоединить дополнительный конвой из своих надежных красногвардейцев, кроме того, позади и впереди всего конвоя выставить группы боевиков, подчиняющихся только Авдееву, хотя он, Яковлев, будет возражать.

— За последствия отвечаю я,— категорически заявил Хохряков.— В случае чего ссылайтесь на меня и на решение горисполкома.

Узнав о таких решениях, Яковлев действительно возмутился, увидев в них недоверие к себе. Но поделать ничего не мог: комиссаром губернаторского дома тем же решением Совета назначен по совместительству председатель исполкома Хохряков. Ему теперь подчинен и комендант Кобылинский.

Гвардейцам старой армии выдали жалованье за службу в Тобольске после Октябрьской революции и объявили о их демобилизации.

Церемония торжественной передачи постов старыми гвардейцами новым, советским, происходила на небольшой площади перед тем же домом, который они охраняли. С одной стороны выстроился взвод одетых в парадные мундиры царскосельских гвардейцев, а с другой стороны, напротив этого взвода, выстроилась красногвардейская братва, одетая и обутая во что попало: кто в засаленном полушубке, кто в пальто, кто в старенькой шинельке... Большинство — в подшитых валенках, с кожаными запятниками. Вооружение у них тоже разное: у кого — аршинный револьвер системы «Лефаше», у кого — пулеметная лента через плечо, а в руке — берданка системы «Гра». О ранжировке не приходится и говорить: рядом с саженным Костей Украинцевым, слесарем, стоит токарь со Злоказовского завода Ваня Кра-

шенинников, ростом чуть ли не до пояса Украинцеву... Изумление отразилось на лице Кобылинского при виде такой новой охраны бывшей царской семьи[1].

Ночью на 26 апреля многие в Тобольске не спали: шли последние приготовления. За трое суток перед этим было сделано максимум возможного. Организовали целый поезд в составе около двадцати троек и парных повозок, так как Александра Федоровна с разрешения Яковлева приказала грузить массу вещей и забрала с собой почти всех сопровождающих приспешников, хотя больного Алексея и его сестер, кроме Марии, пришлось оставить до водного пути.

В пути может понадобиться не только колесный, но и санный транспорт — снег еще не везде сошел, а может выпасть и новый, поэтому рядом с тарантасами к четырем часам утра выстроились и сибирские кошевы на полозьях.

Хотели отправить в пять, но снова показала свой характер высокочтимая «Алиса». Обнаружив, что вместо трех назначенных ею в дорогу слуг сидят в тарантасе только двое, она потребовала обязательно взять третьего. А свободных мест больше нет — багажу оказалось больше, чем было заявлено. Яковлев приказал найти еще одну повозку — и люди побежали искать ее по соседним улицам.

Хохряков подозвал к себе Авдеева:

— Смотри в оба. Из наших конвойных подбери нарочных с лучшими скакунами и держи их поближе к себе, чтобы немедленно послать ко мне, как только заметишь что-либо неладное.

Уже рассветало. Шесть часов. Наконец-то все на своих местах. Яковлев отдал последнюю команду «Трогай!» и сел рядом с Николаем в крытый тарантас с трой-

---

[1] Воспоминания Д. М. Чудинова.— ПАСО, ф. 222, оп. 2, д. 483.

ной упряжкой. За ними в такой же упряжке, но в крытой карете разместились мать с дочерью, а дальше, в более скромных возках,— Долгоруков, Боткин и все остальные. Впереди и позади поезда, на некотором расстоянии от него, двинулись уфимские конвойные с пулеметами на возках. Кавалерийская разведка пошла впереди всех, а позади, следом за поездом, на приличном расстоянии от него, но не теряя его из виду, идут конники Авдеева.

«Как будто все в порядке,— думает Хохряков, обозревая длинную вереницу лошадей и повозок, сидя верхом на коне. Они двигались на юг.— Но, пожалуй, надо еще отрядик послать в распоряжение Авдеева, для пущей надежности»,— в последний момент решил Хохряков. Поеживаясь от сырого ветра в своем не ахти каком теплом бушлате, он проводил колонну до переправы через реку.

Лед на реке уже покрыт талой водой. Прочность его ненадежна. Пришлось отстегивать пристяжных и переводить их на другой берег под уздцы, а уже за ними, на одних коренниках, с помощью конвойных, переправлять тарантасы и прочее.

Когда переправа закончилась и необычный поезд скрылся из виду, Хохряков пришпорил буланого и, снимая по пути часовых, расставленных им с вечера, промчался прямо в исполком, где должен быть неотлучно, пока не получит сообщение от Авдеева о прибытии в Тюмень. По расчетам, если все будет в порядке, они прибудут туда через двое суток

Но не прошло и суток, как председателю пришлось покинуть исполком, оставив у телефона своего заместителя: Гермоген устроил крестный ход по случаю отбытия «наместника божия». Славословит, опять провозглашает «многие лета», призывает мирян «верно служить царю-батюшке»...

Хохряков с красногвардейцами в ночь на 27 апреля пошел делать обыск в архиерейском доме.

Гермогена в покоях не оказалось, но он только что был здесь — бежал, не заправив постель и растеряв бумаги. Собрали бумаги на полу, заглянули в письменный стол. В тайниках обнаружили секретную переписку, печатные антисоветские воззвания и прокламации.

А Тюмень между тем молчит, хотя идут уже третьи сутки. Почему она молчит? Куда девался Авдеев?

Однако все обошлось: вскоре поступило сообщение о прибытии царя в Тюмень, откуда его затем отправили в Екатеринбург.

* * *

После двухмесячной трудной и напряженной командировки, какой была поездка в Тобольск, Хохрякову требовался отдых. Но моряк за последние пятнадцать месяцев, с февраля семнадцатого, ни дня отдыха не видел. Вот и сегодня прямо от Дома особого назначения он поспешил к Голощекину, а через час появился в штабе Резерва Красной Армии. Пришел сюда не затем, чтобы снова принять на себя обязанности начальника этого штаба, ему поручено экстренно формировать отряд по борьбе с контрреволюцией.

В Екатеринбурге и по всему Уралу ежедневно идет запись добровольцев в регулярную Красную Армию, переформировываются в армейские части и красногвардейские отряды Резерва. Пока сформирован Первый Уральский стрелковый полк. Он в начале мая выехал к Оренбургу, туда же отправлен кавалерийский эскадрон Гергенса. В Челябинске к ним присоединилась легкая четырехпушечная батарея — этот Сводный отдельный отряд под командой Блюхера уже дерется с крупными силами вновь поднявшего голову казачьего атамана Дутова. Захватив Верхнеуральск, полковник Дутов снова стал угрожать всему Южному Уралу, и как по сигналу опять активизировалось кулачье: в ряде уездов вспых-

нули антисоветские мятежи, они создали опасность горнозаводским районам, приостановили отправку хлеба промышленным центрам Республики.

— Вижу, Павел Данилович, устал ты, даже похудел, хотя в хлебном краю был. Хорошо бы тебе сейчас в родной деревеньке пару недель пожить, а заодно и семью перевезти сюда, как было решено зимой.

— Хорошо бы, но ведь...

— Вот именно: опять обстановка не позволяет. Отдохнем при первой к тому возможности, а пока не до этого,— и Голощекин, тяжело вздохнув, сочувственно пожал ему руку.— Организуй отряд побыстрее и двигай в те же края, откуда только что прибыл,— места тебе знакомые. Дави там контру и шли побольше хлеба!

В эти дни восстали белочешские легионы. Пятьдесят тысяч чехов и словаков, оказавшись в русском плену во время мировой войны, Временным правительством были сведены в корпус и заново полностью экипированы. Но Керенский не успел отправить их на фронт против Германии. Совет Народных Комиссаров разрешил бывшим военнопленным, оставив принадлежащее России оружие, эвакуироваться в Западную Европу через Владивосток. Десятки эшелонов растянулись по железной дороге от Пензы до Тихого океана, увозя с собой вопреки указанию Советского правительства и все оружие...

Молодая рабоче-крестьянская Республика остро нуждается в винтовках, пулеметах и орудиях для собственной обороны; оружие, увозимое за границу, может быть использовано империалистами в войне против Советской России, которую они уже начали. Совнарком дал указание приостановить движение чехословацких эшелонов на Восток. Контрреволюционное офицерство спровоцировало солдат на восстание.

В ночь на 27 мая белочехи, стоявшие на станции двумя эшелонами, разоружили в Челябинске маленький

гарнизон (основные силы красных за неделю перед этим уехали на дутовский фронт) и захватили весь город. До зубов вооруженные мятежники сразу же частью своих сил двинулись на запад — к Златоусту, и на север — к Екатеринбургу.

Пуще прежнего загудели в Екатеринбурге заводские и паровозные гудки, созывая красногвардейцев по боевой тревоге. Сильный враг рвется к столице Урала, а защищать ее почти некому: Первый Уральский полк — на дутовском фронте, к тому же теперь отрезан; Второй Уральский полк еще только формируется в Екатеринбурге. Седьмой Уральский — в Перми... Всего на Урале, по плану областного военного комиссариата, должно быть создано 30 стрелковых и один конно-стрелковый полк, но пока в них только по три-четыре роты и даже меньше...[1]

Хохряков энергично готовится к выполнению своей задачи. Красногвардейский отряд Шестого района города переименовывается в Отряд карательной экспедиции Тобольского направления — его требуется получше вооружить, одеть и обуть, обеспечить продовольствием на первое время, подобрать санитарок.

Вооружиться, как хотелось, не смогли. Вместо батареи получили одно трехдюймовое орудие, но и оно без... прицельной рамки. Вместо медицинской сестры санитарную сумку надела болторезчица Монетки Лена Махнева, а в сумке у нее одни бинты да йод...

Утром 12 июня триста красногвардейцев — рабочие бывшей Макаровской фабрики, заводов Кроля, Чистякова, Монетки, станции Шарташ — колонной с двумя оркестрами от штаба Резерва Красной Армии двинулись к вокзалу, где их встретил комиссар продовольствия Петр Войков.

---

[1] См.: Васьковский О. А. и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969, с. 46.

— Наведите там революционный порядок — и хлеб у нас будет,— сказал он Хохрякову и его товарищам.— А сейчас нечего вам даже на дорогу дать,— с этими словами подошел к казначею отряда Михаилу Абакумову и подал ему две охотничьи сумки, по миллиону рублей «керенок» в каждой.— Продовольствием обеспечивайте себя сами,— и вручил пистолет для охраны отрядной кассы.

В Тюмень прибыли 14 июня и сразу же оказались во фронтовой обстановке: 12 июня белочехи захватили Омск, и сюда, в Тюмень, только что прибыла Омская флотилия под командованием военного врача Валентина Кангелари. В день восстания белочехов он возглавил отряд омских коммунистов, руководил ими в бою, а когда остатки красногвардейских отрядов стали эвакуироваться на пароходах вниз по Иртышу, прапорщик запаса Кангелари забирает все встречающиеся на пути речные суда. Так, к Тобольску у него набралось до трех десятков различных судов.

С Омской флотилией сюда прибыл чрезвычайный комиссар по продовольствию Николай Усиевич, посланный в Сибирь Петроградским военно-революционным комитетом. Он ежедневно отправлял из Западной Сибири по двести тысяч пудов хлеба, поэтому каждый день его пребывания здесь очень важен для Республики, но пришлось отступать, всячески сдерживая врага и по возможности сохраняя силы, чтобы выигрывать драгоценнейшие дни и часы.

Чрезвычайный продовольственный комиссар взял на себя функции председателя военно-оперативного штаба Западной Сибири, из Тюмени он связался по телефону с находящимся в Екатеринбурге членом Высшей военной инспекции Берзиным, которому ВЦИК поручил организовать борьбу с контрреволюцией на Урале и в Сибири. В Екатеринбурге создается штаб Северо-Урало-Сибирского фронта под началом Р. И. Берзина, а Н. Уси-

евич становится комиссаром Тюменско-Омского направления. Здесь выделяется два главных направления: Ишимское и Тобольское. Всем Тюменским фронтом командует А. И. Акулов. На Тобольском направлении, лишенном железнодорожных путей, хорошую службу сослужит речная флотилия. Но кто ее возглавит? На днях создан штаб флотилии, председателем избран Акулов, командующим назначили Роберта Эйдемана, а ведь нужен военный моряк.

Эта проблема сразу решилась, как только в штаб явился Хохряков. В бушлате, в бескозырке — это ли не флотоводец на сибирских реках! К тому же он не новичок в этих местах — его знают здесь хорошо.

Хохряков не раздумывал, когда ему предложили командовать флотилией: раз надо, так надо! Река — не море. К тому же на каждом пароходе свой капитан, свои рулевые, машинисты, сигнальщики. Стрелять придется главным образом по берегу, а в таком деле могут пригодиться и его скудные знания по артиллерии, полученные на корабле.

Переходя со своим пешим отрядом на суда, Хохряков приказал единственную пушку без прицельной рамки установить на флагманский буксирный пароход «Ермак». Тюменские рабочие помогли быстро подправить эти суда, «забронировать» их мешками с песком вдоль фальшбортов на палубах, а женщины наготовили белья, бинтов, напекли хлеба. Продовольствием и Тюмень не смогла снабдить отряд полностью.

— Убрать трапы! — приказал командующий, поднявшись на мостик «Ермака», придерживая на ветру свою бескозырку с развевающимися лентами.— Отдать концы!

Всему отряду с первого дня пришлось заниматься не только боевыми операциями, но и заготовками продуктов, закупая по деревням где что придется — зерно и муку, овес и картошку, квашеную капусту и прошло-

годнюю редьку. Конные разведчики получили задание узнавать не только о расположении противника, его вооружении и прочем, но и о том, что и сколько можно купить в окрестных селах из фуража и продуктов. Революционная совесть требует: бесплатно у населения не брать ни фунта, мародерство пресекать решительно. С кулаками разговор другой — у них реквизировать все и раздавать голодающей бедноте, беря себе самую малость, и грузить в баржи для отправления трудящимся городов.

Флотилии поставлена задача: остановить продвижение белых от Тобольска на юг, не допустить их к Тавде и Тюмени с севера.

* * *

Все одиннадцать судов, спустившись по Туре к Тоболу, развернулись против течения и встали одно за другим посередине реки. Сильно дымя, они издали могли показаться могущественной эскадрой, тогда как на всю эту «эскадру» имелась только одна, все та же трехдюймовая пушка без прицельной рамки да несколько пулеметов, главное ее оружие — винтовки.

Хохряков на шлюпке перебрался к «Отважному», приказал капитану развернуться.

Поблизости, справа и слева, поплыли заросшие лесом берега, впереди — блистающая на солнце зеркальная полоска воды, обрывающаяся за недалеким поворотом. На повороте и увидели вскоре дымок, а возле костра разглядели в бинокль двух человек.

— Капитан, подойди к берегу неподалеку от них и объяви аврал: прикажи белье вывесить для просушки, и все такое. Людям с оружием спрятаться за фальшборт и быть в боевой готовности номер один! — скомандовал Хохряков.

«Отважный» ничем не отличается от обычных буксирных пароходов на местных реках: не видно пулеме-

тов, нет мешков с песком на бортах, даже не убраны широкие дуги, перекинутые с борта на борт в кормовой части для скольжения по ним троса при буксировке барж. К такому сами подойдут те двое, если оно, ошвартовавшись у берега, займется большой приборкой. А иначе убежать могут — ищи тогда других «языков».

Едва судно причалило к берегу, к трапу подошли два офицера: один — во флотском кителе, другой — в армейском.

— Вы, граждане, белые? — уверенно спросили с берега.

— Белые. Заходите, ваши благородия!

— Ба, старый знакомый! — удивился Хохряков, опознав мичмана Плетнева с броненосца «Император Александр II».— Вот где встретиться довелось! Давай рассказывай, как здесь оказался, что поделываешь в краю сибирском.

Мичман тоже узнал своего бывшего подчиненного — активного большевика, за которым он, Плетнев, долго охотился в ту пору, стараясь изобличить его в «подрыве устоев империи» и передать жандармам. Не обрадовался мичман такой встрече с человеком, который в марте семнадцатого, узнав о начавшемся восстании в Петрограде, поднял восстание в двух батальонах Кронштадтского полка, участвовал в казни адмирала Вирена на Якорной площади и был избран членом судового комитета на своем корабле. Когда корабельный матросский суд приговорил к смертной казни капитана 1-го ранга Повалишина, он, мичман Плетнев, бежал на берег и скрылся, а кочегар Хохряков сорвал старую ленту с бескозырки и надел новую с надписью «Заря Свободы». Вот она, та самая бескозырка, и сейчас у него на голове...

Хохряков пристально рассматривает пленника в упор и, темнея лицом, вспоминает, как этот мичман то и дело заводил с ним беседы на политические темы, клял по-

мещиков, сочувствовал беднякам — провоцировал на откровенный разговор.

Ничего не сказал мичман Плетнев на допросе. Ни о том, с кем и как улизнул из Петрограда, ни о том, что делает в этой глухомани...

— Вынюхивал и здесь, гадина! — вскипел Хохряков.— Командир взвода, выведи обоих на берег! — и сам пошел следом за ними, чтобы именем народа привести в исполнение тут же вынесенный смертный приговор.

В тот же день другой буксирный пароход «Конда», подойдя в сумерках к устью Туры, тоже обнаружил костер на берегу. Подошли ближе и увидели бородатых крестьян в лаптях.

— Куда плывете? — послышалось с берега.

— А вы что тут делаете?

— Мы здешние, на перевозе робим!

Ткнулись форштевнем в берег, по сходням сошли к ним. На березовой палке над костром висят котелки, на траве — полог с хлебом и ложками, по всему видать — к ужину готовятся перевозчики. Стоп: откуда у бедняка в лаптях золотой зуб во рту?

Окружили их вместе с котелками и ложками, потянули одного «крестьянина» за бороду — она в руке осталась...

— Связать всех! — приказал капитан «Конды» Вепрев.— Где ваше оружие?

— Какое у нас оружие, братцы, мы — перевозчики.

— Увести на пароход!

Отошли от берега, вышли на широкий плес. Обойдя мыс, увидели четыре парохода, идущих навстречу. Обрадовались, думали, что тавдинские товарищи идут на соединение.

— Замедляйте ход и проходите вперед, вы от нас не уйдете! — вдруг прогремело в рупор.

Белые...

Разгрома избежали чудом.

Когда «Конда» не подчинившись приказу белых, начала круто поворачиваться на обратный курс, с вражеских пароходов по ней ударили пулеметы и грохнул орудийный выстрел. Шрапнель прошла над самой трубой и зашумела по воде перед носом. «Конда» ответила огнем двух пулеметов и двадцати винтовок. Через минуту один пулемет смолк — ранен пулеметчик Буренин. Капитан уже хотел высадиться на берег, чтобы укрыться с людьми в лесу, и стал давать отчаянные гудки. «Конда» загудела на разные голоса во всю силу своей медной глотки, словно прощаясь с родными бойцами, а белые подумали, что на помощь красным спешат еще несколько пароходов, и дали тягу...

«Конда» благополучно вернулась к «Ермаку». Выслушав доклад о первом «морском» сражении, Хохряков сам допросил «крестьян». Все они — офицеры и не скрывают этого. Посланы атаманом Семеновым — эвон откуда пожаловали, от Читы.

Подойдя к селу ближе, послали разведчиков осмотреть его.

— Скажи, чей это дом? — спросили у мужика о большом двухэтажном доме на берегу.

— Как тебе, паря, сказать. Жил тут буржуй — не буржуй, купец — не купец, а персона, брат, большая была. Когда хозяин этого дома прибывал сюда из Питера, то сам митрополит тобольский приезжал встречать его с иконами, хоругвями да с колокольным звоном — вот, брат, какой человек был! А по-нашему, помужицки сказать — дом этот конокрада и вора коров Гришки Распутина был.

Штаб сошел на берег и разместился в доме Распутина. Жена Григория Распутина, забитая и невзрачная деревенская женщина, упрашивает не ставить на крышу пулемет. А как его там не поставить, если лучшего места не сыскать — видно кругом, обстрел хороший.

Разведка «Отважного» и «Конды» показала: противник совсем близко, он готовится к наступлению на Тюмень. Командующий приказал всей флотилии готовиться к предстоящим боям и сам занялся тем же.

Главный наблюдательный пункт решили оборудовать на церковной колокольне — видно на пять верст вокруг.

Оттуда, с колокольни, и донесся сегодня сигнальный выстрел, нарушивший предвечернюю тишину. По этому сигналу, согласно боевому расписанию, почти весь отряд с пароходов высадился на берег и залег в цепи. На кораблях остались только пулеметчики и артиллеристы, также приготовившие свое оружие к бою, да машинисты с кочегарами, сразу начавшие поднимать пары. Над железными трубами огненными столбами взметнулись искры, а темно-бурые клубы густого дыма от сырых дров заволокли всю реку.

Группы разведчиков, высланные для прочесывания окрестностей, обнаружили противника быстро: со стороны кладбища послышалась перестрелка. Хохряков и Кангелари подняли свои цепи и повели их в наступление.

Первое сухопутное столкновение с противником тоже было коротким. Отряд белогвардейцев, подойдя к Покровскому по тракту, послал через кладбище разведчиков, которые при столкновении бежали обратно, а их отряд, не зная сил красных, боя не принял и отступил.

Обстановка прояснилась еще больше: враг здесь. Покровское объявляется на военном положении. Решено стоять здесь заслоном, перекрывая противнику все пути к Тюмени.

Сидели в окопах пять дней. Белых нет. Далеко уйти они не могли, а не показываются, наверное, потому, что готовятся к большому наступлению — надо идти на них и атаковать.

Всей флотилией двинулись вниз по Туре, ведя конную разведку вдоль берегов. Разведка донесла: встретились! Отряд Кангелари высадился на берег, но противник опять боя не принял. Узнав о приближении большого числа вооруженных красных пароходов, пароход белых, приняв пехоту, подался в сторону Иевлево, где сосредоточены крупные их силы. Штаб принимает решение готовить флотилию к походу на Иевлево, а слесарю депо станции Екатеринбург-1 Григорию Шестакову, командиру отделения на «Оке», тут же дается ответственное задание: спуститься вниз по Тоболу и смотреть в оба.

В разведку на «Оке» ушло девять красногвардейцев с винтовками и одним пулеметом. В сумерках они увидели костер на берегу. «Ока» развернулась и встала на якорь, а четверо сели в лодку и высадились на берег. Возле костра увидели четырех безоружных, в сторонке — рыболовные снасти.

— Кто такие? — спросил Шестаков.

— Рыбку приехали половить. Вооруженных людей не видели, да и откуда им быть здесь — место глухое, болотное.

Вернулись на пароход и пошли дальше.

— Стой! Стрелять будем! — крикнули из кустов и дали по «Оке» винтовочный залп.

Рулевой быстро положил руля право на борт для крутого разворота на обратный курс, но река здесь узкая, и «Ока» форштевнем ткнулась в берег. Дали полный задний — оторвались от берега, полный вперед — и вверх по реке. Позади дважды ударила вражеская пушка, но снаряды пролетели мимо. После этого беляки перешли на шрапнель и осыпали «Оку» картечью. Пулеметчик Иван Чердынцев вскрикнул от боли, но боевого поста не покинул, попросил поливать раненую ногу водой и, превозмогая боль, посылал по врагу длинные очереди.

Благодаря хорошему ходу «Ока» оторвалась от противника, но два его парохода шли следом.

Приняв ночью рапорт Шестакова, Хохряков приказал всем своим кораблям к утру быть готовыми к бою. Когда стало светать, он разглядел в бинокль два неприятельских парохода — «Товарищество» и «Марию». Это была та самая «Святая Мария», которая зимой стояла в Тобольске и ждала весны, чтобы, забрав семью Романовых, податься с ними в Обскую губу.

«Ермак» и еще четыре корабля двинулись им навстречу. Хохряков, спустившись с капитанского мостика, встал к орудию сам и, прицелившись по «Марии» через открытый ствол, скомандовал:

— Заряжай!

Трехдюймовка грохнула добросовестно, но первый снаряд прошел мимо цели. Пушка, установленная колесами на брусья с растяжками, при отдаче сбилась со своего места, скользнув по палубе в сторону и назад. Когда ее поправили и снова закрепили, командующий успел опять прицелиться и вторым снарядом попал прямо в носовое орудие. Тремя следующими повредил ходовую рубку и винт, пробил борт — «Святая Мария» беспомощно закружилась на воде. «Товарищество» попытался взять ее на буксир, но тоже получил снаряд в левый борт, течением оба судна понесло вниз по реке...

— Добивай, а я погляжу, что кругом делается,— сказал Хохряков командиру орудия и кинулся по трапу на капитанский мостик.

Вдали, за двумя подбитыми кораблями белых, он увидел дымки приближающихся еще трех вражеских пароходов.

«Ермак», исполняя приказания командующего, маневрирует на воде и все время находится в таком положении, при котором его пушка может беспрерывно вести прицельный огонь вдоль реки по вражеским судам и по

берегу, активно помогая отряду Кангелари гнать белогвардейцев по суше.

Бой на воде и на суше закончился победой. Приняв донесение о потерях и повреждениях, Хохряков по телеграфу доложил об этом в Тюмень Усиевичу.

Поздно вечером, оставшись в каюте один, Хохряков пишет во фронтовую газету о первом крупном «морском» бое на Тоболе. Не столько о бое прошедшем, сколько о предстоящих. «Дорогие товарищи! — начал он.— Принимайте зависящие от вас меры для посылки нам всего требуемого: самое главное — пушек, артиллеристов, пулеметчиков и снарядов. Если все это будет у нас, то мы готовы драться хоть с самим владыкой ада... На днях у нас был бой морской... У меня флагманский головной корабль с трехдюймовым орудием и тремя пулеметами. Кораблишко, конечно, невидный, адмирал-то я тоже не особенный, а против меня вышла морская бригантина, которой командовал офицер флота. Дело, братцы, было горячее, в продолжение двух с половиной часов мы жарили один в другого из орудий и пулеметов, находясь на расстоянии двухсот саженей. Враги на палубах своих кораблей подставили под выстрелы наших пленных товарищей. В конце боя, когда мы, лавируя, отступали и наступали, противник оттеснил нас верст на десять. Но, сделав два удачных маневра, мы стали бить морскую бригантину... Теперь враги стягивают большие силы в Бачелино, укрепляют там позиции, есть даже проволочные заграждения. Чтобы взять это, надо силу...»

Дело пошло уже к утру, и он, не раздеваясь, свалился на койку.

Утром половина отряда пошла на пароходах вниз преследовать беляков, остальные двинулись по левому берегу. Так, с небольшими боями, дошли до Иевлево, расположенного на высоком берегу Тобола. Здесь остановились, чтобы через сутки наступать дальше — на

Бачелино, а там и на Тобольск. Тем более что флотилия пополнилась крупным конным отрядом председателя исполкома Тобольского Совета Матвеева — он пробился сюда с боями, знает силы и расположение противника. Давнего соратника Хохряков назначает своим заместителем.

Наступление в сторону Тобольска не состоялось. Утром получили приказ немедленно отступать: противник рвется к Тюмени с юга, флотилии грозит окружение... Следом другой приказ: «Отряду отправиться на Ирбит пешим порядком, противник у самой Тюмени...»

На экстренном заседании Военного совета в составе Кангелари, Дислера, Матвеева, Ваньяна, Васильева, Назарова, Терентьева, Вепрева, Абакумова Хохряков огласил только что полученные приказы и сразу же высказал свое мнение:

— С последним приказом я не согласен, товарищи. Пусть меня накажут, если я окажусь не прав, но бросить сейчас флотилию и пешком топать по тайге, чтобы не попасть в окружение, это похоже на бегство. Флотилию, ее боевые возможности мы сегодня знаем лучше, чем кто-либо. Мы уже побывали с нею в деле, имеем опыт. Не отступать нам надо, побросав корабли, а наступать всей флотилией в сторону Тюмени. Этим часть вражеских сил отвлечем на себя, чем активно поможем защитникам города. Если же отстоять Тюмень не удастся, то наша флотилия может принять много ценных грузов для эвакуации их на Урал: в руки врагов эти грузы не попадут, а нам они пригодятся. Флотилия, если мы сейчас не бросим ее, еще повоюет в верховьях Туры. Таким курсом.

Предложение Павла Данилыча не лишено риска — оно более чем смелое: в случае неудачи Хохрякова ждет расплата за непослушание вышестоящему командованию. Но оно обосновано с учетом реальной обстановки и продиктовано стремлением как можно шире использо-

вать в борьбе с врагами немалые возможности вооруженных речных судов. А бросить их будет не поздно в любом другом месте. Так и решили [1].

Против течения шли три дня, ведя усиленную разведку по реке и обоим ее берегам. К Тюмени пришли на рассвете, нигде не встретив противника. Командующий, взяв пятерых бойцов, пошел с ними в город. Поразила тишина на улицах: нигде не видно ни одного человека. Не оказалось и часовых у входа в штаб фронта. В здании штаба, возле столов и на ступенях лестницы, валялись брошенные в спешке бумаги. Судя по всему, город оставлен, а противник в него до сих пор еще не вступил.

Возвратились на «Ермак». Хохряков собрал коммунистов и всех беспартийных капитанов, доложил им обстановку в городе, приказал всем судам немедленно двигаться вверх по Туре. У причала стояло еще тринадцать пароходов, не принадлежащих флотилии, приказал отходить и им.

Пошли медленно, с трудом преодолевая мелководье, возникшее в результате засушливого лета. Чтобы не дать противнику сильно наседать на хвостовые суда, Хохряков приказал разбить стоявшие у берега плоты и пустить по реке навстречу вражеским пароходам сотни бревен. Но враг наступал и по суше: белогвардейцы открыли стрельбу с правого и левого берегов. Для борьбы с ними пришлось высадить конные и пешие дозоры. Возле деревни Панково на мель село сразу несколько пароходов — их взяли на буксир, потянули руками за веревки, как волжские бурлаки.

А дальше Туринска плыть вовсе нельзя — здесь река нынче совсем несудоходна. Да и незачем плыть дальше — бои уже идут под Екатеринбургом. Надо пере-

---

[1] См.: Шестаков Г. А. В отряде матроса Хохрякова.— В боях и походах. Свердловск, 1959, с. 97—107.

ходить на сушу и по железной дороге скорее следовать туда.

По телефону из Туринска дозвонились до штаба Северо-Урало-Сибирского фронта в Екатеринбурге. В штабе обрадовались: флотилия сохранена, отряд не попал в окружение — ведь в этом сводном отряде около двух с половиной тысяч, все с боевым опытом. Уверенно ставь на любой участок! Приказано задержаться в Туринске и не сдавать его до подхода сюда отряда интернационалистов — он сражался за Тавду и тоже отходит к Туринску. Под Екатеринбургом большие потери, враг стремится обойти город с востока и запада, уже захватил Кузино...

В ожидании тавдинского отряда хохряковцы, сойдя на берег, двое суток с боями удерживают Туринск и все делают для того, чтобы враги не воспользовались пароходами, которых собралось здесь около полусотни. Сняли с машин все золотники и отвезли в лодках вверх по реке, утопили там, приметив для себя место, чтобы, когда вернутся, можно быстро достать их. Выгрузили запасы продовольствия и другие грузы, перенесли в вагоны.

Отряд интернационалистов оказался довольно крупным — до четырехсот бойцов. Это бывшие военнопленные чехи, румыны, немцы, решившие сражаться на стороне красных и добровольно записавшиеся в отряд, сформированный еще в Омске венгерским революционером Бела Куном. Первый командир отряда Имре Силадь погиб в бою с белочехами, теперь им командует Иван Семериков, слесарь Балтийского завода, фронтовик, отправленный на Урал в разгар мировой войны как специалист по установке и наладке станков. Здесь он стал членом Уралоблсовета. Пробившись сюда с боями, его люди сейчас нуждаются в отдыхе: не имея обоза, они оружие и боеприпасы несли на себе, измучены, оборваны, голодны... Накормили, поделились одеждой

и обувью, но отдыхать и им не пришлось — идут бои.

Белогвардейский отряд, налетевший из тайги, встречен сильным огнем. Он залег цепями, перегородив дорогу на Ирбит. Хохряков уже водил своих в атаку и вынуждал врагов к бегству, но и к ним пришло подкрепление — они наступают снова. Отряды Хохрякова, Кангелари, Семерикова дружной контратакой опрокинули противника и разорвали кольцо окружения.

Грузиться в эшелоны решили под покровом ночи. Первый состав уже подготовлен, в полночь он должен подойти к месту последнего боя. Но случилось непредвиденное: машинист, подавая состав к указанному месту, почему-то промчался дальше, а немного погодя в той стороне послышался грохот...

Хохряков сам осмотрел место крушения. Два паровоза, столкнувшись на деревянном мосту, сошли с рельсов и повалились в разные стороны. Машинист и его помощник погибли, кочегар лежит без сознания, десять вагонов разбиты. Враги думали, что из Туринска вышел хохряковский эшелон, и пустили ему навстречу свой паровоз...

Только что вели тяжелый бой с наседающим противником и отбросили его на восемь верст, чтобы иметь возможность сесть в вагоны, и вот оказались без паровоза и без вагонов. В темноте и по пояс в болотной воде стали вытаскивать из разбитых вагонов раненых товарищей, боеприпасы, продовольствие, расчищать путь для нового состава: Хохряков потребовал от начальника станции экстренно подать сюда другой.

Через час — звонок начальника станции: высланный новый состав тоже потерпел крушение... Враги разобрали путь.

Третий эшелон порожняка удалось составить только в середине следующего дня, и, дав еще один бой, снова прорвались из окружения, двинулись к Ирбиту,

В Ирбите отряды Хохрякова и Кангелари спешно переформировываются в два отдельных батальона. Кангелари со своим батальоном занял оборону под Ирбитом, тавдинский отряд Семерикова штабом армии направляется в Лысьву, куда уже проникла по Чусовой вражеская разведка, а Хохряков получил приказ немедленно следовать со своим батальоном в Егоршино.

...К Егоршино эшелон прибыл рано утром. Из вагонов высаживались спешно — рядом шел бой. Со станции — бегом. Позицию заняли под пулеметным огнем врага. В предрассветной мгле неподалеку виднелся темный лес, а когда стало чуть светлее, разглядели копер шахты и два длинных приземистых здания возле леса.

— Надо незаметно подобраться к ним и поджечь,— негромко сказал Хохряков.— Там беляки засели, оттуда им хорошо видно вокруг — вот и поливают нас свинцом. Выкурить их надо оттуда. Добровольцы есть?

— Есть, я пойду.

— И я.

— И я тоже.

Желающих ползти туда оказалось много. Комбат отобрал двух братьев Большаковых, Мещерякова, Шестакова. Проинструктировал. Но сильный пулеметный огонь и отличная видимость со стороны противника не дали подобраться к шахте в светлое время.

Весь день прошел в перестрелке. Видели артиллерийский бой вражеского бронепоезда и нашей батареи, стрелявшей откуда-то из-за станции. И хотя бронепоезд отступил, он понравился Хохрякову — сила в нем большая: может быстро менять позицию, люди и орудия укрыты, как в башнях на броненосце. «Хорошо бы нам такую машину заиметь,— подумал он.— А ведь можно!» — и начал прикидывать план захвата бронепоезда.

К вечеру план созрел до деталей, осталось согласовать его с командирами соседних частей и ждать подходящего момента.

Когда наступила ночь, четверо добровольцев опять поползли к шахте. Через сотню шагов они разделились на две группы: братья Большаковы стали огибать шахтные помещения с одной стороны, двое остальных — с другой. Подползли, облили низ керосином, подложив пакли, и подожгли. Все здания заполыхали одновременно с разных сторон, осветив местность далеко вокруг. И всем стало хорошо видно, как удирают в панике беляки, бросив на вышке свой наблюдательный пункт с пулеметом.

Батальон с боем продвинулся дальше и оказался рядом с Третьим и Четвертым Уральскими полками. Вместе с ними выбили белогвардейцев из Егоршино и преследовали до Сухого Лога. Однако противник быстро ввел свежие крупные силы и перешел в новое наступление.

Положение складывалось серьезное. Захватив Екатеринбург, отборные белогвардейские части пытались сразу же развить наступление по горнозаводской железной дороге и в сторону Егоршинских угольных копей, но были остановлены и на ряде участков даже потеснены обратно. Сейчас противник подтянул свежие, хорошо вооруженные полки и возобновил наступление от Екатеринбурга в сторону Нижнего Тагила и от Сухого Лога — на Егоршино. Одновременно усилил натиск и вдоль железной дороги Екатеринбург — Реж, намереваясь отрезать угольные копи и весь этот важный узел железнодорожных и грунтовых дорог, обойдя его со стороны Режевского завода. Надо немедленно подкрепить этот опасный участок, а в резерве нет ни одного штыка. Штаб дивизии вынужден снять с егоршинского участка батальон Хохрякова, хотя он и здесь нужен позарез.

Выходили из боя группами, стараясь делать это незаметно для противника. Затем построились в колонну. День выдался жаркий, безветренный. Пройдя верст двадцать, сделали привал у речушки, освежились, поели по-походному, всухомятку, двинулись дальше. Без остановки прошагали вдоль длинной деревни.

Войдя в Режевской завод, остановились на центральной площади поселка, расположились на отдых. Но комбату и здесь не до отдыха: он увидел бронепоезд Первого Горного полка и пошел просить его себе. Белогвардейский бронепоезд под Егоршино больше не показывался, поэтому надежд заполучить его не осталось.

Как ни протестовали горняки, Хохряков добился своего, и бронепоезд был придан его батальону.

В штабе Третьей армии Восточного фронта ведется журнал военных действий. Обстановка на фронте к 14 часам 11 августа: «...Алапаевское направление — противник превосходящими силами перешел в наступление с юга и запада на наши части, занимающие станцию Монетная. Превосходство сил противника, а также угроза быть окруженными заставили нашу часть после четырехчасового боя отойти на позиции, что в шести верстах южнее станции Крутиха...»

Вскоре белые захватили и Крутиху. Батальон Хохрякова выступил из Режа, имея задачу вместе с двумя Горными полками не только остановить продвижение противника, но и решительно наступать, чтобы заставить генералов перебросить часть своих сил сюда и тем ослабить их натиск вдоль железной дороги от Екатеринбурга в сторону Нижнего Тагила. Последние дни боев показывают, что белые, не ослабляя наступление здесь, главными силами стремятся выйти к Нижнему Тагилу и отрезать всю Восточную дивизию. Падение Тагила и гибель Восточной дивизии откроют им дорогу на Пермь...

Горные полки, выйдя к разъезду Крутиха, расположились на флангах, а отдельный хохряковский батальон встал между ними — вдоль железной дороги, ведущей прямо на Екатеринбург. Сюда же прибыл бронепоезд, его первый залп будет сигналом для контратаки на Крутиху.

Вот и этот залп! Комбат, подняв цепи, повел их вперед. Рядом бьют по врагу орудия бронепоезда, и впереди, во вражеском стане, вздымаются султаны дыма и земли. Белые не выдержали атаки и попятились, оставив Крутиху.

Батальон, заняв станцию, расположился цепями по обе стороны небольшого деревянного моста на случай контратаки противника, а главная его задача — развивать успех, наступать дальше. Не дав врагу передышки, опять согласовав свои действия с командиром бронепоезда и соседними взаимодействующими частями, Хохряков повел свой батальон в новую атаку. Белогвардейцы, не успев закрепиться под Крутихой, покатились дальше. Их преследовали до потемок.

...Утром 17 августа обстановка резко изменилась: противник ночью получил подкрепление, перегруппировался и опять перешел в наступление как на левом, так и на правом флангах. Отряд рабочих Режевского завода и два Горных полка не устояли перед натиском свежих белогвардейских частей, начали отходить. Противник, пользуясь лесистой местностью, ночью окружил наши части у станции Крутиха. После трехчасового боя красным бойцам пришлось отступить к станции Реж.

Хохряков, услышав стрельбу в тылу у себя, приказал отходить ближе к лесу, к пожарной вышке, где лучше видно обстановку и можно закрепиться, используя опушку соснового бора.

С боем начали отходить по голому косогору, пятясь к вершине и спасительному густому лесу. Здесь залегли

и открыли массированный залповый огонь по наступающему врагу, нанося ему большой урон.

— Прекратить огонь! Прекратить огонь! — вдруг послышались громкие возгласы.

Огонь прекратился. Огляделись, приподнявшись на локтях с земли, и увидели: со стороны белых бежит сюда, в гору, сам комбат! Он, оказывается, отходил с самой последней группой, прикрывая отступление. Сейчас белые открыли огонь по нему — он упал...

— Товарищи! Не оставим командира на растерзание врагам! — крикнул кто-то и побежал вниз по косогору, за ним бросились другие.

— Я живой, товарищи, живой! — крикнул неожиданно вскочивший Хохряков.— Вперед, за мной! — и, взмахнув бескозыркой, а затем надев ее на голову и подняв руку с маузером, побежал обратно.— За революцию! Вперед!

Он слышит за спиной топот множества ног — батальон устремился навстречу атакующему противнику.

— Ура! Ура-а-а! — грозно несется по всему косогору.

Хохряков бежит впереди, не пригибаясь под пулями, с поднятым маузером в руке, в тельняшке, с развевающимися полами расстегнутого бушлата.

— Через речку, товарищи! Занять позицию за мостом!

Вражеские цепи остановились в замешательстве и повернули обратно — они не ожидали такой отчаянной контратаки: на них неудержимо и стремительно катилась с горы людская лавина со штыками наперевес.

Прикрывая отступление своих, из-за леса выскочила дрезина с офицерами и почти в упор хлестнула из пулемета. Хохряков внезапно остановился, словно ударившись грудью о что-то непреодолимое, и повалился прямо на руки Александра Виноградова, станочника спичечной фабрики Екатеринбурга.

— Саша, возьми это себе,— слабеющим голосом сказал командир и подал ему горячий пистолет.— А тебя, Миша,— уже полушепотом сказал подбежавшему Абакумову,— прошу как друга позаботиться о родителях и жене — пенсию охлопочи, Аню на работу устрой... И о сыне — выучить его надо, пусть моряком станет, командиром... [1]

Собрав остатки сил, приподнялся на руках друзей, взглянул туда, вниз, куда продолжала катиться пестрая лавина его бойцов, и сказал последние слова:

— Держитесь крепче, товарищи! Не отступайте, идите вперед! Я умираю за революцию!

Воодушевленные геройским примером комбата, хохряковцы смелой контратакой опрокинули противника и вырвались из окружения. Пробитый двумя пулями, Павел Данилович скончался на руках товарищей, когда его несли к вагону.

Тело комбата из Режевского завода было перевезено в Алапаевск. В траурном поезде в последний путь своего командира провожала группа его бойцов, неся в вагоне круглосуточный почетный караул. На станциях Алапаевска, Нижнего Тагила, Кушвы, Чусовской, Левшино, Пермь-2 — массовые митинги, печальные мелодии духовых оркестров. В Перми, куда после падения Екатеринбурга эвакуированы все руководящие областные органы Урала, гроб установили на орудийный лафет. Многотысячная похоронная процессия с оркестрами и знаменами двинулась к центру города. Страстная, взволнованная речь политического комиссара армии Филиппа Голощекина над могилой. Три прощальных залпа...

«Один из наиболее активных екатеринбургских партийных работников, стойкий боец за свободу и счастье угнетенных масс Павел Хохряков пал смертью храб-

[1] Воспоминания М. И. Абакумова.— ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 237.

рых»,— известил областной комитет партии всех коммунистов Урала.

Оповещая телеграммой свои дивизии о гибели отважного моряка, командующий Третьей армией Р. И. Берзин назвал его любимцем всей армии, «неустрашимым героем, исполнившим свой долг за святое дело освобождения пролетариата». Кроме того, по всем частям фронта рассылается приказ: «Вечный покой тебе, герой революции! Войска Третьей армии, склоняя знамена над твоим гробом, помнят и на твои слова «Товарищи, не отступайте, держитесь крепче» ответят: «Мы отомстим за тебя, наш славный герой!»

«Он был счастлив тем, что был сыном народа, восставшего против своих поработителей,— писал «Уральский рабочий».— Товарищ Хохряков, ты умел красиво жить, ты сумел красиво и умереть!»

Красиво жить, в понимании ленинцев,— это всю жизнь бороться за свободу и счастье трудящихся. Самозабвенно. Неустрашимо.

Содержание

Дайбо М. И.

Д14 Уральский Кронштадт.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 208 с., ил.

25 коп. 15 000 экз.

В период Великой Октябрьской соцналнстической революцин и граждаиской войны между революциониым Петроградом и Уралом существовала тесная взаимосвязь.

В трудиый для Урала период Петроград присылал иа помощь отряды моряков. В свою очередь, многие уральцы служили на кораблях Балтийского флота, штурмовали Зимиий, активио отстаивали завоевания Октября.

О боевых делах моряков в те иезабываемые дии рвссквзывает капнтаи 2-го раига в отставке М. И. Дайбо.

Книгв вдресуется шнрокому кругу читателей.

Д $\frac{10604-011}{М158(03)-83}$ 0505030102

ББК 63.3(2)712.8
9(С)22(092)

Михаил Иванович
Дайбо

УРАЛЬСКИЙ КРОНШТАДТ

Редактор В. Г. Лошак
Художник А. М. Туманов
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры М. А. Казанцева, Г. Г. Быкова

ИБ № 1037. Сдано в набор 09.06.82. Подписано в печать 11.11.82. НС 11481. Формат $70\times108^{1}/_{32}$. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,45. Усл. кр.-отт. 10,1. Уч.-изд. л. 9,7. Тираж 15 000. Заказ 356. Цена 25 коп.
Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка и вклейка отпечатаны в производственном объединении «Полиграфист», 620151, Свердловск, Тургенева, 20.

«НАШИ ЗЕМЛЯКИ»

В этой серии вышли в свет книги:

Городецкий Е. Н., Шарапов Ю. П.
СВЕРДЛОВ Я. М.

Тюфяков И. Н.
КУЗНЕЦОВ Н. И.

Путилов Б. А.
ВОНСОВСКИЙ С. В.

Малышева Н. И.
МАЛЫШЕВ И. М.

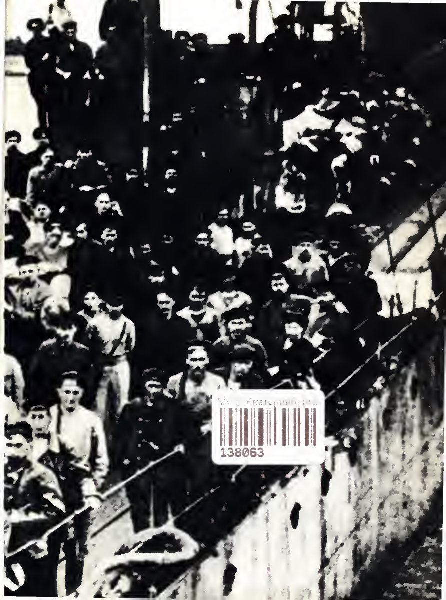
Гомельская С. З.
ЧУПИН Н. К.

В 1983 г. готовятся к изданию:

Валек Р. И.
ВАЛЕК А. Я.

Каёта Г. М., Вороиов Г. И.
ФЕДОРОВ Е. С.

Левии Ю. А.
МЕХОНЦЕВ Л. Я.

25 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1983

